

84(3)
В 38

Анне-Кат.
Вестли

**ЗНАКОМЬТЕСЬ,
ГЮРО!**

Анне-Кат.
Вестли

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ГЮРО!

Повести

Художник *Надежда Бугославская*

Москва
«Махаон»
2016

УДК 821.113.5-3-93

ББК 84(4Нор)

ВЗ8

Anne-Cath. Vestly

GURO

Перевод с норвежского Л.Г. Горлиной

GURO OG NØKKEROSENE

Перевод с норвежского И.П. Стребловой

Вестли А.-К.

ВЗ8

Знакомьтесь, Гуро : повести / Анне-Катрине Вестли ; пер. с норв. Л.Г. Горлиной, И.П. Стребловой ; ил. Н.В. Бугославской. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2016. – 192 с. : ил.

ISBN 978-5-389-08779-8

Вы наверняка помните истории про папу, маму, бабушку, восемь детей и грузовик. В этой книге вы познакомитесь с новыми героями Анне-Катрине Вестли: маленькой девочкой Гуро, её мамой Эрле, которая стала дворником, бывшей телефонисткой Тюлинькой, которая теперь стала дневной мамой для Гуро, Индивида (очень весёлого щенка) и друга Гуро Сократа, которого ещё зовут Нильсом, и многими другими.

УДК 821.113.5-3-93

ББК 84(4Нор)

GURO

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1975

© Горлина Л.Г., наследники, перевод на русский язык, 2016

GURO OG NØKKEROSENE

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1976

© Стреблова И.П., перевод на русский язык, 2016

© Бугославская Н.В., иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

ISBN 978-5-389-08779-8

ГЮРО

Перевод с норвежского
Л. Горлиной

Маленький мальчик

В поезде Гюро сидела тихо как мышка. В голове у неё теснились всякие мысли. Она думала сразу о многом: и о странном сегодняшнем дне, и о том, что мелькало за окном вагона, и о маме, у которой в глазах стояли слёзы, оттого что ей не хотелось уезжать. Правда, мама говорила, что это от простуды, но Гюро всё поняла: просто мама не хочет, чтобы Гюро знала, что она плачет.

Да, Гюро прекрасно поняла маму.

— Надень шарф, а то ещё больше простудишься, — сказала она.

Мама улыбнулась и буркнула: «Угу». Она видела, что Гюро понимает, что она только делает вид, будто простужена, потому что не хочет огорчать Гюро своими слезами.

Гюро и самой было невесело и тоже не хотелось, чтобы это было заметно. Она сидела и вспоминала всех, с кем простилась сегодня утром, в том числе и красный автобус, который привёз их на станцию. Автобус был последний, кому она сегодня сказала: «До свидания». Он привёз их на станцию, развернулся и поехал домой, только уже без них.

Вскоре к перрону подошёл поезд, и Гюро с мамой стали искать свободные места. Им посчастливилось найти два местечка у окна. Они сидели друг против друга и могли сколько угодно смотреть в окно. Постепенно мысли Гюро переключились на то, что она видела за окном. Вон стоит один дом, рядом – другой, и во всех домах живут люди. Интересно, как они выглядят? За домами начинались заснеженные поля. Потом поля сменил лес, и, наверно, в лесу стоял лось. Только бы он не вздумал выйти на рельсы, ведь он может попасть под поезд. Но вот лес кончился, и поезд остановился у новой станции. На платформе было много людей, они все собирались куда-то ехать. Может, кто-нибудь сядет и в их купе? Когда папа Гюро был болен, он однажды сказал:

– Вообще-то, Гюро, всем людям на земле следовало бы познакомиться друг с другом. Жаль только, что это трудно сделать.

– Тогда бы им пришлось всё время ездить и говорить друг другу: «Здравствуй, вот мы и познакомились!» или «Здравствуй, теперь мы с тобой знакомы!», – сказала Гюро.

– Да, им пришлось бы ездить из страны в страну, и у них больше ни на что не осталось бы времени. Но если ты как следует познакомишься с самой собой, тебе будет легче понять и другого человека. И получится, будто ты немножко знакома со всеми людьми.

Гюро считала, что уже неплохо познакомилась с самой собой, и сейчас ей не терпелось, чтобы кто-нибудь сел рядом с ними. Но пассажиры спешили мимо, пока наконец какая-то важная дама в сопровождении молодой девушки и маленького мальчика не остановилась у их купе.

– Здесь свободно? – спросила она.

– Да, пожалуйста, – ответила мама. – Сейчас я уберу сумку.

Новые пассажиры уселись и замолчали. Взрослые смотрели в окно, но мальчик смотрел только на Гюро. Гюро тоже смотрела на него, они глядели друг другу прямо в глаза. Вдруг мальчик скорчил рожу. Конечно, ему

гораздо больше хотелось бы попрыгать с Гюро, может быть, даже потолкать её немножко, побегать наперегонки. Мало ли есть способов познакомиться друг с другом! Это только взрослые торжественно раскланиваются и говорят: «Разрешите представиться, моя фамилия такая-то...»

Мальчик продолжал корчить рожи, и если тебе хочется знать, как он выглядел, опусти уголки рта, будто собираешься заплакать, сощурь глаза и сморщи всё лицо, чтобы оно было похоже на печёное яблоко.

Мальчик проделывал это очень быстро. Гюро слегка улыбнулась. Вообще-то ей было сейчас не до улыбок: она должна показать этому мальчику, что умеет корчить рожи ещё почище, чем он. Её мама, сидевшая рядом с мальчиком, не видела его кривляний, зато Гюро была хорошо видна ей. Мама возмутилась.

– Гюро, как ты себя ведёшь! Сию же минуту перестань! – воскликнула она.

Гюро строго взглянула на маму – та ей помешала сделать очень смешную рожу. Правда, Гюро тут же забыла о маме; засунув в рот большие пальцы, она оттянула книзу уголки губ. Она знала, что выглядит сейчас очень непривлекательно – не зря она много раз проделывала это перед зеркалом.

– Гюро, прекрати! – сказала мама.

Словно очнувшись, Гюро опять взглянула на маму.

Оттого что в купе сидели чужие люди, мама стала непохожа сама на себя. Лицо у неё было суровое, и голос звучал строго.

Разве так разговаривают друг с другом настоящие друзья? А ведь перед отъездом, когда им обоим было грустно оттого, что с ними больше нет папы и что им приходится навсегда покинуть свой маленький домик у шоссе, мама сама сказала, что они должны быть друзьями.

«Настоящие друзья всегда помогают друг другу», – сказала она в тот вечер.

Гюро, точно мешок, сползла со скамейки на пол. Внизу неприятно пахло трубами, обогревавшими вагон, и пол был заляпан грязью от мокрых башмаков и сапог, которые прошли здесь за день. Неожиданно кто-то плюхнулся на пол рядом с Гюро. Это был мальчик. Он толкнул её, и она в ответ толкнула его.

И тут же на полу зашевелились все ноги. Несмотря на то что проход между скамейками и столиком был очень узкий, мальчик был поднят и водворён на прежнее место. Потом от окна двинулись мамины сапоги, и высоко над Гюро раздался её голос:

– Прошу прощения за беспокойство, но здесь так тесно, я только подниму её.

Мама подняла Гюро и весьма решительно посадила на место. Мать мальчика сунула ему в руку сдобную булочку.

– Я предупреждала тебя, что ты поедешь с нами, только если будешь хорошо себя вести.

Мама вернулась в свой уголок и снова стала смотреть в окно. Гюро тоже повернулась к окну, но видела она плохо – глаза ей застлали слёзы. Из-за них казалось, будто от деревьев исходят сверкающие лучи. К тому же у неё потекло из носа. Гюро украдкой вытерла нос. Когда её слёзы высохли, она повернулась к незнакомой даме.

– Моя мама ни капельки не простужена! – сказала она.

Дама удивилась.

– Вот и хорошо, – сказала она, – а то сейчас все болеют гриппом.

Мама на секунду растерялась.

– Боюсь, Гюро, что теперь ты простудилась, – сказала она и улыбнулась. – Может, хочешь бутерброд с яйцом?

Гюро отвернулась к окну, подумала секунду и подняла на маму глаза.

– Мы квиты, – сказала мама.

Она произнесла это самым обычным голосом, и Гюро поняла: мама знает, что они обе вели себя не совсем так, как подобает добрым друзьям.

– Хочу, – сказала она, глядя на бутерброд.

Ей и в самом деле захотелось есть, и от этого стало весело. Так же весело ей становилось, когда папа называл её жеребёночком, потому что она любила бегать. Больше всего на свете Гюро любила быстро бегать, так быстро, что казалось, будто не бежишь, а летишь. «Жеребёночек Гюро, быстрый как ветер», – говорил папа, и Гюро очень нравилось, когда он так называл её. Но это бывало редко, чаще всего он звал её просто «доченькой», а когда ей хотелось спать, он называл её «соней». А ещё папа

звал её «порохом» — это когда она сердилась, и, если она сердилась долго, он говорил, что она «злючка-колючка».

— Вкусно, Гюро? — спросила мама.

— Ага, — ответила Гюро, — давай и мальчику дадим бутерброд.

— Спасибо, ему достаточно булочки, — сказала дама. — И поскольку вы обе простужены, ему лучше воздержаться от вашего бутерброда.

Гюро кивнула с серьёзным видом, а мама, чтобы скрыть улыбку, прижала платок к губам. Но Гюро видела, как над платком смеются её глаза.

Наконец мама справилась со своим смехом.

— Вы едете до Осло? — спросила она даму.

Так, благодаря детям, простуде и бутерброду, наконец познакомились и взрослые.

— Да, мы провожаем нашу сестричку, — сказала дама. — Она будет работать в городе на фабрике. К счастью, нам удалось снять для неё комнату у наших знакомых. Тяжело отпускать дочь из дома, тем более что в городе человека подстерегает столько опасностей. Я её предупредила, чтобы она никогда не разговаривала с незнакомыми людьми и не носила с собой сумочку с деньгами. Говорят, в городе много воришек...

— Мама, не надо, — перебила её дочь.

— Нужно ко всему относиться разумно, как в большом городе, так и в маленьком, — заметила мама Гюро. — Одним в Осло нравится, другим там не по душе. Но ведь и провинция нравится не всем. Вся разница в том, что в большом городе больше народу, но зато и больше возможностей.

— Вы, наверно, живёте в городе и ездили куда-нибудь в гости? — поинтересовалась дама.

— Нет, мы жили в маленьком посёлке, а теперь переезжаем в город, — ответила мама. — Пока я не найду работу и жильё, нам придётся жить в пансионате.

— Это очень неудобно, особенно если ты не одна, — сказала дама и взглянула на Гюро.

— Ничего, всё уладится, — сказала мама. — Конечно, первое время нам придётся трудно. Когда-то у меня в Осло были друзья, но теперь они уехали, и я там никого не знаю.

— Но ведь мы можем со всеми познакомиться, — вмешалась в разговор Гюро.

— Смотрите, опять остановка, — сказала дама. — По-моему, этот поезд то и дело останавливается. Как называется это место? Ага, Бесбю. Красивое местечко.

К тому времени Гюро уже расправилась с бутербродом. Она посмотрела на мальчика, а потом выглянула в коридор. Там тоже были окна. Раньше у ближнего окна стоял какой-то человек, но он вышел в Бесбю, и теперь окно освободилось.

— Можно, я постою в коридоре? — спросила Гюро у мамы. — Я никуда не уйду.

— Пожалуйста, — ответила мама. — Только держись крепче, а то упадёшь.

Вот теперь мама была такая, как всегда, и Гюро обняла её, словно хотела этим сказать, что она ею довольна.

Вслед за Гюро в коридор вышел и мальчик. Места у окна было достаточно для двоих.

Они одновременно приседали и подскакивали, с трудом удерживая равновесие, оттого что поезд очень трясло. Потом они поднимались на цыпочки или, растопырив пальцы, прижимали ладони к стеклу и смотрели сквозь них как сквозь решётку. Они даже не разговаривали, только точно повторяли все движения друг друга. Этого оказалось достаточно, чтобы подружиться.

Гюро сразу же захотелось, чтобы мальчик тоже жил в городе, в одном доме с нею или где-нибудь по соседству. Она даже представила себе, как они целый день вместе бегают и играют.

Поезд снова остановился.

— Как называется эта станция? — спросила Гюро.

— Кюлпен, — ответила мама.

— Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен, — пропел мальчик и высунул язык.

— Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен, — повторила Гюро, высунула язык, и они оба засмеялись.

— Вот весёлые дети! — сказал человек, севший в Кюлпене, он занял в их купе последнее свободное место.

— Они уже подружились, — сказала мама. — А ведь начали с того, что корчили друг другу рожи.

— Хм! — усмехнулся человек. — Представляю себе, как мы, взрослые, корчим друг другу рожи, когда хотим познакомиться.

Мама засмеялась, за ней засмеялись и дама с дочерью, а сам человек начал хохотать так, что чуть не задохнулся. В купе сразу стало шумно и весело. Забыв, что в поезде надо крепко держаться, мальчик упал, разбил нос и громко заплакал. Смех мгновенно утих.

— Вернись-ка лучше на своё место, Гюро, — сказала мама. — Тебе не мешает отдохнуть перед городом.

Город... Гюро уже почти забыла о нём. А ведь теперь они с мамой будут жить в большом городе, о котором она не знает ничего, кроме того, что ей рассказывала мама. «Лучше бы мы всю жизнь ехали в поезде, —

мечтала Гюро. — Мы бы здесь жили, спали на скамейках, а ели бы бутерброды. И мальчик жил бы с нами. Мы бы с ним смотрели в окно и пели: «Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен». Под эти мысли Гюро заснула и проснулась только тогда, когда все кругом зашевелились и стали надевать пальто. Мальчик вцепился в рукав матери, испугавшись, как бы впопыхах она про него не забыла.

Теперь у Гюро с мальчиком уже не было времени поиграть друг с другом, они стали будто чужие. Но когда поезд остановился, мальчик, выходя из купе, обернулся к Гюро и скорчил ей рожу. И она поняла, что они всё-таки друзья.

Дама, простившись с Гюро и её мамой и поблагодарив их за компанию, быстро пошла к выходу, увлекая за собой сына. Ей не терпелось поскорей выйти из вагона.

— Мы тоже так побежим? — спросила Гюро.

— Нет, нам спешить некуда, — ответила мама. — Времени у нас достаточно, а чемоданы тяжёлые. Ты не забыла свой рюкзак?

— Вот он, — сказала Гюро. В этом рюкзаке лежали её самые любимые вещи: маленькая деревянная лошадка и карманный фонарик, трактор и молоток, тряпичная кукла и ещё всякая всячина.

А в больших тяжёлых чемоданах была их одежда, та, которая могла им понадобиться в первое время. Все же остальные вещи были сданы на хранение в Гампетрефе: Гюро и мама не могли взять их с собой, пока у них не было постоянного жилья.

В городе Гюро растерялась. Она крепко держалась за чемодан, так как свободной руки у мамы не было, а кругом раздавались незнакомые звуки, спешили, обгоняя друг друга, люди, и сновали маленькие жёлтые вагонетки — одни доставляли груз к поезду, другие, наоборот, забирали его из вагонов. Гюро никогда в жизни не видела такой сутолоки.

— Мы поедem на такси, — сказала ей мама, — смотри внимательней, ведь это твоя первая поездка по городу.

Они выбрали на вид самого доброго таксиста, и он помог маме поставить чемоданы в багажник. В машине у него играл приёмник.

— Видишь, Гюро, этой музыкой город говорит тебе: «Здравствуй!» — сказала мама.

Такси мчалось очень быстро, несмотря на то что на улице было много автомобилей. Наверно, водитель хорошо знал дорогу. Вот он остановился у пансионата. Гюро увидела высокую каменную стену с множеством окон и тяжёлой дверью. Они с мамой вошли в эту дверь и оказались в небольшой тёмной комнате. Мама объяснила Гюро, что эта комната называется «вестибюль». Из вестибюля вели две лестницы, на одной из них было написано: «Пансионат», так что мама сразу поняла, куда надо идти.

На их звонок вышла какая-то женщина.

— Добро пожаловать, — приветливо сказала она. — Сейчас я покажу вам вашу комнату.

Они вошли в длинный-предлинный коридор, и хотя у Гюро за спиной был рюкзак, а на ногах тяжёлые башмаки, она попробовала пробежаться по этому замечательному коридору, так как весь день просидела в поезде неподвижно.

Однако хозяйка пансионата тут же остановила её.

— У нас нельзя бегать, — сказала она, — вдруг кто-нибудь из жильцов отдыхает после обеда. Мы, как правило, не принимаем жильцов с детьми. У нас тут все любят покой.

— Мы это учтём, — сказала мама. — Гюро, иди, пожалуйста, потише.

— Вот ваша комната, — сказала хозяйка, открыв одну из дверей.

Мама поблагодарила её, и они с Гюро наконец остались вдвоём.

В комнате стояла большая кровать для мамы и маленький диванчик для Гюро. Кроме этого здесь были стол, стул, большой платяной шкаф и маленький комодик.

Первым делом мама вытащила из чемодана папину фотографию, чтобы и он как будто был с ними, а потом застелила стол и комодик красивыми домашними салфетками.

— Ну вот, теперь здесь как дома, — сказала она. — Давай-ка поедим, а потом заберёмся ко мне на кровать и сыграем в лото.

— А как же мы будем мазать сажей нос тому, кто проиграет: ведь здесь нет печки? — спросила Гюро — дома они всегда так наказывали проигравшего.

— А мы это сделаем завтра, — сказала мама. — Я найду пробку, мы её обожжём, и у нас будет сажа.

Поев, они стали смотреть в окно на автомобили и прохожих, на уличные фонари и светящиеся витрины.

— Город как человек, — сказала мама. — Нужно время, чтобы с ним познакомиться. Нельзя сразу сердиться на него, а то никогда хорошо его не узнаешь.

— А в поезде мы с мальчиком познакомились очень быстро, — сказала Гюро. — Я на него ни капли не рассердилась, хотя и скорчила ему свою самую противную рожу.

Потом они уселись на мамину кровать и стали играть в лото.

— Как будто мы с тобой играем в лесу на полянке, — сказала Гюро.

— Да, и как будто нам очень весело и хорошо, — подхватила мама.

— Весело и хорошо нам с тобой не как будто, а на самом деле, — поправила её Гюро.

532733

Тюлинька

Когда утром Гюро проснулась, оказалось, что она лежит уже не у мамы в постели, а на маленьком диванчике, который всю ночь притворялся, будто он тоже настоящая кровать. Мама встала рано. Она уже успела побывать в магазине и принесла домой хлеб, молоко, масло, сыр, несколько газет и карту города.

— Я хочу прочитать в газетах объявления насчёт работы, — сказала она. — А карта поможет нам добраться в любой уголок города.

— Лучше бы мы остались в Гампетрефе, — сказала Гюро. — Там у нас был такой красивый дом.

— Я ведь тебе объясняла, Гюро, — сказала мама, — что мы заняли много-много денег, чтобы купить этот дом. А когда папа заболел, нам стало нечем платить и пришлось его продать.

— Там у меня был гараж для велосипеда, а здесь нет даже и велосипеда, — вздохнула Гюро.

— Ну и что, — сказала мама. — Твой велосипед хранится на складе вместе с другими вещами. Придёт время — и он снова вернётся к тебе. Тем более сейчас зима и кататься на велосипеде всё равно нельзя.

— В том доме с нами был папа, а здесь его нет, — сказала Гюро.

— Это правда, — вздохнула мама. — Но раз мы его любим, значит, он с нами, хотя его больше нет в живых. Папа очень хотел, чтобы мы с тобой были друзьями и всегда помогали друг другу. Вот и помоги мне, скажи: с какой работы мне следует начать?

— Тебе следовало работать в Гампетрефе, тогда бы мы не уехали оттуда, — ответила Гюро. — Почему ты не могла ходить по домам и помогать, кому нужно, как тётушка Забота? Она всегда брала с собой Лилле-Бьерна, а ты могла бы брать меня.

— Гампетреф — маленький посёлок, — сказала мама, — там достаточно одной тётушки Заботы. Не могла же я отнимать у неё работу. Ты вот мне скажи, что я умею делать лучше всего?

Гюро задумалась.

— Лучше всего ты умеешь мастерить мебель, красить стены и вбивать в них крючки, — сказала она наконец.

— Это верно, такая работа мне по душе, — призналась мама, — но здесь мне придётся заниматься чем-нибудь другим. Скорей всего, я наймусь вести у кого-нибудь хозяйство, чтобы нам с тобой дали комнату.

— Ну что ж, — сказала Гюро, — ты хорошо моешь полы, особенно если рассердишься. А когда тебе грустно, ты любишь печь хлеб.

— Я вижу, ты знаешь обо мне больше, чем я сама, — засмеялась мама. — И насчёт хлеба ты не ошиблась. Когда на душе невесело, очень полезно месить тесто, только боюсь, что здесь, в пансионате, это мне не удастся, хотя мне и разрешили отдельно готовить для нас с тобой еду, после того как все жильцы отобедают и посуда будет перемыта. Так что мы с тобой не пропадём, а сейчас собирайся, пойдём знакомиться с городом!

Они вышли на улицу. Гюро казалось странным, что люди проходят мимо друг друга, не здороваясь и не останавливаясь поболтать, как это делают в Гампетрефе. Зато городские сады и парки пришлись ей по душе. Мама ловко находила по карте один парк за другим. Вот где можно было побегать вволю! К тому же в парках не было уличного шума и не нужно было поминутно оглядываться на машины. Правда, там не было и красивых нарядных витрин. Гюро с мамой долго гуляли по городу. И когда Гюро вспомнила о пансионате, ей очень захотелось вернуться туда, ведь теперь

он был ей вроде дома. Конечно, лучше было бы вернуться в Гампетреф, в их маленький домик, но Гампетреф был далеко, и вернуться туда было невозможно. А вот пансионат был близко, и там – маленький диванчик, на котором она спала ночью, и окно, в которое можно смотреть на автомобили, не боясь, что они тебя задавят. Смотреть в окно совершенно безопасно. А длинный-предлинный коридор! Конечно, в башмаках там бегать нельзя, это мешает жильцам, которые любят поспать после обеда или до него. Но если пробежаться по коридору в одних чулках... да, да, она пролетит там, словно ветер, и никто ничего не услышит.

Уборная находилась в отдельном маленьком коридорчике. Вчера вечером и сегодня утром её туда провожала мама. Но после прогулки Гюро решила пойти туда одна. Ей было любопытно, будет ли там занято. Вдруг ей придётся подождать в коридоре? А может, наоборот, кто-нибудь подёргает за ручку, когда она будет внутри?

Однако ничего такого интересного не случилось. Гюро вышла из уборной в маленький коридорчик, там было пусто. Большой коридор тоже был пуст. На цыпочках, чтобы не шуметь, Гюро побежала к себе.

Только на другое утро, когда мама пошла звонить по объявлению насчёт работы, Гюро осмелилась пробежать по коридору так, как ей хотелось. Конечно, дома она бегала гораздо быстрее, там её ноги почти не касались земли, а волосы развевались по ветру, но и здесь она бежала довольно быстро. Добежав до конца коридора, она повернула обратно. Неожиданно она заметила, что одна из дверей чуть-чуть приоткрыта. Гюро остановилась, она уже собиралась на цыпочках проскользнуть мимо, как услышала странные, но знакомые звуки. За дверью кто-то плакал.

– Ну, Тюлинька, перестань же, возьми себя наконец в руки, – всхлипывая, бормотали за дверью.

Тюлинька? Неужели там за дверью плачет маленькая девочка, которую кто-то утешает?

Гюро не удержалась и вошла в комнату. Там сидела пожилая женщина, она была совершенно одна и очень удивилась, увидев Гюро.

– Ты простудилась? – быстро спросила Гюро. Теперь она знала, что взрослые любят так говорить, когда не хотят, чтобы кто-нибудь заметил, что они плачут.

— Да, — сказала женщина, — то есть нет. Конечно, дружок, я могла бы сказать тебе, что простужена, но ведь это была бы неправда. Нет, я не простужена, просто я плачу от собственной глупости и оттого, что на свете всё так сложно.

— Разве старым тоже бывает грустно? — удивилась Гюро.

— В том-то и дело, что бывает, — ответила женщина. — Хочешь, я расскажу тебе, почему мне грустно? Во-первых, потому, что я вышла на пенсию. Вчера я последний день работала у себя на телеграфе. Мне подарили цветы, вазу и часы. Сегодня мне уже не надо идти на работу, а это очень грустно. И во-вторых, меня пугает предстоящий переезд. В этом пансионате я прожила тридцать лет, но

теперь мне это уже не по средствам и я должна переехать в маленькую квартиру, в дом, где я не знаю ни души. И ещё надо упаковывать вещи, сегодня привезут ящики...

— А где же твоя Тюлинька? — спросила наконец Гюро.

— Тюлинька? — удивилась женщина. — Так ведь это я и есть.

— Не может быть, — сказала Гюро. — Тюлиньками зовут только маленьких девочек, а ты уже взрослая.

— Правильно. Меня звали Тюлинькой, когда я была маленькая, и все привыкли к этому имени, — объяснила женщина. — Даже на телеграфе меня все звали Тюлинькой. Видишь, на вазе так и написано: «Нашей Тюлиньке от её товарищей по работе».

— Если тебе грустно, приходи вечером играть с нами в лото, мама уже достала пробку, — предложила ей

Гюро. — А потом мы с мамой поможем тебе уложить вещи. Мы очень хорошо умеем паковать вещи, только что мы делали это дома.

— Вы меня спасёте! — воскликнула Тюлинька.

— А сейчас мне пора, мы идём искать работу, — сказала Гюро.

— Беги, мой дружок. Мы ещё с тобой увидимся, — сказала Тюлинька.

— Мне жалко, что ты собираешься уезжать отсюда, — призналась Гюро. — Ведь я никого здесь не знаю, кроме тебя.

— Может, ты приедешь ко мне в гости на новую квартиру? — спросила Тюлинька. — Боюсь, что мне там будет очень одиноко.

Мама уже в пальто ждала Гюро. Гюро рассказала ей про Тюлиньку, но умолчала о том, что бегала по коридору. Правда, маме показалось подозрительным, что Гюро пришла в одних чулках, держа туфли в руке, но, поскольку они собирались уходить, она не стала спрашивать, зачем Гюро разулась.

— Давай быстрее, — заторопилась мама. — Я обещала приехать в одиннадцать. В объявлении сказано, что требуется женщина, которая могла бы работать по дому и ухаживать за садом. Предоставляется большая светлая комната с ванной. Заманчиво, правда?

— Очень заманчиво, — согласилась Гюро.

Они посмотрели по карте и увидели, что им надо ехать сперва на трамвае, а потом на автобусе.

— Замечательно, мы увидим почти весь город, — сказала мама.

Гюро крепко держала маму за руку, когда они переходили большую улицу, а мама внимательно смотрела сначала в одну сторону, потом в другую. Постояв немного и набравшись мужества, она быстро-быстро побежала через улицу.

Только у самого тротуара мама перешла на свой обычный шаг.

В вагоне они сидели сразу за вожатым, и Гюро смотрела, как он управляет трамваем. Он передвигал какую-то ручку то вправо, то влево, останавливал вагон, снова трогал его с места и звонил в звоночек. Потом он подносил ко рту какую-то трубочку, и тогда все в трамвае слышали его спокойный, уверенный голос:

— Вагон работает без кондуктора. Проходите вперёд! Здесь вы тоже можете оплатить проезд!

Иногда вожатый тормозил, словно оберегая всех — и ехавших в трамвае, и идущих по улице, а также автомобили и мотоциклы, и всё время он разменивал пассажирам деньги и объявлял остановки.

— Я бы хотела, чтобы ты работала вагоновожатой. Тогда бы я целый день каталась с тобой на трамвае, — сказала Гюро.

— Я бы тоже хотела, — сказала мама, — но на вагоновожатого надо долго учиться, а мне хочется поскорей найти работу, чтобы у нас с тобой было своё жильё. Жить в пансионате очень дорого.

— Конечно, — согласилась Гюро. — И потом там нельзя бегать, хотя вообще-то мне там нравится.

Наконец они вышли из трамвая, пересели в автобус, и автобус повёз их далеко за город. Впрочем, это был ещё город, только дома здесь стояли не так тесно, как в центре. Мама по карте нашла остановку, где им следовало выходить, и они пошли по неширокой извилистой дороге, вдоль которой росли деревья. Дома здесь стояли в садах. На деревьях сверкал иней. Гюро смотрела на эти деревья, но будто не замечала их, она чувствовала, как волнуется и даже чуть-чуть побаивается мама, которая шла так быстро только потому, что хотела, чтобы всё было уже позади.

Они остановились перед красивым домом, сразу за ним начинался большой сад, куда выходила веранда с широким крыльцом.

Мама поднялась на крыльцо и позвонила. Гюро осталась внизу, залюбовавшись домиком, выстроенным из снега. Заглянув туда через окно, она увидела стул, на котором валялась газета. Было совершенно ясно, что сидеть в таком домике ни капли не холодно.

В это время отворилась дверь большого дома, и мама заговорила с хозяйкой.

— Меня зовут Эрле Лjungмю, — сказала мама. — Это я вам звонила нынче утром.

— Прекрасно. А скажите, могли бы вы, например, приготовить праздничный ужин? — спросила хозяйка.

— Боюсь утверждать, — сказала мама, — но мне кажется, что это не очень сложно. С обычным обедом я вполне справляюсь, а работать в саду даже люблю.

– А хорошо ли вы стираете? – спросила хозяйка. – И потом, есть ли у вас рекомендации? У меня должна быть гарантия, что на вас можно положиться.

– Видите ли, я никогда не вела такого большого хозяйства, – ответила мама, – но по мелочам помогала многим и, конечно, могу получить рекомендации там, где я жила раньше.

– Если судить по виду, то вы человек вполне надёжный, – сказала хозяйка. – И кажется, вы достаточно сильная, а это особенно важно. У нас много работы. Идёмте, я покажу вам вашу комнату.

– Спасибо, – сказала мама. – Пошли, Гюро.

– Кто это Гюро? – удивилась хозяйка.

– Моя дочка, – ответила мама.

– Почему же вы не сказали мне о ней по телефону? – спросила хозяйка. – Я считала, что вы одна. Значит, вы собирались жить у меня вместе с дочкой? Мне очень жаль, но это невозможно. У нас у самих есть сын, и я не знаю, что скажет мой муж, если в доме окажется двое детей. Один ребёнок – это один ребёнок, но двое – это всё равно что десять.

– Я вас понимаю, – сказала мама. – Простите за беспокойство.

Она взяла Гюро за руку и быстро вышла за калитку. Гюро поняла, что оглядываться не следует: у мамы был такой вид, будто ей хотелось поскорее забыть и этот дом, и эту хозяйку.

– Ладно, – сказала наконец мама, – нет и не надо. Завтра придумаем что-нибудь другое.

– Лучше бы я с тобой не поехала, – сказала Гюро. – Тогда бы тебе не пришлось говорить ей про меня.

– А что бы мы стали делать дальше? – спросила мама.

– А дальше – ты бы меня спрятала и я была бы твоим секретом, – продолжала Гюро. – Мы бы с тобой разговаривали только после работы.

– Нет, – заявила мама. – Я не хочу, чтобы ты была секретом. Бежим-ка лучше на автобус, а то он уйдёт без нас.

В городе Гюро увидела человека, который подметал тротуар.

– Мама, – сказала она, – а может, ты тоже будешь подметать улицу? Тогда я всегда могла бы быть вместе с тобой. Ты дала бы мне маленькую метёлку, и мы бы работали вдвоём.

– Хорошо, об этом мы ещё подумаем, – сказала мама. – Ты не тревожься за нас. В пансионат уплачено за месяц вперёд, я получаю пенсию, и мы никому ничего не должны. У нас всё будет хорошо.

– А как зовут людей, которые купили наш дом? – спросила Гюро.

– Фамилию их я забыла, – сказала мама. – Помню только, как зовут близнецов. У них такие красивые имена – Вальдемар и Кристина.

– Это те дети, которые теперь живут в нашем доме? – спросила Гюро.

– Да, – ответила мама.

– Правда, имена красивые, – согласилась Гюро. – Значит, теперь эти Вальдемар и Кристина бегают и к нашему столяру, и в наш лес, а нам здесь даже побегать нельзя из-за автомобилей?

– Здесь тоже можно будет бегать, – утешила её мама. – По воскресеньям, когда у меня будет выходной, мы с тобой станем ездить за город. Там можно сколько угодно гулять и бегать по лесу. Только надо немного подождать, пока мы устроимся.

Вдруг Гюро увидела какую-то огромную яму, обнесённую забором.

– Идём посмотрим, – предложила ей мама.

Внизу работали люди, там было темно, сыро и оглушительно грохотало железо.

– Тяжёлая работа у этих людей. Подумай только, весь день пробыть там внизу, – заметила мама.

– Пожалуйста, найди себе другую работу, – попросила её Гюро. – Сюда мне будет страшно ходить даже с тобой.

– Не бойся, мы найдём что-нибудь другое, – утешила её мама.

Вокруг гудели машины, и Гюро невольно вспомнила, как тихо было возле того дома, где мама не получила работу. Мысли вихрем закружились у неё в голове, правда, по ней этого не было заметно. Она спокойно шла за руку с мамой и как будто разглядывала витрины, а на самом деле думала о том, как бы сложилась их жизнь, если бы она, Гюро, стала вдруг невидимкой.

Вот мама получила работу в том доме, и они живут в большой светлой комнате. Гюро бегают по саду, потому что она невидимка и никто не подозревает о её присутствии. Иногда она заходит к маме на кухню, где мама готовит праздничный ужин. Хозяйка, конечно, не догадывается, что она здесь, а мама знает и только посмеивается, беседуя с хозяйкой. Потом

Гюро снова убегает гулять, она играет с мальчиком, который построил снежный дом, но он не видит её и не знает, что она с ним играет. Если мальчик окажется добрым, она ему скажет: «Дай честное слово, что никому про меня не скажешь, тогда я тебе покажусь. И мы сможем играть вместе. А когда придёт твоя мама, я опять стану невидимкой, и она подумает, что ты разговариваешь сам с собой, как Тюлинька».

Вспомнив про Тюлиньку, Гюро заторопила маму.

– Идём скорее домой, – сказала она, – ведь я пригласила Тюлиньку играть с нами в лото.

– Идём, – ответила мама. – Мы с тобой пообедаем, а попозже, когда кухня освободится, я сварю кофе, и мы пригласим к нам твою Тюлиньку.

Вечером они постучали к Тюлиньке. Она, как и утром, сидела в слезах. В комнате стояло несколько ящиков для упаковки, и Тюлинька растерянно смотрела на них, не зная, с чего начать.

– Я слышала, что Гюро пригласила вас к нам играть в лото, – сказала ей мама. – Я присоединяюсь к этому приглашению, ведь мы здесь совсем никого не знаем.

– Я бы с удовольствием поиграла в лото, но мне надо укладываться, – ответила Тюлинька. – Впрочем, у меня есть ещё несколько дней.

– Вот и прекрасно, сегодня поиграем в лото, а завтра мы поможем вам уложить вещи, – сказала мама. – Мне будет очень приятно немного поработать.

– Я с радостью приму вашу помощь, лишь бы поскорей избавиться от этих ящиков, – сказала Тюлинька. – Гюро, у меня есть для тебя небольшой подарок. Видишь этих маленьких кукол – мальчика и девочку? Я их дарю тебе в знак благодарности за то, что ты так сердечно утешала меня сегодня утром. К сожалению, я не могу подарить тебе и большую куклу, потому что с ней играла ещё моя мама, когда была маленькая.

– Эта кукла похожа на старинную даму, – сказала Гюро.

И она не ошиблась. У куклы были завитые локоны, шляпа с цветами, кружевное платье, белые чулки и чёрные туфельки. Она была так прекрасна, что Гюро не посмела бы даже прикоснуться к ней. Зато с маленькими куклами можно было играть как угодно. На мальчике были короткие штанишки, гольфы и свитер, у девочки – вязаное платье и светлые волосы.

— Я не давала им никаких имён, — сказала Тюлинька. — Назови их сама, как хочешь.

— Вальдемар и Кристина, — тут же решила Гюро и подумала про себя: «Тогда я смогу играть, как будто я снова дома, там, где живут настоящие Вальдемар и Кристина».

— Мы ждём вас играть в лото, — сказала мама Тюлиньке.

Мама и Тюлинька пили кофе с печеньем, а Гюро — молоко. Вальдемар и Кристина сидели на кровати и смотрели на них.

— Сегодня мы не будем думать о моих вещах, — сказала Тюлинька, — мы будем только играть в лото.

Так они и сделали. Тюлинька проиграла, и Гюро мазнула ей по носу жжёной пробкой. Тюлинька была в восторге.

— Теперь я ничего не боюсь, потому что у меня есть такие друзья! — сказала она.

В эту ночь на маленьком диванчике, который притворялся, будто он настоящая кровать, спали трое — Гюро, Вальдемар и Кристина.

Негоразумение

Утром мама надела брюки, в которых обычно красила, столярничала или занималась какой-нибудь другой грязной работой. Гюро тоже надела брюки и свитер, те, что постарее, и они обе постучались к Тюлиньке. Та сидела на диване и, как накануне, растерянно смотрела на ящики.

— Вот хорошо, что вы пришли, — сказала она. — Никак не могу решить, с чего начать. Что надо сперва укладывать, посуду или книги?

— Конечно, надо начинать с посуды, — сказала мама. — Чашки, блюда, тарелки и вообще всё, что бьётся, мы завернём в рубашки и полотенца. Таким образом мы упакуем сразу и бельё и посуду.

— Великолепно! — воскликнула Тюлинька. — Я бы сама никогда до этого не додумалась! Сказать по правде, у меня не так уж и много вещей. Мебель почти вся принадлежит пансионату, кое-что, правда, здесь есть из моего родительского дома. Но главное — это вазы, я очень боюсь за них.

— Те вещи, которые вам особенно дороги, мы положим в чемодан и возьмём с собою в такси, — сказала мама.

— Без вас я бы пропала, — вздохнула Тюлинька. — Очень плохо, когда человек один. Гюро, я думаю, нам с твоей мамой надо говорить друг другу «ты», как ты считаешь?

Гюро и мама засмеялись.

— С удовольствием, — сказала мама. — Меня зовут Эрле.

— Прекрасно, — обрадовалась Тюлинька. — Мы трое всегда будем помогать друг другу.

От радости она даже запела высоким дребезжащим голосом «Три девушки шли по дороге». И они принялись за дело. Главную работу выполняла мама, Гюро и Тюлинька только подавали ей вещи, и вскоре они упаковали всё, что могло разбиться.

— Теперь возьмёмся за книги, — сказала мама. — Начинайте без меня, я должна пойти позвонить насчёт работы.

— Хорошо, — сказала Тюлинька. — Кстати, мне тоже нужно позвонить по телефону.

— Пожалуйста, тогда звони ты первая, я могу обождать, — предложила мама.

— Нет, это совсем другой телефон, — засмеялась Тюлинька. — Мы здесь так говорим, когда надо выйти в уборную, — объяснила она.

Мама тоже засмеялась, и они с Тюлинькой вышли из комнаты, а Гюро осталась с Вальдемаром и Кристиной. Сперва она стояла неподвижно, держа их в руках, а потом что-то придумала.

— Я должна стать невидимкой, — сказала она им, — только тогда мама получит работу.

Но Вальдемар и Кристина явно не понимали её, и ей пришлось всё объяснить им.

— Я спрячусь в один из ящиков, как будто меня здесь нет, — сказала она. — А вы пока посидите на диване. Смотрите не проговоритесь, где я.

Она влезла в большой ящик, прикрылась сверху серой обёрточной бумагой, и её как будто не стало. Вернувшись в комнату, Тюлинька очень удивилась.

— Гюро, где же ты? — воскликнула она. — Вальдемар и Кристина здесь, а ты... Ну, ничего, наверное, Гюро скоро вернётся, — сказала она куклам.

В это время в дверь постучали.

— Зачем ты стучишься, Эрле? — удивилась Тюлинька. — Ведь ты только что вышла отсюда.

Но оказалось, что это не Эрле, это пришла подруга Тюлиньки по имени Лиллен.

— Я так и знала, что ты уже начала упаковывать вещи, — сказала она. — Хотя я сама паковать не умею и доктор запретил мне поднимать тяжести, я решила составить тебе компанию, чтобы тебе не было так грустно. Что я вижу! Ты упаковала уже два ящика? И даже додумалась завернуть посуду в бельё!

— Это не я додумалась, — призналась Тюлинька. — Мне, можно сказать, небеса послали на помощь двух человек — маму Эрле и дочку Гюро.

— Ты давно с ними знакома? — поинтересовалась Лиллен.

— Со вчерашнего дня, — ответила Тюлинька. — Они недавно поселились в нашем пансионате. Сперва я познакомилась с дочкой, а потом уже и с мамой.

— Другими словами, тебе помогают совершенно чужие люди? — испугалась Лиллен. — Но ведь они могут тебя обокрасть! Откуда ты знаешь, что они не унесут потихоньку что-нибудь ценное. Если бы ты посоветовалась со мной, я бы предостерегла тебя.

— Лиллен, ты опять начиталась в газетах всяких страшных историй! — засмеялась Тюлинька. — После них тебе всюду мерещатся воры. Подожди, сейчас ты сама их увидишь и поймёшь, что ошиблась. Не понимаю только, куда запропастилась Гюро? Надо посмотреть у неё в комнате. Эрле ушла звонить по телефону, и за девочку отвечаю я.

Гюро уже собиралась выпрыгнуть из ящика с криком: «А я здесь!» – словно чёртик из табакерки, как в сказке, которую ей читала мама, но в эту минуту Лиллен воскликнула:

– Что, что? Ушла звонить? Можешь не сомневаться, она разговаривает сейчас со своими сообщниками и наверняка обещает прихватить с собой всё, что сможет!

– Перестань, Лиллен, – оборвала её Тюлинька. – Пожалуйста, замолчи, мне просто смешно.

Тюлинька вышла из комнаты, а Гюро лихорадочно соображала, что же ей теперь делать. Она сидит в ящике, Вальдемар и Кристина – на диване, а рядом с ними – эта противная тётка, которая так плохо говорила об её маме. Конечно, Вальдемар и Кристина испугались и надеются, что она скоро перестанет быть невидимкой.

Гюро вылезла из ящика.

– Ну вот, теперь меня снова видно. Идёмте домой, – сказала она куклам.

От удивления Лиллен застыла с разинутым ртом, но, увидев, что Гюро уносит кукол, она очнулась.

– Стой, озорница! – воскликнула она. – Это не твои куклы! Сейчас же положи их на место!

Взглянув на неё, Гюро вновь посадила Вальдемара и Кристину на диван.

– Прощайте, нам больше нельзя быть вместе! – сказала она им и бросилась вон из комнаты.

В дверях она столкнулась с Тюлинькой.

– Гюро, я же тебя всюду ищу! – воскликнула Тюлинька. – Я так испугалась, что тебя нет!

– А меня и нет, я ухожу, – прошептала Гюро.

– Что случилось, ты устала? Почему ты не берёшь своих друзей? – спросила Тюлинька.

Но Гюро, не ответив, убежала из комнаты.

– Подумай, я поймала её на месте преступления! – сказала Лиллен. – Она хотела унести твоих кукол. Мне очень интересно, что ещё у тебя пропало?

В это время в дверь постучали, и вошла мама.

— Ну вот, наконец я дозвонилась, — сказала она. — Я прочла в объявлении, что одинокому человеку требуется работница на три дня в неделю. Он не против, чтобы со мной жила Гюро. Говорит, что предоставит мне большую хорошую комнату. Я обещала вечером приехать к нему.

— Это вы ему сейчас звонили? — спросила Лиллен. — Тюлинька, а что я тебе говорила?

Но Тюлинька не ответила ей.

— Эрле, — сказала она, — начни, пожалуйста, упаковывать книги, а мне надо на минутку выйти вместе с Лиллен.

— А где же Гюро? — поинтересовалась мама.

— Она у себя. Сейчас мы вернёмся вместе с нею, — ответила Тюлинька. Она за руку вытащила Лиллен в коридор.

— Лиллен, если ты сию минуту не извинишься перед Гюро, я больше не буду с тобой разговаривать, — сказала она ей очень твёрдо. — Во всяком случае сегодня. И боюсь, что мне очень не скоро захочется тебя снова увидеть.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась перед ребёнком? — удивилась Лиллен.

— Вот именно, — строго сказала Тюлинька. — Взрослые всегда просят прощения, когда обидают друг друга. Почему же они не должны просить прощения у ребёнка, если незаслуженно его обидели? Не знаю, выдержишь ли ты слово, если пообещаешь больше никогда не говорить таких глупостей, боюсь, твой язык опять подведёт тебя, но попросить прощения ты можешь. Я сама подарила Гюро кукол, и это единственные друзья, какие у неё есть в этом огромном городе. Так что тебе следует поторопиться!

Она постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, втолкнула Лиллен в комнату.

— Где же ты, Гюро? — спросила Лиллен, оглядываясь. — Мне у вас очень нравится — какая красивая салфеточка!.. Сколько тебе лет, деточка?.. Нет, кажется, я говорю не то. Тюлинька, что я должна сказать?

— Тебе это лучше знать, — строго ответила Тюлинька и отвернулась к окну.

— Да, конечно. Прости, пожалуйста, что я подумала, будто ты украла этих кукол. Я больше так не думаю. Видишь ли, Тюлинька — моя лучшая подруга, и я хотела помочь ей. Ты очень на меня обиделась?

– Да, – ответила Гюро. – Зачем ты плохо говорила о маме?

– Как, ты и это слышала? – в ужасе воскликнула Тюлинька. – Что же нам теперь делать? Хочешь, Лиллен извинится и перед мамой?

– Нет, – решила Гюро, подумав, – ведь мама ничего не слыхала, а если мы ей расскажем, ей станет очень обидно.

– Я вижу, ты настоящий товарищ! – сказала Тюлинька и пригласила Гюро и Лиллен в свою комнату.

– Мне не хочется, – призналась Гюро, взглянув на Лиллен.

– Но тогда мама обо всём догадается, а ведь мы договорились не огорчать её, – сказала Тюлинька. – К тому же Лиллен извинилась перед

тобой. Ты не думай, она вообще-то очень добрая, но иногда может сболтнуть лишнего. И потом она любит фантазировать. Ей за каждым углом мерещатся разбойники.

– Ну, хорошо, идёте, только сначала я забегу сюда, – сказала Гюро и побежала в маленький коридорчик.

– Мы тебя подождём, – сказала Тюлинька.

Мама укладывала в ящик книги, она стояла низко наклонившись, но, услышав шаги, подняла голову.

– Где ты была, Гюро? – спросила она.

– Звонила по телефону, – ответила Гюро.

– Это чистая правда, – подтвердила Тюлинька. – А теперь мы все будем помогать Эрле. Мы с Гюро будем снимать книги с полок, а Лиллен сядет на стул и будет принимать их у нас и отдавать Эрле. Я думаю, Лиллен, это не очень тяжело для тебя?

– Конечно, – сказала Лиллен. – Я тоже хочу работать.

Уложив книги, они все вместе пообедали в пансионатской столовой, а потом снова до самого вечера помогали Тюлиньке.

Вечером мама сказала:

– К сожалению, мне пора идти смотреть ту комнату, о которой я вам говорила. Гюро, тебе придётся лечь спать без меня. Мне не хочется брать тебя с собой так поздно.

– Я могу посидеть с Гюро, если нужно, – предложила Тюлинька.

– Это будет замечательно! – обрадовалась мама.

– Тебе далеко ехать? – спросила Тюлинька.

– По-моему, близко, – ответила мама и показала по карте, куда она поедет.

– Это же совсем рядом с Лиллен! – воскликнула Тюлинька. – Эрле, пожалуйста, проводи её. Лиллен очень боится ходить одна, особенно по вечерам.

Мама уложила Гюро в постель, и вскоре к ним пришли Тюлинька и Лиллен. Лиллен непременно хотела попрощаться с Гюро.

– Ты на меня больше не сердись? – шепнула она, наклонившись к её диванчику.

Гюро серьёзно покачала головой.

— Вы можете идти, — сказала Тюлинька. — Держитесь покрепче друг за друга.

— Мама, а разве туда нельзя пойти утром? — спросила Гюро.

— Нет, — ответила мама, — хозяин просил, чтобы я пришла вечером, и непременно сегодня. Это очень выгодное место, оно привлекает многих, и я могу потерять его, если отложу всё до утра.

И она ушла, оставив Гюро и Тюлиньке два апельсина.

Тюлинька спросила у Гюро:

— Что тебе рассказать, сказку или про то, как я была маленькая?

— Как ты была маленькая, — решила Гюро. — А когда ты была маленькая, ты была такая же большая, как я?

— Сперва я была гораздо меньше, чем ты, — начала рассказывать Тюлинька. — Все люди сперва бывают очень маленькие, а потом вырастают. Так вот, когда я была уже не совсем маленькая, но всё-таки меньше, чем ты, у меня умерла мама. Мы с папой жили в доме, где у папы на первом этаже была лавка. Папа много времени проводил в этой лавке и решил нанять какую-нибудь женщину, чтобы она присматривала за мной. Если бы ты только знала, сколько женщин побывало в нашем доме, и все они должны были заменить мне маму. Одни были добрые, другие — злые, но о них я расскажу тебе в другой раз. Так вот, в один прекрасный день папа привёл домой ещё одну женщину и сказал: «Знакомься, Тюлинька, эта тётя теперь всегда будет жить с нами». Они поженились, и у меня появилась новая мама.

— Она была злая мачеха, как в сказках? — спросила Гюро.

— Нет, — ответила Тюлинька. — Она была очень добрая мачеха, и мы с ней подружились. Я так любила её, что, даже когда выросла, осталась жить дома вместе с нею. Я поступила работать телефонисткой и проработала там несколько лет. А потом переехала в Осло и стала работать на телеграфе. Тридцать лет без перерыва я работала на телеграфе, и вот теперь этому пришёл конец.

— Не плачь, — сказала Гюро. — Давай лучше играть в телефонисток. Возьмём себе по телефону и будем разговаривать.

Она спрыгнула с постели, подбежала к шкафу и достала оттуда две вешалки.

– Вот твой телефон, – сказала она Тюлиньке, отдавая ей одну вешалку, – а это – мой. Ты садись у двери, а я – здесь. Готова? Я начинаю. Алло, алло, телефонистка? Как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, прекрасно, – ответила Тюлинька. – С кем бы вы хотели поговорить?

– С Вальдемаром и Кристиной, если можно, – попросила Гюро.

– Пожалуйста, Вальдемар вас слушает, – ответила Тюлинька и шепнула: – А теперь я буду за Вальдемара.

– Здравствуй, Вальдемар! – закричала Гюро. – Ты там, наверно, всё время бегаешь быстро-быстро? А ты знаешь, что раньше я тоже жила в этом доме? А до меня там жил один мальчик. Это он построил гараж для велосипеда. Ему помогал наш столяр. У этого мальчика была сухая веточка, похожая на человечка, он с ней дружил и никогда не расставался. Это мне рассказывала тётя, которую все зовут тётушка Забота. Передай от меня привет нашему дому.

– Непременно передам, – сказал Вальдемар.

– А теперь я хочу снова разговаривать с Тюлинькой, – сказала Гюро. – Тюлинька, ты меня слышишь?

– Да, да, – отозвалась Тюлинька.

В это время в дверях появилась мама.

– Как ты быстро вернулась! – удивилась Тюлинька.

Мама даже не заметила, что Гюро и Тюлинька сидят с вешалками в руках. Лицо у неё пылало.

– Что случилось, тебе отказали в комнате? – воскликнула Тюлинька.

– Я сама от неё отказалась, – ответила мама.

– Хозяин оказался злым и не захотел, чтобы я жила вместе с тобой? – спросила Гюро.

– Злым? Да нет, напротив, он был так добр, что я сразу заподозрила неладное, – ответила мама.

– Как это неладное? – удивилась Гюро.

– Он предложил мне стать его возлюбленной, – сердито сказала мама. – Впредь я буду осторожнее, когда придётся звонить по объявлению. А теперь давайте забудем об этом и, если Гюро хочет, мы можем сыграть в лото.

– Конечно, хочу, – обрадовалась Гюро, – а потом я разок пробегу по коридору. Ты не бойся: я – в тапочках и меня никто не услышит.

Пробежаться ей захотелось от радости, что мама так быстро вернулась, но только она спустила ноги на пол, как в комнате вдруг стало темно. А вот почему у них стало темно, вы узнаете из следующей главы.

Мама на стремянке

Лампочка в комнате у мамы и Гюро погасла неожиданно, словно крикнула: «Прощай!» И сразу же в коридоре слышались голоса.

– У нас нет даже свечки, вот досада, – сказала мама.

– А у меня есть карманный фонарик! – воскликнула Гюро. – Мне его подарил папа. Он лежит у меня в рюкзаке.

– А где лежит рюкзак?

– У меня под диванчиком! – Гюро свесилась с диванчика, вытащила рюкзак, и через секунду у неё в руках уже горел фонарик.

– Без тебя я бы пропала! – засмеялась мама.

Гюро обрадовалась, ей даже показалось, что папа тут, с ними, оттого что в комнате горит подаренный им фонарик.

Мама вышла в коридор, Гюро в ночной рубашке зашлёпала следом, держа Тюлиньку за руку. Там они увидели хозяйку пансионата и старого Андерсена, который жил в пятом номере.

– Это, наверно, короткое замыкание, – сказала хозяйка. – Лампочка так и вспыхнула перед тем, как погаснуть. Что же нам теперь делать? У дворника грипп, жильцов ещё нет дома, а я сама боюсь лезть на стремянку и менять лампочку.

– Моя мама ничего не боится, – сказала Гюро. – Она умеет делать всё, кроме праздничного ужина.

– Дело нехитрое, – сказала мама. – Сперва надо вывинтить старую лампочку и проверить патрон, может, замыкание случилось в нём. Тогда патрон придётся починить, прежде чем ввинчивать новую лампочку.

– Как удачно, что вы оказались дома, – обрадовалась хозяйка. – Если вы дадите мне ваш фонарик, я принесу стремянку.

Хозяйка ушла, и они остались в крошечной тьме, как будто их здесь и не было, а только их голоса в темноте старались пробиться друг к другу.

— Мама, ты где? — спросила Гюро.

— Здесь, — ответила мама.

— Тюлинька, а ты?

— И я здесь, — ответила Тюлинька. — Ушла только хозяйка с фонариком.

— Я раскладывал пасьянс, когда погас свет, — сказал старый Андерсен.

В конце коридора показались два огонька: один — карманный фонарик Гюро, второй — свеча, которую держала хозяйка.

— Эта стремянка такая тяжёлая, — пожаловалась издали хозяйка, и мама, попросив, чтобы она ей посветила, поспешила к ней на помощь. Хозяйка водворила свечку на столик, стоявший в коридоре, и луч карманного фонарика заплесал вдаль, указывая маме, как найти стремянку. Мама вернулась, таща большую и тяжёлую лестницу, а луч фонарика уже забрался на потолок, и все увидели чёрную перегоревшую лампочку.

Мама расставила стремянку и полезла вывинчивать лампочку.

— Посветите мне, пожалуйста, — попросила она хозяйку, и та с готовностью направила луч прямо маме в лицо. Мама зажмурилась. — Нет, нет! — воскликнула она. — Светите не на меня, а на лампочку!

Гюро, боясь, что мама упадёт, крепко держала стремянку, Тюлинька тоже. Мама вывинтила лампочку.

— Дайте-ка мне фонарик, — попросила она. — Так я и думала. В патроне сгорела изоляция, из-за этого и произошло замыкание. У вас найдутся кусачки?

— А что это такое? — спросила хозяйка.

— Это щипцы, которыми можно перекусить проволоку, — объяснила мама.

— У меня, у меня есть кусачки! — радостно воскликнула Тюлинька. — У меня есть целый ящик с разными инструментами, он принадлежал моему папе.

Теперь карманный фонарик передали Тюлиньке, и она вместе с Гюро, которая не решилась отпустить её одну, поспешила к себе в комнату. Там в шкафу стоял большой ящик с инструментами.

Они взяли его и отнесли маме.

— Прекрасно, сейчас я всё сделаю, — сказала мама.

Она зачистила обгоревшие проводки, закрепила их и наконец ввинтила новую лампочку.

— Осталось только включить пробки, — сказала она.

— Первый раз вижу, чтобы женщина умела чинить электричество! — воскликнула хозяйка.

— Когда необходимо, я, конечно, могу кое-что починить, — сказала мама, — но всё-таки советую вам завтра пригласить настоящего монтера. Пусть проверит, правильно ли я всё сделала.

— Не сомневаюсь, что всё сделано правильно, — сказала хозяйка. — А что касается пробок, я и сама могу их включить, это я умею.

И в пансионате снова вспыхнул свет, лампочки сверкали так, будто вовсе не гасли.

— Я вам очень благодарна, — сказала хозяйка маме. — И если вы не возражаете, я сейчас принесу к вам в комнату кое-что вкусненькое, и мы все вместе поужинаем. Я это припасла для Тюлиньки, хотела на прощание поужинать вместе с ней.

— И старый Андерсен пусть тоже пойдёт с нами, — сказала Гюро.

Но старый Андерсен поблагодарил за приглашение и, сказав, что он занят, обещал прийти к ним в другой раз.

И вот Гюро снова сидит на своей кровати, вернее, не на кровати, а на маленьком диванчике, который служит ей кроватью, рядом с ней сидит Тюлинька, мама забралась на свою постель, а хозяйка занимает единственный стул. Они едят принесённые хозяйкой бутерброды и беседуют.

— Как жаль, что Тюлинька от нас уезжает, — вздохнула хозяйка. — Правда, она обещала навещать нас, когда ей случится бывать в центре.

— Даже представить себе не могу, что в моей комнате будет жить чужой человек, — сказала Тюлинька.

— Да, и он приедет ровно через две недели, — сказала хозяйка. — Надо успеть отремонтировать комнату, а наш дворник заболел, и я не знаю, как найти мастера за такой короткий срок.

— Хотите, я отремонтирую эту комнату? — предложила мама хозяйке.

— Неужели женщина может справиться и с такой работой? — удивилась та.

— Конечно, — вмешалась в разговор Гюро. — Моя мама может справиться с любой работой. Она сама красила наш дом и помогала столяру делать мебель. Она даже трактор водить умеет!

— Трактора у меня, к сожалению, нет, — засмеялась хозяйка и обратилась к маме: — Вы в самом деле считаете, что справитесь с таким ремонтом? Там надо побелить потолок и покрасить стены.

— Да, с этим я справлюсь, это несложно, — сказала мама. — Я даже рада, что у меня будет какое-то дело, пока я ищу себе работу. Вот только Гюро придётся поскучать, мы с ней не сможем гулять по городу.

— Ну и что, зато здесь мне не нужно быть невидимкой! — сказала Гюро.

Тюлинька и хозяйка не поняли, что она имеет в виду, но мама прекрасно поняла её и сказала:

— Не бойся, тебе нигде не придётся быть невидимкой. Но я смогу начать только послезавтра, — предупредила мама хозяйку, — завтра мы будем перевозить Тюлиньку, мы ей уже обещали.

В это время Тюлиньку вызвали в коридор — жильцы пансионата просили её прийти через полчаса в пятый номер к старому Андерсену, где они устраивали прощальный вечер в её честь.

— Тогда я должна надеть нарядное платье, — сказала Тюлинька. — Покойной ночи, Гюро. Спасибо тебе за помощь. Завтра утром мы встретимся, и ты будешь командовать моим переездом.

Гюро полежала недолго, прислушиваясь к голосам в коридоре, а потом уснула, и ей приснился папа — он был здоров, и она вместе с ним бегала по зелёному лугу.

Наутро маме пришлось пощекотать Гюро, чтобы разбудить её.

— Вставай скорей, — сказала мама. — Сегодня нас ждёт интереснейший день. Мы поедем с Тюлинькой в её новую квартиру. Ты увидишь место, которого никогда прежде не видела.

— Разве Тюлинька будет жить не в городе? — спросила Гюро.

— В городе, только на самой окраине, — ответила мама.

— Там, где тебя не взяли на работу, потому что у тебя есть я?

— Нет, это совсем в другом месте, — ответила мама, — кажется, оно называется Тутлетоппен, а может быть, Титлетопен или Тотиллтопен, не помню. Надо спросить у Тюлиньки. Собирайся скорей, Гюро, Тюлинька хотела выехать пораньше.

— Мы поедем на трамвае? — спросила Гюро. — Я здесь уже немного знакома с одним вагоновожатым.

— А ещё ты знакома с Тюлинькой, — сказала мама.

— И с Лиллен, и с хозяйкой, которая думала, что ты не умеешь чинить свет, и с тётенькой, которая не хотела, чтобы я у них жила, и с мальчиком в поезде, и с Вальдемаром и Кристиной, и со старым Андерсеном из пятого номера, а больше пока ни с кем, — сказала Гюро.

— Не горюй, скоро ты ещё со многими познакомишься, — утешила её мама.

Грузовик уже стоял возле дома. На него погрузили ящики с книгами и посудой, коробку с фотографиями, несколько чемоданов и красивый ящик с инструментами. Стол, стулья, диван и другая мебель принадлежали пансионату и остались на прежнем месте, но, несмотря на это, комната Тюлиньки показалась Гюро чужой. Тюлинька стояла посреди комнаты и как будто прощалась с каждой вещью.

— Ну вот и всё, — сказала она. — Вчера у старого Андерсена в мою честь был устроен небольшой ужин. Кое-кто там слишком выпил и раз-

веселился, поэтому я рано ушла, но я знаю, что они не хотели меня обидеть. Я долго лежала и прислушивалась к их голосам и думала, что они собрались только ради меня. Это так странно. Они преподнесли мне чудесный подарок, вам никогда не угадать, что они мне подарили! Это фотоаппарат! Я в жизни не сделала ни одной фотографии, но отныне буду фотографировать всё подряд. И первой, кого я сниму, будет Гюро!

Тюлинька поставила Гюро возле грузовика и с гордым видом щёлкнула аппаратом.

— Мы поедem на трамвае? — спросила Гюро.

— Нет, дружок, сегодня мы поедem на такси, — ответила Тюлинька. — Мы повезём с собой вазы, которые я очень боюсь разбить, и горшки с цветами. Такси сейчас придёт.

«Горшки с цветами, цветы с горшками, цветочный горшок, горшечный цветок», — стала повторять про себя Гюро непривычные для неё слова, а мама сказала спокойным и ровным голосом:

— Да, да, конечно.

Гюро с удивлением взглянула на маму. С виду мама была такая же, как всегда, но Гюро знала: если мама говорит таким голосом, значит, она думает о чём-то своём. С Гюро и с самой так бывало. Иногда Гюро удавалось угадать, о чём думает мама, но сегодня, сколько она ни ломала голову, она ничего не могла придумать.

А мысли мамы и в самом деле были заняты очень необычными вещами. Она думала об этом весь вечер и всю ночь. Когда она стояла на стремянке и чинила свет, ей пришло в голову, что вовсе не обязательно идти работать служанкой к чужим людям. Жильё можно получить и другим способом. Если она справится с тем, что задумала, то у них с Гюро будет своя маленькая квартира. Что же тут удивительного, если Гюро не могла разгадать её мыслей!

— Тирилтопен, Брусничная аллея, 14, корпус «Ю», — сказала Тюлинька шофёру.

— А я думала, Тутлетопен! — засмеялась мама.

Тутлетопен! Тотлетопен! Бумлетопен! Тумлетопен! Тирилтопен! Тирилтопен! Гюро захотелось, чтобы с ними в такси ехал мальчик из по-

езда! Как весело было бы прыгать вместе с ним на заднем сиденье и приговаривать эти смешные слова!

— А почему с тобой нет Вальдемара и Кристины? — спросила Тюлинька у Гюро.

— Я их оставила дома, чтобы они не мешали мне командовать твоим переездом, — ответила Гюро. — Но я обещала им, что вечером непременно вернусь домой.

Тюлинька сказала, что хочет посмотреть пароходы, и попросила шофёра ехать по набережной. Они поехали вдоль причалов. Там, протянув к небу длинные руки, стояли подъёмные краны, на пароходах развевались флаги разных стран. Рядом с пароходами стояло какое-то странное огромное сооружение с башней.

— Что это? — спросила Гюро.

— Нефтяной танкер, — ответила Тюлинька.

«Нефть, топка, нефтяное отопление», — тут же подумала мама, а вслух сказала:

— Эту топку мне необходимо освоить.

— Какую топку — на танкере? — удивилась Тюлинька.

— Нет, я думала об отоплении в домах, — ответила мама.

— Я вижу, Эрле, тебя интересует всё на свете, — засмеялась Тюлинька.

Но маму интересовало далеко не всё. «Если я справлюсь с тем, что пришло мне в голову, когда я стояла на стремянке, — думала мама, — то остальная работа меня уже не пугает. Я люблю и стены красить, и мебель чинить, и землю копать. Может, нам вовсе и не придется жить у чужих людей, которым не нравится, что у меня есть дочка».

Так думала мама, а вот Тюлинька думала о том, что без Гюро и Эрле она чувствовала бы себя самым одиноким человеком на свете.

Тем временем причалы кончились и дорога пошла в гору, хотя кругом были ещё городские улицы и стояли городские дома.

Вскоре вдаль показался лес, а перед ним — другой, лес из высоких жилых корпусов. Одни были чуть-чуть повыше, другие — пониже, и было их очень много.

— Приехали, — сказала Тюлинька. — Вот здесь я и буду жить. Только я никак не могу запомнить свой корпус. Кажется, этот.

Перед одним из корпусов стоял уже знакомый им грузовик, и Гюро закричала:

– Тюлинька, вот наш грузовик, значит, это твой дом!

– Совершенно верно, – сказала Тюлинька дрогнувшим голосом.

Гюро тут же взяла её за руку, а мама сказала:

– Если ты расплатилась, пошли скорей. Гюро, возьми этот цветок.

Сама мама взяла чемодан с хрупкими вазами и сумку с цветочными горшками. Последний горшок достался Тюлиньке.

– Мы поднимемся на лифте, – сказала она. – Я живу на одиннадцатом этаже.

У парадного стояли три девочки со школьными ранцами, одна из них спросила:

– Бритта, можно, мы пойдём к тебе?

– Нет, – ответила Бритта. – Сегодня моя мама работает в магазине, а она не разрешает, чтобы вы приходили без неё. Она говорит, что мы устраиваем беспорядок. Вы подождите меня, я скоро выйду.

– Девочки, можно я вас сфотографирую? – спросила Тюлинька. – Вы первые, кого я встретила здесь в день моего переезда.

Девочки захихикали и стали в ряд, Тюлинька щёлкнула аппаратом.

– Ты тоже будешь здесь жить? – спросила Бритта у Гюро.

– Нет, – Гюро помотала головой, – я только команду переездом.

Это прозвучало так значительно, что все девочки с уважением посмотрели на неё.

– Как хорошо, что мне подарили аппарат, – сказала Тюлинька. – Теперь я буду всё фотографировать и вести записки, и у меня совсем не останется свободного времени – как будто я не на пенсии.

Они вошли в лифт. Гюро первый раз в жизни поднималась на лифте, это было новое ощущение, словно она бежала с закрытыми глазами, но бежала не вперёд, а вверх, всё выше и выше, пока лифт не остановился на одиннадцатом этаже, где находилась квартира, в которой отныне будет жить Тюлинька.

Эта квартира состояла из одной комнаты, кухни, ванной и крохотного чуланчика.

– В подвале у меня есть ещё кладовка для продуктов, – сказала Тюлинька, – но я даже не знаю, что там держать. Запасов я не делаю,

варенья не варю, да и стряпать-то почти не умею, ведь я всю жизнь жила в пансионате на готовом. После рабочего дня было очень приятно получать готовый обед.

— А теперь ты научишься готовить себе сама, — сказала мама. — Я подарю тебе поваренную книгу, и увидишь, как у тебя всё прекрасно получится. Плита на кухне есть?

— Конечно, — ответила Тюлинька. — И плита, и холодильник, и одна кастрюлька, остальное я куплю потом. Идёмте, я покажу вам свою обстановку, у меня есть и новая мебель и старая.

Гюро больше всего понравилась красная тахта.

— Она не простая, она с секретом, — сказала ей Тюлинька. — Если её разложить, на ней смогут спать сразу два человека. Так что я могу принимать гостей даже с ночёвкой — сама я буду спать на кровати.

Кровать стояла, спрятавшись в стену: там была сделана специальная ниша.

— Здесь я повешу штору, и тогда ни один человек не догадается, что у меня там кровать, — сказала Тюлинька.

— А почему ты не хочешь, чтобы её все видели? — удивилась Гюро.

— Иногда нужно, чтобы здесь была гостиная, а не спальня, — объяснила Тюлинька. — Смотри, это секретер из папиного дома, за ним я буду писать. А это папин книжный шкаф. Он немного старомодный, теперь все предпочитают полки без стёкол, зато за стёклами книги не так пылятся. Вот только не знаю, хватит ли мне одного этого шкафа, у меня книг много.

— Со временем я тебе сделаю полку для книг, — пообещала мама. — А сейчас давайте приниматься за уборку.

— А когда уберём, пойдём в кафе обедать, — предложила Тюлинька.

— Зачем же в кафе, можно поесть и здесь, — сказала мама. — Это твой дом, и обедать надо дома. Так будет и вкуснее и дешевле. Я сбегая в магазин за мясом и овощами, и мы сварим суп в твоей единственной кастрюльке.

Они распаковали посуду и временно поставили её в кухне на столе. Потом мама расставила в шкафу книги, а те, что не влезли, сложила в чуланчике.

– Давай повесим твои картины и фотографии, – предложила она Тюлиньке. – Здесь сразу станет уютнее.

Но стены в доме оказались бетонными, и крючки для картин погнулись, не желая входить в твёрдую поверхность.

– Придётся обратиться к дворнику, – сказала Тюлинька. – Меня предупреждали, что, если понадобится, он мне поможет.

Мама спустилась вниз и нашла дворника. Он жил на первом этаже. Дворник принёс с собой инструмент, который назывался дрелью.

– Электрическая дрель – единственное, что берёт эти стены, – сказал он. – Можно, конечно, долбить и шлямбуром, но это долго, да и грохоту на весь дом.

Гюро показалось, что от дрели тоже достаточно грохоту, но он быстро утих.

– Это тяжело? – спросила мама.

– Да нет, по-моему, – ответил дворник. – Но если будешь сверлить долго, руки устанут.

– Можно мне попробовать? – спросила мама.

Гюро с удивлением взглянула на неё: мама, как ребёнок, даже дрожала от нетерпения.

– Пожалуйста, – ответил дворник. – Где вы хотите повесить эту картину?

– Эту над тахтой, – сказала Тюлинька. – Я постелила газету, можете становиться прямо на тахту.

Мама вскочила на тахту и взяла дрель.

– Эрле, мне даже смотреть на тебя страшно, и потом этот шум. Мы с Гюро пойдём на кухню.

Гюро не хотелось уходить, ей было любопытно, как мама справится с этой работой, но мама попросила её побыть с Тюлинькой. Когда они ушли, мама приставила дрель к стене, и сверло запело в бетоне. Дырочка получилась в самый раз.

– Ставлю тебе «отлично», – сказал дворник.

– Дворнику всё надо уметь, – сказала мама.

– Почти всё, – согласился он.

– Как думаешь, а я могла бы быть дворником? – спросила мама.

— Ты? — удивился дворник. — По-моему, женщин не берут на такую работу, хотя, кроме топки, ничего мудрёного в ней нет. А вот топку женщине не осилить.

— Но ведь можно специально поучиться, — сказала мама.

— Дело не в этом, — сказал дворник, — раз в месяц надо обязательно прочищать трубы, и тогда приходится орудовать инструментом, который весит раза в четыре больше, чем эта дрель. И его надо не просто держать в руках, им надо работать. Для этого мне приходится забираться на особую подставку. Нет, это трудно. Да ведь и другая работа тоже нелёгкая. Зимой, к примеру, надо на тракторе расчищать снег, летом подстригать машиной газон...

— Ну, с этими-то машинами я умею управляться, — сказала мама.

— А покрасить кое-что, а постолярничать? А иногда даже ночью приходится вставать, чтобы унять каких-нибудь буянов или драчунов. А ещё надо рано утром упаковывать мусор в мусоросборнике.

— Со всем этим я бы справилась, — сказала мама очень серьёзно.

— Тебе лучше всего попробовать в доме, где отопительная система нагревается электричеством, — сказал дворник. — Только боюсь, что и там тебе будет тяжело, это мужская работа.

— Видишь ли, в чём дело, — сказала мама дворнику, — нам с Гюро негде жить. То есть сейчас мы живём с ней в пансионате, так что крыша над головой у нас есть. Но мы не можем жить там вечно, поэтому мне надо подыскать себе работу с жильём. Вот если бы ты разрешил мне попрактиковаться у тебя! Надо попробовать, что это за работа.

— Это пожалуйста, — сказал истопник. — В любое время, когда тебе будет удобно.

— Ладно, договорились, только сперва я обещала отремонтировать одну комнату в пансионате.

Услышав, что дрель больше не работает, Тюлинька и Гюро вернулись в комнату.

— Мы тоже времени даром не теряли, — сказала Тюлинька, — мы убрали в кухонный шкаф всю посуду, и там осталось ещё очень много места.

— Молодцы, — сказала мама.

Дворник повернулся к Гюро.

— Значит, ты и есть Гюро? — спросил он.

— Да, — ответила она и, подойдя к нему поближе, оглядела его со всех сторон. — Теперь я с тобой немного знакома, — сказала она.

— А я с тобой! — засмеялся дворник, поднял её к самому потолку, а потом осторожно опустил на пол.

Когда он ушёл, Гюро ещё долго радовалась, что ей удалось потрогать рукой потолок: ведь это бывает не каждый день. Мама сходила в магазин и вернулась с мясом, зеленью и картошкой. Она была так весела и столько смеялась, что Гюро с удивлением на неё поглядывала. Да, первый день у Тюлиньки в квартире удался на славу.

– Я должна сфотографировать вас на балконе! – сказала Тюлинька, и мама с Гюро вышли на балкон. От страха Гюро зажмурила глаза, но, когда Тюлинька щёлкнула аппаратом, она сразу их открыла.

Наконец Гюро и мама стали собираться домой, Тюлиньке стало грустно, и голос у неё задрожал.

Выйдя из подъезда, мама и Гюро посмотрели на дом. Тюлинька стояла на балконе и махала им большой красной косынкой. Гюро, откинув голову, замахала ей в ответ. Она так долго смотрела вверх, что у неё закружилась голова.

– Обопрись о меня, а то упадёшь, – сказала ей мама.

Гюро оперлась о маму, и, когда снова подняла голову, ей показалось, что Тюлинька не стоит на балконе, а парит в воздухе.

– А теперь мы с тобой поедem на метро, – сказала мама.

– Это такой трамвай? – спросила Гюро.

– Нет, это скорее поезд, – ответила мама.

Оказалось, что поезд метро состоит из нескольких вагончиков, он ехал то под землёй, то по земле, и в каждом вагоне сидело много-много людей. Гюро внимательно их разглядывала, но познакомиться с ними в этот раз ей так и не удалось.

Мама малярничает

На другой день мама начала белить потолок в той комнате, где раньше жила Тюлинька, и Гюро была очень довольна, что осталась не одна, а с Вальдемаром и Кристиной. Конечно, она могла сколько угодно смотреть, как мама работает, но ведь скучно долго стоять, задрав голову к потолку. Можно было ещё пойти на кухню и посмотреть, как толстая кухарка мешает в огромной кастрюле суп, а молоденькая девушка помогает ей мыть посуду и чистить картошку. Но мама не разрешала Гюро часто заходить на кухню – в этом пансионате считали, что дети всегда мешают, – и хотя Гюро никому не мешала, а тихонько стояла в сторонке и смотрела, она поняла, что на кухне лучше всего быть невидимкой.

Оставался только двор, куда можно было попасть прямо из подъезда. Мама и Гюро решили, что Гюро будет гулять во дворе, а мама время от времени будет поглядывать на неё из окна кухни, чтобы Гюро не чувствовала себя одиноко.

Во дворе было таинственно и необычно. Все окна, выходящие во двор, с любопытством уставились на Гюро. В углу двора стояли бачки с отбросами. Правда, от них не очень хорошо пахло, и мама велела Гюро держаться подальше, но всё-таки это было интересно.

Вальдемар и Кристина были одеты слишком легко и, чтобы они не замёрзли, Гюро завернула их в свой шарф. Наружу у них торчали только носы. Бегать во дворе было негде, и главное, Гюро смущали смотрящие на неё окна, поэтому ей не оставалось ничего иного, как разговаривать с Вальдемаром и Кристиной.

— По-настоящему мы с вами не здесь, а в Гампетрефе, — говорила она куклам. — Мы дома и бежим по старой тропинке. Вы её теперь хорошо знаете.

Она закрыла глаза и отчётливо увидела перед собой знакомую тропинку. Вальдемар и Кристина тоже, конечно, видели эту тропинку, хотя они глаз не закрывали.

Оказывается, можно было стоять неподвижно и играть, будто ты бегаешь. Гюро не знала, сколько времени она простояла во дворе, как вдруг обнаружила, что очень замёрзла. Особенно у неё замёрзли ноги.

Когда она поднялась домой, мама сказала:

— Разденься поскорей и заберись в мою кровать, а я принесу тебе чего-нибудь горячего. Кухарка обещала приготовить нам бутерброды.

Под тёплым одеялом Гюро быстро согрелась. Мама растёрла ей ноги и надела сухие шерстяные носки. А потом они пили какао с бутербродами, и Гюро очень удивлялась, что можно так проголодаться, стоя на одном месте.

— Ты лежи, а я снова пойду красить, — сказала мама, весь халат у неё был в белых пятнах. Представляете себе, как бы она выглядела, если б не надела халата!

В эту минуту маму позвали к телефону. Звонила Тюлинька.

— Алло! Алло! — сказала Тюлинька. — Сегодня мне поставили телефон! Я уже давно заказала себе номер, ещё когда работала на телеграфе. Как поживает Гюро?

Мама сказала, что Гюро замёрзла на улице и теперь греется в постели.

— Эрле, пусть Гюро поживёт у меня, пока ты занята ремонтом, — предложила Тюлинька. — Если хотите, она будет ночевать дома, а утром ты будешь привозить её ко мне. Я буду её дневной мамой, ладно?

— С удовольствием, если у тебя есть время, — сказала мама.

— Времени у меня больше чем достаточно, — сказала Тюлинька. — Скажи Гюро, чтобы она захватила с собой Вальдемара и Кристину.

— Только мы приедем очень рано, — предупредила мама. — Завтра я начну красить стены. Потолок будет готов уже сегодня.

— Очень хорошо. Я привыкла рано вставать и вовсе не собираюсь отказываться от этой привычки, — сказала Тюлинька.

Наутро мама и Гюро вышли из дома рано-рано, и Гюро увидела совсем новый город, какого она никогда ещё не видела. Со всех сторон спешили на работу люди. Одни так торопились, что почти бежали, другие, казалось, спят на ходу. Они, наверно, встали так поздно, что не успели даже выпить кофе. Зато сам город как будто отдохнул и выспался, и не так сильно, как днём, пахло выхлопными газами. Гюро очень понравилось идти в метро вместе с потоком людей. В вагоне было так тесно, что места на скамейке хватило только для мамы, она села и посадила Гюро к себе на колени.

Гюро разглядывала пассажиров. Они все были разные. Одни выглядели грустными, и ей хотелось утешить их. Другие, напротив, шумно радовались наступившему дню. Многие везли с собой детей.

— Дети тоже едут на работу? — спросила Гюро.

— Нет, их везут в детский сад, — ответила мама. — Они будут там играть, пока их родители не вернутся с работы. А некоторые, наверно, тоже едут к своим дневным мамам, как ты.

— Я еду к Тюлиньке, а не к маме, — сказала Гюро.

— Давай считать, что это твоя работа. Ты должна постараться, чтобы Тюлинька не чувствовала себя одинокой, — сказала мама.

Гюро взглянула на маму.

— Тогда тебе тоже лучше остаться с нами, — сказала она.

— Я должна красить комнату в пансионате, — сказала мама, — но вечером я к вам приеду.

Гюро промолчала. Она то смотрела в окно, то разглядывала пассажиров, и никто бы по её виду не догадался, что мысли её далеко отсюда. Как же она целый день будет без мамы! Конечно, она будет не одна, а с Тюлинькой, но ведь всё-таки без мамы!

Однако ни в метро, ни по дороге к дому, ни в лифте она не обмолвилась об этом ни словечком.

Тюлинька обрадовалась их приходу. Наверное, ей и в самом деле было очень одиноко, и всё-таки, когда мама, пообещав приехать вечером, стала прощаться, Гюро вцепилась в её пальто.

– Если ты меня непустишь, я опоздаю на поезд, – сказала мама.

– Не уходи! – попросила Гюро.

– Но ведь ты знаешь, что я крашу комнату!

– Гюро, ты не хочешь, чтобы я была твоей дневной мамой? – спросила Тюлинька.

Гюро покачала головой.

Тюлинька вздохнула, и по её лицу Гюро поняла, как она огорчена.

– Я хочу, чтобы ты была только Тюлинькой, – сказала Гюро.

– Ну что ж, буду только Тюлинькой.

– И немножко дневной мамой, – согласилась Гюро.

Тюлинька просияла, а мама тут же сказала:

– Значит, всё в порядке, Гюро? Тогда я побежала, помашите мне с балкона.

– Хорошо, – сказала Гюро, выпустила мамино пальто, но тут же снова в него вцепилась. – А ты скоро вернёшься? – спросила она.

– Вечером, я тебе уже говорила, – сказала мама. – Тюлинька, вы, кажется, собирались сегодня в лес?

– Обязательно, – сказала Тюлинька. – Вальдемар и Кристина тоже пойдут с нами. Вчера, когда мне было нечего делать, я связала им тёплые варежки и шапки.

– Покажи, – обрадовалась Гюро. – Вот хорошо, а то они у меня очень мёрзли.

И она вспомнила, как скучно и холодно ей было гулять во дворе пансионата – нет, всё-таки неплохо, что она останется с Тюлинькой!

– До вечера! – сказала мама и ушла.

На первом этаже мама зашла к дворнику и договорилась, что через несколько дней начнёт с ним работать и учиться всему, что надо знать дворникам.

— Это будет моя школа, — сказала она.

— Школа дворников! — засмеялся он. — Первая в нашей стране.

— Я заплачу тебе за учение, — сказала мама. — Ведь тебе придётся тратить на меня своё время.

— Сперва поглядим, будет ли тебе от этого польза, — сказал дворник. — Да и иметь помощника тоже недурно.

— Значит, договорились, — сказала мама. — Там, на одиннадцатом этаже, на балконе меня, верно, заждались.

Так оно и было. Увидев наконец маму, Гюро даже запрыгала. Мама казалась ей крохотной точкой, но эта точка махала руками.

– Гюро, смотри, что у меня есть, – сказала Тюлинька и дала ей бинокль. Гюро приставила его к глазам. Сперва она видела только склон, усеянный обрывками бумаги, которые в бинокль казались очень большими. А вот и мама! Мама улыбнулась Гюро, ещё раз махнула ей рукой и побежала к метро.

– Ты завтракала сегодня? – спросила Тюлинька, когда они вернулись в комнату.

– Немножко, мы с мамой не хотели есть, – ответила Гюро.

– Тогда мы сейчас поедим, – предложила Тюлинька. – У меня полно всякой еды, даже рыбий жир есть. Ты его пьёшь?

– Да, – вздохнула Гюро, – сперва я делаю глоток молока, потом пью рыбий жир и снова запиваю молоком. Только когда его глотаешь, нельзя дышать.

– Надо и мне так попробовать, – засмеялась Тюлинька.

Они поели и перемыли посуду, то есть мыла Гюро, а Тюлинька вытирала. Потом они собрались на прогулку. Спустившись вниз, Тюлинька почему-то направилась не к входной двери, а в противоположную сторону, к двери, на которой было написано: «Для спортивного инвентаря».

– У меня есть для тебя сюрприз, – сказала она.

Там, за дверью, стояли маленькие красные санки, и на них большими чёрными буквами кто-то написал: «ГЮРО».

– Это наш дворник, – сказала Тюлинька. – Он сперва выжиг эти буквы, а потом закрасил их краской. Зато теперь всем видно, что это твои санки.

Гюро ужасно обрадовалась. Она едва слышно шепнула «спасибо», но её глаза так сияли, что Тюлинька сразу поняла, что на самом деле Гюро хотелось громко крикнуть: «Большое спасибо!»

И они пошли в лес. Гюро то пускалась бежать, так что её ноги почти не касались земли, то катилась на санках, а иногда они с Тюлинькой присаживались отдохнуть. Хотя зима ещё не кончилась, солнышко уже заметно пригревало. Оно сверкало на покрытых снегом деревьях, и снег потихоньку таял. Гюро с Тюлинькой любовались сверкающим лесом и подкреплялись бутербродами. У них было с собой даже тёплое молоко, бутылку с молоком Тюлинька несла в толстом шерстяном носке.

В школе дворников

Теперь Гюро уже привыкла ездить по утрам в метро. Она даже узнавала некоторых людей, которых встречала каждый день. Конечно, она не была с ними знакома, но всё-таки, встречая их каждый день, она уже немножко знала этих людей, а по обрывкам разговоров могла представить себе, какие они. Правда, в тот день, когда мама в первый раз поехала учиться на дворника, они вышли из дому раньше обычного, и потому в метро их окружали только совсем незнакомые люди.

В Тирилтопене мама сказала:

— Сейчас ещё рано идти к Тюлиньке, Гюро. Тебе придётся пока погулять одной.

— Хорошо, — согласилась Гюро, — а мне можно будет иногда заглядывать к тебе?

— Да, — ответила мама, — только, пожалуйста, не мешай нам, у дворников очень много дел, и мне всему надо научиться.

Этот день был совсем не похож на другие, он и начался иначе. У мамы за плечами висел рюкзак, а в нём лежал новенький комбинезон. Комбинезон был такой большой, что мама надела его прямо поверх свитера и брюк. Правда, куртку ей пришлось снять, и теперь она лежала в рюкзаке на месте комбинезона. Мама переодевалась в подъезде корпуса «Ю», там, где жила Тюлинька. Гюро смотрела и не узнавала маму в этом костюме.

— Ты похожа на дяденьку, — сказала она.

— Зато в таком костюме мне будет удобно работать, — сказала мама, она повязала на голову косынку и позвонила к дворнику.

Он открыл дверь с чашкой в руке.

— Здравствуй! — сказал он. — Ты как часы. Сейчас иду, только допью кофе. Может, и ты выпьешь чашечку?

— Спасибо, — ответила мама. — Мы уже ели.

— Здравствуй, Гюро, — сказал дворник. — Ты тоже хочешь у меня учиться?

— Нет, ей ещё рано учиться, — ответила за неё мама. — Она немного погуляет одна, а потом пойдёт к Тюлиньке.

– Пока мы будем упаковывать мусор, она может побыть с нами, – сказал дворник. – А вот к топке детей не пускают.

Гюро выжидательно смотрела на дворника. Она слышала его слова про мусор и про топку, но думала только о том, поднимет ли он её к самому потолку, как в тот раз у Тюлиньки. Дворник заметил её пристальный взгляд.

– Неужели я сегодня забыл побриться? – пробормотал он, тронув рукой подбородок.

– Гюро, нельзя так смотреть на людей, – сказала мама, испугавшись, что дворник рассердится, и сразу стала такой, какой Гюро не любила её.

Она спряталась за маму и хлопнула её по спине, но ничего не ответила. Мама была совсем сбита с толку.

– Ты сегодня сама на себя не похожа, – сказала она Гюро.

Но дворник, кажется, кое-что понял, он отставил свою чашку на столик, подошёл к Гюро и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Интересно, потяжелела Гюро с того раза или нет? – сказал он и протянул к ней руки.

Гюро подбежала к нему, и он поднял её высоко-высоко. Ей хотелось, как в прошлый раз, потрогать рукой потолок, но в подъезде потолок был такой высокий, что даже на руках у дворника она никак не могла до него дотянуться.

Дворник опустил её вниз, и она сразу стала такой, как обычно. И мама стала такой, как обычно, и больше не делала Гюро никаких замечаний.

– Ну, пошли, – сказал дворник.

Повсюду было пустынно, тихо и непривычно. Будто мама, Гюро и дворник были единственными людьми на земле. Гюро побежала далеко вперёд, а потом вернулась обратно.

– Быстро ты бегаешь, – сказал дворник, – совсем как...

– Жеребёнок, – подсказала ему Гюро. – Так всегда говорил папа.

Она тут же смутилась, но быстро оправилась: как только она вспомнила про папу, ей показалось, что и он тоже идёт вместе с ними, и она снова убежала вперёд и бегала до тех пор, пока совсем не запыхалась.

Дворник открыл маленькую дверцу рядом с подъездом. Там оказалось небольшое каменное помещение, где лежали бумажные мешки для мусо-

ра и пакетики, завёрнутые в газету. Некоторые пакетики были завёрнуты небрежно, и из них торчали консервные банки, бумага, грязные детские пелёнки и даже куски сухого хлеба.

— Хотел бы я знать, что думают люди, которые выбрасывают хлеб, — сказал дворник. — Я этот хлеб всегда собираю и потом отдаю одним людям, которые живут тут, в лесу, они кормят им поросёнка.

Дворник принёс с собой старые газеты. Порвавшийся пакет он аккуратно завернул в целую газету и положил в большой серый бумажный мешок. Потом он сложил туда и все остальные пакеты с мусором.

— Тебе каждый день приходится это делать? — спросила мама.

— Нет, только в те дни, когда приезжают за мусором, — ответил дворник. — Нельзя же, чтобы рабочие сами возились в этой грязи.

Мама начала помогать дворнику, но Гюро сказала:

— А помнишь, ты мне говорила, что надо держаться подальше от помойки?

Мама улыбнулась:

— Правильно, говорила. Гюро играла во дворе пансионата, — сказала она дворнику, — и я велела ей держаться подальше от мусорных бачков, от них очень плохо пахло.

— Здесь тоже пахнет не очень хорошо, — заметила Гюро.

— Но теперь это моя работа, — сказала мама, — тут уж ничего не поделаешь.

Мама взяла лопату, которая стояла в углу, и начала сгребать рассыпавшийся мусор; в это время в шахте послышался какой-то шорох.

— Эй, берегись! — крикнул дворник.

Но мама не успела отскочить, и пакет с мусором упал ей прямо на голову, к счастью, он оказался мягким. Гюро вскрикнула, дворник быстро оттащил маму в сторону.

— Больно? — спросил он.

— Нет, просто я испугалась, это было так неожиданно, — ответила мама.

— Прости, это моя вина, — сказал дворник, — я снял заслонку с шахты. Она у меня позавчера сломалась, и всё не было времени её починить. Сейчас я её закрою. Ты видела, на каждом этаже люки? Они выходят сюда,

в шахту, и жильцы бросают в них мусор. Пакет с мусором может свалиться в любую минуту, но в такую рань этого никогда не бывало. Сейчас я закрою заслонку, когда она закрыта, здесь не опасно.

— Зато теперь я знаю, что надо быть поосторожней, — сказала мама и потрогала голову. — Мне повезло, что в пакете не было ничего твёрдого.

— Это верно, — сказал дворник и улыбнулся: чистая мамина косынка оказалась перепачканной макаронами, майонезом и ещё какой-то едой.

Мама быстро сдёрнула её с головы.

Вскоре дворник с мамой закончили свою работу. Теперь в помещении было чисто и стояли четыре бумажных мешка, туго набитых мусором.

Дворник забрал сухой хлеб, мама завернула в газету грязную косынку, и они двинулись дальше. Гюро побежала вместе с ними, но у двери котельной дворник сказал:

— А теперь, Гюро, погуляй на улице, я не люблю, когда сюда заходят дети.

Он открыл дверь, Гюро услышала зловещий гул и увидела множество труб. В глубине котельной стояла какая-то огромная штука — это была нефтяная форсунка, она-то и гудела так страшно. В котельной было очень

тепло. Гюро вспомнила, на что всё это похоже. Однажды она с папой и мамой плыла на пароходе. Папа спустился с нею вниз и показал ей машинное отделение, там так же стучала машина и тоже было очень тепло. И хотя дом никуда не плыл, а стоял на месте, котельная была как бы его машинным отделением.

– Отсюда поступает горячая вода во все трубы и краны, – сказала мама. – Вспомни об этом, когда вы с Тюлинькой будете мыть посуду.

– Не ходи туда, – попросила Гюро, – там опасно, а у тебя есть ребёнок.

– Мы будем очень осторожны, – пообещала мама. – Мне необходимо изучить, как там всё устроено. Ты сможешь узнать Тюлинькин балкон?

– Да, если она будет там стоять и махать красным платком.

– Вот и хорошо. Как только она проснётся, она повесит на балкон этот платок. Когда увидишь его, поднимись к ней.

И мама с дворником скрылись в котельной, а Гюро осталась одна. Детей на улице ещё не было.

– Обещай не выбегать на дорогу! – крикнула мама, выглянув из двери котельной. – Там много автомобилей, это опасно.

– Обещаю, – ответила Гюро.

Она и не собиралась никуда уходить, она стояла у двери котельной и, словно часовой, охраняла и котельную и маму. Рядом с дверью на асфальте были начерчены классики и валялся удобный плоский камешек.

Гюро начала прыгать. Иногда она чуть-чуть плутовала, но, когда играешь сама с собой, это не запрещается.

– Я знаю, что это нечестно, – говорила она, – но так мне интересней.

Потом она достала из своего рюкзака Вальдемара и Кристину и стала играть вместе с ними. Один раз она прыгала за себя, другой – за Вальдемара, а третий – за Кристину. Теперь она перестала плутовать, когда играют втроём, надо играть честно. Она даже чуть-чуть не выиграла, но Кристина обогнала её. Вальдемар же промахнулся, бросая камешек, и пропустил свою очередь. Гюро очень старалась, когда прыгала за Кристину.

– Ты выиграла, Кристина, – сказала она, – теперь нам с Вальдемаром ни за что тебя не догнать.

Ей не хотелось говорить, что последним остался Вальдемар, ведь он мог обидеться.

Неожиданно она услышала за спиной голоса.

— Смотри, эта девочка прыгает на наших классиках, хотя не живёт тут!

Гюро обернулась — к ней подошли две сердитые девочки.

— Это наши классики, — сказала одна из них. — Мы сами хотим играть!

Гюро ничего не ответила, она спрятала в рюкзак Вальдемара и Кристину и отошла в сторону. Уходить совсем она не собиралась, ведь мама была в котельной.

Девочки начали играть. И хотя они не взяли Гюро в игру, они всё время помнили о её присутствии — говорили нарочно громко, чтобы она всё слышала, и поглядывали на неё, желая убедиться, что она на них смотрит.

Вдруг за дверьми котельной раздался страшный грохот. Створки дверей распахнулись, и оттуда выехал трактор. Он был намного меньше того трактора, на котором маме приходилось работать в Гампетрефе. Но этот маленький, почти игрушечный трактор был очень сильный и тащил за собой прицеп. И как вы думаете, кто вёл его? Конечно, мама!

— Смотри-ка, тётя на тракторе! — сказала одна из девочек.

Немного проехав, мама остановила трактор, но мотор не выключила. Он громко тарыхтел, и потому мама только помахала Гюро рукой. А вот дворнику шум не мешал разговаривать.

— Если хочешь, можешь немного прокатиться. Ты, наверно, ещё ни разу не каталась на таком маленьком тракторе? — сказал он, подойдя к Гюро.

Он поднял её на руки и понёс к трактору. Девочки встrepенулись.

— Мы тоже хотим прокатиться хоть разок! — закричали они.

— Ладно, — сказал дворник. — Разрешаю вам всем прокатиться до газона, а потом мы с Эрле будем работать. Нам надо собрать весь железный лом, что тут валяется.

Девочки забрались на трактор, теперь они больше не казались сердитыми. Трактор довёз их до газона и остановился, мама спрыгнула на землю.

— У тебя дело пойдёт, — сказал дворник. — Мне повезло с такой помощницей.

— Разве эта тётя тоже работает дворником? — спросила одна из девочек.

– Да, она мне помогает, – сказал дворник. – Вы её здесь увидите ещё много раз.

– А вы нас ещё прокатите? – спросила та же девочка.

– Возможно, что и прокачу, – ответила мама, – но только не днём, а рано утром. Днём здесь будет столько детей, что, если я начну всех катать, мне будет некогда работать. И запомните, меня зовут Эрле.

– А нас Анна и Грета, – сказали девочки.

– Мама, у тебя есть мел? – спросила Гюро.

– Зачем тебе мел? – удивилась мама.

– Хочу начертить себе классики, – ответила Гюро.

– А я видела возле котельной уже начерченные, – сказала мама.

– Это чужие, – объяснила Гюро.

– А ты прыгай на наших, – сказала девочка, которую звали Анной. – Правда, Грета? Мы можем играть все вместе, так будет даже интереснее.

Сначала Гюро хотела отказаться, но она вспомнила, как папа однажды сказал ей: «Это хорошо, что ты незлопамятна. Злопамятной быть плохо». Да, Гюро была незлопамятной. Она быстро сердилась и быстро забывала обиду. Так было и на этот раз. Гюро кивнула девочкам, и они стали играть втроём.

Гюро не выиграла, она вышла второй, поэтому она сказала:

– Ну вот, Анна первая, а мы с Гретой обе вторые.

– Нет, ты – вторая, а Грета – третья, – поправила её Анна.

– Это всё равно! – сказала Гюро.

– Анна! Анна! Где ты? Пошли скорей, а то я опоздаю на работу! – крикнул женский голос.

– Ой, мне пора в детский сад, – сказала Анна. – Бежим, Грета! Мама нас проводит. До свидания, Гюро!

Они убежали, и Гюро стало очень одиноко. Даже кататься на санках было нельзя, потому что снега уже почти не осталось. Гюро медленно осматривала все балконы. Их было много, и на одном, высоко-высоко, развевался большой красный платок. Это означало, что Гюро может подняться к Тюлиньке. На этот раз она поднималась не на лифте, но мама объяснила ей, сколько пролётов она должна пройти. А дверь

Тюлиньки Гюро узнала по приклеенному к ней рисунку. Она сама его нарисовала. На нём была изображена зелёная лужайка, окаймлённая деревьями, а по лужайке бежал конь. Вернее, не конь, а жеребёнок.

На телеграфе

— Гюро, не окажешь ли ты мне одну небольшую услугу? — спросила Тюлинька.

— Конечно, если смогу, — ответила Гюро.

— Тогда поедem со мной в город и пойдём на телеграф, где я раньше работала. У меня там остались туфли, и мне надо их забрать.

— А маме мы скажем об этом? — спросила Гюро.

— Обязательно, мама всегда должна знать, где мы, — сказала Тюлинька. — И ты посмотришь, как работают телеграфистки.

Гюро, конечно, согласилась.

— Сперва мы зайдём на телеграф, а потом погуляем по городу и пойдём в пансионат ждать маму, — сказала Тюлинька.

— И ты посмотришь, как мама выкрасила твою комнату, — обрадовалась Гюро.

— Мою бывшую комнату, — поправила её Тюлинька.

Она надела пальто и шляпку, у которой был весёлый, задорный вид, и они отправились в путь. На улице они легко нашли маму по шуму трактора. Увидев их, мама заглушила мотор и спрыгнула на землю.

— Бьёрн уехал в город за шурупами, так что теперь я здесь самая главная, — сказала мама.

— Ты зовёшь его просто Бьёрном? — спросила Гюро.

— Конечно, — ответила мама. — Если люди вместе работают, им проще всего звать друг друга по имени.

— Ну кто бы мог подумать, что ты умеешь водить трактор! — восхитилась Тюлинька. — Я должна тебя сфотографировать! Пожалуйста, сделай серьёзный вид. Так, готово! Благодарю тебя. Сейчас мы с Гюро поедem в город, мне надо зайти на телеграф, а потом будем ждать тебя в пансионате.

– Ты скоро приедешь? – спросила Гюро.

– Не очень, нам ещё надо кое-что сделать, – ответила мама. – Мне очень нравится работать на улице. Но к обеду я непременно вернусь. Счастливой поездки!

В метро Гюро некоторое время с удивлением разглядывала женщину, сидевшую напротив: лицо у неё было густо накрашено красной и коричневой краской, а брови и ресницы были очень чёрные. Потом взгляд Гюро упал на Тюлинькины пальцы: они сегодня были какие-то беспокойные и всё время шевелились. Наверно, Тюлинька волновалась, что едет туда, где проработала больше тридцати лет.

Тюлинька о чём-то задумалась, иногда она взглядывала на Гюро, их глаза встречались, и тогда они начинали мысленно разговаривать друг с другом, но вслух ни одна из них не произнесла ни слова.

Телеграф находился недалеко от метро. Тюлинька шла быстро и уверенно, она привыкла к большому городу, её не смущали, как маму, широкие шумные улицы и бесконечный поток автомобилей.

– Нам сюда, – сказала она и показала на большое тёмное здание. – Сюда, Гюро, я за свою жизнь входила много тысяч раз.

Они миновали сначала одну дверь, потом другую, поднялись на несколько ступенек и попали в огромный вестибюль, куда спускалась большая, широкая лестница. Её ступени были такие светлые и гладкие, что Гюро захотелось потрогать их рукой.

– Какая красивая лестница! – сказала она.

– Да, здание солидное, – согласилась Тюлинька. – Но нам с тобой надо сперва не вверх, а вниз, я покажу тебе наш гардероб.

Гюро никогда в жизни не слышала такого слова, и Тюлинька объяснила ей, что гардероб – это место, где служащие телеграфа оставляют свои пальто.

Гюро огляделась, но не увидела ни одного пальто, зато здесь было множество шкафчиков, не деревянных, а железных, с небольшими стальными дверцами. Все шкафчики были выкрашены в светло-голубой цвет и стояли вплотную друг к другу.

– Вот это мой шкафчик, – показала Тюлинька, – но ключа от него у меня теперь нет. Здесь я всегда вешала своё пальто и шляпу, здесь же

стояли у меня и туфли для работы. Неприятно целый день сидеть в тёплых сапожках. Мы все здесь переобувались. Покупки, которые мы делали днём в городе, мы тоже оставляли в гардеробе, а вечером забирали домой. Так что, как видишь, гардероб – это очень важное место. А теперь пошли дальше, мы поднимемся на лифте.

Здесь был не один лифт, а сразу много, у них были толстые и блестящие дверцы, лифты были расположены так близко друг к другу, что казалось, будто они срослись боками.

Но Тюлинька знала точно, в какой лифт надо войти и на какую кнопку нажать.

– Сейчас будет зал, где я работала, – сказала она, и они вошли в огромный зал.

Там на выстроенных в ряд стульях сидело много-много людей. Они все разговаривали, но, к удивлению Гюро, не друг с другом, а как будто сами с собой или по телефону, хотя никакой трубки в руках у них не было. Выглядели они странно – на ушах у них были наушники, над головой висела изогнутая трубка, а перед ртом находился маленький шарик, в который они и говорили. Они нажимали на кнопки, вытаскивали или вставляли пробки, к которым были прикреплены длинные провода, и писали что-то на карточках. Но когда Гюро пригляделась, это оказались не слова, а только чёрточки.

Многие обрадовались, увидев Тюлиньку, и замахали ей руками, а одна женщина, которая была свободнее других, даже крикнула:

– Здравствуй, Тюлинька, как приятно тебя видеть! Ты уже успела стать бабушкой?

Женщины заулыбались и закивали Гюро.

– Нет, это моя подружка, – ответила Тюлинька. – А вот здесь я сидела, – шепнула она Гюро. – Вот на этом стуле. Можно, я покажу Гюро, как мы работаем, – попросила она у женщины, сидевшей теперь на её месте.

– Пожалуйста, я только закончу разговор, – сказала женщина.

Потом она встала, и Тюлинька прямо в пальто и шляпке села на её место. И хотя это выглядело смешно, потому что все остальные были без пальто и даже в передниках, Гюро сразу увидела, что Тюлиньку будто подменили. Она быстро и чётко произносила непонятные слова, пово-

рачивала рычажки, писала на бумажке, вынимала и вставляла пробки, и Гюро видела, что делает она всё быстро и ловко.

Немного поработав, Тюлинька сдвинула шляпку на затылок и сказала: — Ну вот, я всё и показала. Садись, пожалуйста. Мои туфли у тебя? — спросила она у другой телефонистки.

— Да, — ответила та. — Я их принесу тебе в буфет. Надеюсь, ты попьёшь с нами кофе?

— С удовольствием, — обрадовалась Тюлинька. — Гюро тоже, наверное, уже хочет есть.

Гюро кивнула, хотя гораздо больше ей хотелось смотреть, как работают телефонистки.

Тюлинька разговорилась с дежурной, сидевшей за письменным столом, а Гюро ходила и смотрела, как телефонистки помогают людям поговорить друг с другом. Здесь были не только женщины, были и молодые люди с бородками и без бородок. Они также ловко вставляли и вынимали пробки с длинными проводами и поворачивали рычажки.

— Раньше нас здесь было ещё больше, — сказала Тюлинька, — но теперь включили автоматические станции. Теперь человек прямо из дома может позвонить в любой уголок страны и даже за границу. Однако многим телефонистки ещё нужны. Нас иногда просят соединить с другим городом через час или два, если там никого нет дома, или спрашивают, сколько стоит междугородный разговор.

Конечно, это был странный дом. Дом для голосов — здесь звучали голоса людей, которые звонили сюда, и голоса тех, кто помогал людям найти друг друга. Одни голоса говорили, к примеру, так: «У нас заболела бабушка, не можешь ли ты приехать?» «У нас родилась дочка!» — объявляли другие. «Герд и Фритьоф хотят пожениться. Непременно приезжайте на свадьбу!» — приглашали третьи. А были и такие, которые просто сообщали, какой у них сегодня обед, только потому, что им хотелось поговорить по телефону. Сюда звонили из всех уголков страны, чтобы поговорить со своими родными и знакомыми, звонили даже из других стран, находящихся за тысячи миль отсюда. И их всех здесь было хорошо слышно.

— А теперь идём в буфет, — позвала Тюлинька Гюро.

Они поднялись по лесенке и попали в другой большой зал, там за маленькими столиками сидели и ели люди.

Гюро хотелось сесть за такой столик вдвоём с Тюлинькой, но Тюлинька оглядывалась по сторонам, пока не нашла своих друзей.

Гюро получила булочку с сыром и стакан молока. Она ела и прислушивалась к беседе Тюлиньки и других телефонисток. Эти телефонистки понравились Гюро, потому что не спрашивали у неё, сколько ей лет, а лишь изредка поглядывали в её сторону и ободряюще улыбались. Они вспоминали о старых временах и интересовались новой квартирой Тюлиньки. Одна из них сказала:

— Когда я начала работать на телефонной станции, нас обучали всему: и тянуть телефонную линию, и лазить на столбы. Я сама лазила. Помню, что подняться было легко, а вот спуститься — не тут-то было.

Гюро с удивлением посмотрела на телефонистку, она никогда не видела, чтобы женщины лазили на телеграфные столбы.

Телефонистка засмеялась, поймав её взгляд:

— Это было очень давно, я была совсем девочкой. В те времена было не принято, чтобы женщины ходили в брюках, мы носили только юбки, но лазить по столбам в юбках было неудобно, и папа дал мне свои штаны. Я была похожа на огородное пугало.

— А я специально ездила в Осло и училась на телефонистку и только потом уже начала работать дома на телефонной станции, — сказала Тюлинька. — Мне приходилось работать почти круглые сутки. Я боялась заснуть от усталости и всё время ела сахар, даже сварить себе кофе мне было некогда.

— Когда существовали маленькие телефонные станции, все знали нас и наши голоса, — сказала другая телефонистка. — Помните, как это было приятно? Тогда никто не мог обойтись без нашей помощи.

— Когда вы приедете ко мне в гости? — спросила у подруг Тюлинька. — Мне не терпится показать вам свою квартиру. Может, завтра вечером?

— С удовольствием, — сказала телефонистка, которая лазила на столбы. — В восемь мы будем уже у тебя.

— И передайте мои приглашения Ларсен и Бальтесен. Всего нас будет шестеро, — сказала Тюлинька.

Телефонистки поблагодарили за приглашение и поспешили вернуться на работу. Теперь Гюро и Тюлинька остались за столиком одни. Когда они поели и Тюлинька получила свои туфли, у них больше не осталось никаких дел на телеграфе. И конечно, Тюлинька загрустила бы, не будь с ней Гюро.

— Давай в пансионате играть в телефонную станцию, — предложила ей Гюро. — Возьмём всякие провода и обе будем телефонистками.

— Это ты хорошо придумала, — обрадовалась Тюлинька. — Только сначала мы кое-куда зайдём.

Она привела Гюро в магазин, где продавались всякие игры и игрушки, которые надо было мастерить самим, и купила там две пластмассовые пластинки с множеством дырочек, пластмассовый шнур, совсем такой, какой Гюро видела на телеграфе, и маленький телефон.

– Вот что нам необходимо, – сказала она весело.

По дороге в пансионат Гюро увидела человека, похожего на её папу. И ей захотелось, чтобы он был рядом! Она бы держала его за руку, а потом обежала бы вокруг него и взяла за другую, ей хотелось вести его сразу за обе руки!

Гюро ещё раз внимательно посмотрела на этого человека: он шёл совсем как папа. Может, это он и есть? Может, он, заболев, уехал в город, а тут поправился и Гюро с мамой просто ещё не знают об этом?

Отбежав от Тюлиньки, она обогнала этого человека и заглянула ему в лицо. Он очень удивился, а Тюлинька крикнула:

– Гюро, не убегай от меня! А то выбежишь нечаянно на мостовую или вообще потеряешься. Здесь столько народу!

– Я не потеряюсь, – сказала Гюро, возвращаясь к Тюлиньке. – Просто мне показалось, что это мой папа. – И у неё на глазах показались слёзы.

– Не плачь, Гюро, – сказала Тюлинька. – У меня тоже нет папы, и я тебя очень хорошо понимаю, хотя мой папа умер, когда я была уже почти взрослой. Просто надо никогда не забывать его. Помню, я очень любила лежать в кровати и смотреть, как папа бреется. Он стоял перед умывальником и намыливал лицо толстой кисточкой. Когда он был весь покрыт белой пеной, он оборачивался ко мне и корчил рожи, а потом бритвой снимал с лица пену. Я даже сейчас помню, как приятно пахло мылом, и папа всегда давал мне потрогать и бритву и кисточку. Что тебе говорил твой папа?

– Он говорил, что все люди на земле должны познакомиться друг с другом, – вспомнила Гюро.

– А ты так и делаешь, – сказала Тюлинька. – Сегодня, например, ты познакомилась с телефонистками. Смотри, мы уже почти дошли. Надо будет посмотреть, дома ли Андерсен.

– Старый Андерсен из пятого номера? – уточнила Гюро.

– Да, хотя он не такой уж и старый, – ответила Тюлинька. – Он только чуть-чуть старше меня. Знаешь, Гюро, тебе надо познакомиться с детьми, со взрослыми тебе должно быть скучно.

– А я и знакомлюсь, – сказала Гюро. – В поезде я познакомилась с одним мальчиком, а сегодня возле твоего дома с двумя девочками. Они

сперва не хотели, чтобы я играла с ними в классики, а потом сами меня позвали.

Так незаметно они дошли до дому. Домом Гюро теперь был пансионат и та комната, которую она занимала вместе с мамой и где стоял маленький диванчик, притворявшийся по ночам настоящей кроватью. После долгого дня Гюро была рада снова оказаться там.

Тюлинька пристроила пластинки с дырочками и шнур так, что у них получилась настоящая телефонная станция. Гюро, Вальдемар и Кристина были телефонистками, а Тюлинька изображала всех, кто звонит на телефонную станцию

– Почему вы не отвечаете? – говорила она, изображая сердитую женщину. – Кофе вы там распиваете, что ли?

Но Гюро уже знала, что следует отвечать в таких случаях:

– Нет, мы работаем, просто перед вами большая очередь, придётся вам подождать так же, как и всем.

– А теперь пойдём к Андерсену, – предложила Тюлинька, когда они наигрались.

Они постучали в пятый номер.

– Войдите, – отозвался голос Андерсена.

Он очень обрадовался Тюлиньке, но немножко обрадовался и Гюро.

– Вот это гости! – воскликнул он. – Заходите и простите, что у меня здесь накурено.

Андерсен курил длинную трубку, из неё шло много дыма, но окно было приоткрыто, и в комнате было не слишком дымно. А сколько здесь было интересных вещей! Кругом стояли пароходы, большие и маленькие, а один пароходик был даже запрятан в бутылку. Раньше Андерсен был моряком, и, хотя он больше не плавал, целыми днями он думал только о море и с утра до вечера мастерил игрушечные пароходики. Ещё он каждый день ходил на пристань смотреть на море и умел раскладывать пасьянс, по которому узнавал, какая завтра будет погода.

Тюлинька сказала Андерсену, что уже совсем устроилась, и пригласила его к себе в гости.

– Непременно приеду, – сказал Андерсен. – Я ни разу не был в Тириллтопене.

— Давайте сегодня все вместе пообедаем в пансионате, как в старые добрые времена, — предложила Тюлинька. — Только подождём Эрле, она выедет в половине четвёртого и скоро будет здесь.

Но мама приехала раньше, чем её ждали, потому что её привёз Бьёрн на своём смешном маленьком автомобильчике: впереди у него было два места, а сзади небольшой багажник.

— У нас будет гость к обеду, — сказала мама. — Бьёрн хочет посмотреть, как я отремонтировала комнату.

— Я тоже хочу, — сказала Тюлинька.

Все пошли в прежнюю Тюлинькину комнату, и все в один голос воскликнули:

— Как красиво!

А Бьёрн, осмотрев внимательно стены, сказал:

— Отличная работа! Может, возьмёшься помочь моему знакомому маляру отремонтировать одну квартиру у нас в корпусе «Ц»? Тому дворнику некогда, он задумал переехать в деревню и занят сейчас покупкой дома. Я тебе ничего не говорил, хотел сначала взглянуть на твою работу, но теперь вижу, что ты с этим справишься. Кто тебя учил малярному делу? — спросил он.

— Отец, — ответила мама. — Он был маляром, и я часто помогала ему. Школа у меня была хорошая, вот только диплома нет.

— А это и не важно, важно, чтобы человек владел своим мастерством, — сказал Бьёрн. — А ты работаешь на совесть.

Они пообедали все вместе, как будто были одной большой семьёй, и Бьёрн тоже был членом этой семьи. А потом он собрался домой и предложил Тюлиньке отвезти её на машине.

— До завтра, Гюро! — сказала Тюлинька, уходя. — Я тороплюсь, мне надо навести дома порядок к приходу гостей.

И Гюро с мамой остались одни. Гюро уселась на своём диванчике и стала показывать маме, как работают телефонистки на телеграфе. Потом она спрыгнула на пол.

— А ещё я играла сегодня в классики, мы прыгали вот так! — закричала она и запрыгала.

— Тише, не так громко! — сказала мама.

– Тогда я лучше буду телефонисткой, – сказала Гюро и снова забралась на диванчик.

А вскоре она уже спала вместе с Вальдемаром и Кристиной, и, если бы вы стали им звонить по телефону, вы всё равно бы не дозвонились. У них был нелёгкий день, и им надо было отдохнуть, чтобы набраться сил на завтра.

Ещё одно существо, которому нужна Тюлинька

В тот день Тюлинька и Бьёрн нескоро добрались до дому. Люди, работавшие в городе, спешили домой, и на всех перекрёстках стояли длинные вереницы автомобилей. Они то двигались с места, то снова останавливались и ждали своей очереди, а вместе с ними и маленький автомобильчик Бьёрна.

– Видишь, какие пробки, тут быстро не доедешь, – сказал Бьёрн.

– Мы-то с тобой уже пообедали, а вот им каково, – заметила Тюлинька.

– Как тебе нравится жить в Тириллтопене? – спросил Бьёрн.

– Нравится, – ответила Тюлинька, – а вот заниматься домашним хозяйством – не очень. Плохо у меня всё получается.

– Ничего, ещё научишься, – утешил её Бьёрн.

Так незаметно они доехали до Тириллтопена. Поблагодарив Бьёрна, Тюлинька поднялась к себе на одиннадцатый этаж.

И тут она услышала плач. Кто-то горько плакал в соседней квартире. Тюлинька вспомнила, что однажды уже слышала эти жалобные звуки, но в тот раз она была с Гюро и не обратила на них внимания.

Сейчас на площадке было тихо, и плач был слышен очень отчётливо. Но этот голос принадлежал не человеку, а собаке. Она громко выла у себя в квартире, и было ясно, что она жалуется на одиночество. Тюлинька остановилась у её двери и приоткрыла крышечку над щелью, сделанной для писем и газет.

– Эй, кто там! Не плачь! – крикнула она в щель.

Собака перестала плакать и, мягко ступая, подошла к самой двери. Тюлинька услышала её взволнованное дыхание и тихое повизгивание.

– Не плачь! – повторила Тюлинька. – Я здесь, с тобой. К сожалению, я не могу войти к тебе, но всё-таки мы вместе.

Пока Тюлинька стояла и разговаривала с собакой, та молчала, но, когда Тюлинька, устав стоять согнувшись, отошла от двери, собака снова завывала во весь голос. Она так горько жаловалась на одиночество! Тюлиньке стало её очень жалко, и она сразу придумала, что делать.

– Потерпи минутку, дружок! – сказала она собаке. – Я сейчас вернусь.

Она зашла к себе, взяла своё вязание и кухонную табуретку и села на площадке у двери, за которой плакала собака. Тюлинька вязала и разговаривала с собакой. Та совсем успокоилась, наконец Тюлинька услышала, как она легла, наверно, ей захотелось спать. Тогда Тюлинька осторожно встала, взяла табуретку и ушла к себе.

Всякий раз, когда на площадке останавливался лифт, Тюлинька выглядывала из своей двери, она поджидала хозяев собаки. Наконец она увидела, что какая-то женщина открывает дверь той квартиры.

Дав хозяйке и собаке время поздороваться друг с другом, Тюлинька набралась храбрости и позвонила к ним.

Тут же раздался громкий лай, и дверь отворилась, хозяйка с собакой стояли на пороге. Это был щенок, но очень крупный. Он держал в зубах тапочку и с доброжелательным видом, словно давно знал Тюлиньку, вилял хвостом. Впрочем, он и в самом деле знал её, во всяком случае, её голос.

– Простите за беспокойство, – сказала Тюлинька. – Я живу в соседней квартире, на днях сюда переехала. Если хотите, я могу гулять днём с вашей собакой, всё равно я каждый день хожу гулять с одной маленькой девочкой, которую ко мне привозят.

– Большое спасибо, я была бы просто счастлива, – сказала хозяйка собаки. – Понимаете, мы с мужем целый день на работе, и наш Индивид совсем один. Не удивляйтесь, что мы его так называли, он нас с первой минуты поразил своей самостоятельностью, чем очень отличался от своих братьев и сестёр. Если вам это имя кажется слишком длинным, можете звать его просто Дивом, он будет откликаться. Конечно, с собакой много забот, но мы так любим собак, а детей у нас нет. Когда Индивид подрастёт, он будет ездить в автомобиле с моим мужем, ему приходится много

разъезжать по работе. Но сейчас он ещё мал для этого, ему всего восемь месяцев, и, конечно, он очень тоскует один.

Индивид подошёл к Тюлиньке и обнюхал её. У него была добрая морда и длинная, светлая, вьющаяся на хвосте шерсть.

— Какой красавец! — восхитилась Тюлинька. — Я сидела у вашей двери и утешала его через газетную щёлку. Он понимал всё, что я ему говорила, и не плакал.

— Утром перед работой мы с ним гуляем, — продолжала рассказывать хозяйка Индивида. — Ходим очень долго, и после этого он несколько часов спит. Ну а потом просыпается и, конечно, страдает от одиночества. Ведь ему не объяснишь, что, если мы не будем работать, нам будет нечем платить за квартиру.

— Я найду за ним завтра в двенадцать часов, — сказала Тюлинька. — С утра я пойду в магазин и буду печь плюшки, ко мне вечером придут гости. А днём я так или иначе пойду гулять со своей дневной дочкой.

Хозяйка очень обрадовалась и протянула Тюлиньке ключ от своей квартиры.

— После прогулки впустите Индивида в квартиру и закройте дверь, — сказала она.

— Нет, нет, не давайте мне ключ, ведь вы меня совсем не знаете! — воскликнула Тюлинька. — Или, по крайней мере, спросите у Бьёрна, это наш дворник, можно ли на меня положиться.

— Я и так вижу, что вы надёжный человек, — сказала хозяйка Инди-вида, — и я очень рада, что кто-то уделит внимание нашему маленькому пёсику.

— Значит, договорились, — сказала Тюлинька. — Я буду с нетерпением ждать завтрашней прогулки.

Она вернулась к себе и внимательно осмотрела свою квартиру. Всё как будто в порядке, но, если она протрёт окна и пол, здесь будет ещё красивее, а Тюлиньке очень хотелось, чтобы приятельницам с телеграфа понравилась её новая квартира.

На другой день Гюро опять приехала очень рано, но она не пошла сразу к Тюлиньке, потому что ей хотелось посмотреть, не стёрлись ли классики. Классики не стёрлись, и она долго прыгала одна. Потом вышли и другие дети. Сегодня на неё уже никто не сердился.

— Ты можешь прыгать вместе с нами, ведь ты почти живёшь здесь, — сказали они.

— Если бы мне не нужно было идти в детский сад, мы бы с тобой весь день играли вместе, — сказала Анна.

— А я не хожу в детский сад, — сказал один мальчик. — И гуляю один, потому что я уже большой.

— Его мама не работает, она домашняя хозяйка, — объяснила Грета.

— А разве это не работа? — удивилась Гюро. — Моя мама говорит, что домашняя хозяйка за день делает много разной работы и у неё никогда не бывает свободной минутки.

— Какая же это работа, если за неё не платят денег? — спросила Анна. — Это не настоящая работа.

— Ну и что ж, что не платят, а работа всё равно настоящая и тяжёлая, — твёрдо сказала Гюро.

Тут из подъезда вышла Тюлинька.

— Гюро, а я и не знала, что ты уже здесь! — воскликнула она. — И я вижу, ты уже познакомилась со всеми детьми? Знаешь, у меня сегодня очень болит плечо.

— Ты ушиблась? — спросила Гюро.

— Нет, занималась домашней работой, а это так трудно, — ответила Тюлинька. — Гораздо труднее, чем быть телефонисткой. Вчера я протирала

окна, а сегодня не могу пошевелить рукой. Идём со мной в магазин, ты поможешь мне нести покупки. Я могу двигать только одной рукой, другая меня не слушается.

– Я сильная, я тебе помогу, – сказала Гюро.

– Это твоя бабушка? – спросил мальчик.

– Нет, это моя дневная мама, – объяснила Гюро, и они с Тюлинькой пошли в магазин.

Они очень торопились, ведь вы помните, что к Тюлиньке вечером должны были прийти гости. Гюро несла пакеты в обеих руках, а Тюлинька – только в одной.

– Первым делом мы поставим тесто для плюшек, – сказала Тюлинька, когда они вернулись домой. – Месить придётся тебе, боюсь, что сегодня я не справлюсь с такой работой.

Кто из вас не любит месить тесто? Месить тесто любят все, и Гюро, конечно, тоже любила. Сперва она размешивала тесто ложкой, но когда оно загустело, Тюлинька разрешила ей месить руками. И Гюро принялась за дело. Она месила так энергично и деловито, что Тюлиньке тоже захотелось попробовать, и она запустила обе руки в тесто. Нет, одна рука решительно отказывалась служить ей – испачканная тестом, она бесильно повисла вдоль тела. Но Тюлинька не расстроилась, и они с Гюро домесили тесто в три руки. Потом тесто укрыли полотенцем и поставили в тёплое местечко.

В это время зазвонил телефон, звонила Лиллен.

– Алло! Алло! – закричала она в трубку. – Я собираюсь приехать к тебе в воскресенье. Мне очень хочется посмотреть, как ты устроилась. Но я приеду с утра, ты ведь знаешь, что я боюсь вечером выходить из дому.

– Я буду ждать тебя, – ответила Тюлинька. – Мы с тобой пообедаем, погуляем, и ты засветло вернёшься домой. А сейчас до свидания, вешай скорей трубку, ты ведь знаешь, что, чем дольше мы будем говорить, тем больше тебе придётся заплатить за этот разговор.

Она положила трубку и увидела, что весь телефон измазан в тесте, словно он стоял не в квартире, а в пекарне.

– Ничего, мы его потом вытрем, – сказала она Гюро. – Нас ждут, нам надо торопиться.

— Мы пойдём в лес? — спросила Гюро.

— Да, но не одни, — ответила Тюлинька.

— Ты ещё с кем-нибудь познакомилась? — поинтересовалась Гюро. — Это взрослый?

— Не совсем взрослый. — Тюлинька вышла на площадку и вынула из сумочки ключ.

И тут Гюро услышала всхлипывания.

— Кто-то плачет, — сказала она.

— Да, — подтвердила Тюлинька. — Мы пришли в самый раз. Эй, дружок, я здесь! — крикнула она через закрытую дверь.

Плач за дверью стал громче. Тюлинька открыла дверь, и на пороге показался Индивид. Он мимоходом лизнул Гюро в лицо, стащил с неё шапку, поздоровался с Тюлинькой и помчался по площадке.

— Стой! Куда ты? — крикнула Тюлинька. — А поводок?

Но Индивид и не собирался никуда убегать, он просто обезумел от радости и весело носился взад и вперёд. Не успевшую посторониться Гюро он сбил с ног, а Тюлиньке пришлось прижаться к самой стене.

— Как же нам его остановить? — сказала Тюлинька. — Давай сядем на корточки и попробуем притвориться, будто плачем, может, он нас пожалует и подойдёт.

Они так и сделали. Гюро стала громко всхлипывать, а Тюлинька потихоньку завывала. Индивид тут же подбежал к ним и, чтобы утешить Тюлиньку, стал лизать ей лицо. Тюлинька воспользовалась этим и хотела надеть на него ошейник, но у неё плохо действовала правая рука, и Индивид, вырвавшись, снова забегал по площадке.

— Давай поплачем ещё раз, — предложила Тюлинька и снова заплакала.

Гюро поспешила присоединиться к ней. Она, если хотела, могла плакать очень громко. Они рыдали во весь голос. Индивид с интересом подошёл к ним. Но не он один. Из соседней двери вышел человек. Он был ужасно сердит.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Я у себя в квартире не могу работать. Ведь вы взрослый человек, — обратился он к Тюлиньке. — Какой пример вы подаёте ребёнку! Вы что, ушиблись?

— Нисколько, — ответила Тюлинька. — Ну вот, теперь я держу его достаточно крепко. Простите, пожалуйста, мы только хотели поймать собаку.

— Но это же не ваша собака, — сказал сосед. — Она живёт у меня за стеной, я её по голосу знаю, она целыми днями не даёт мне покоя.

— Вы совершенно правы, — сказала Тюлинька, — но теперь он больше не будет плакать. Я буду ему дневной мамой, так же как Гюро, и мы сейчас уходим гулять. Не бойтесь, больше вам никто не будет мешать.

— Посмотрим, — сказал сосед. — Видите ли, я работаю дома, а при таком шуме невозможно сосредоточиться.

— Простите, пожалуйста, мы больше не будем, — ещё раз извинилась Тюлинька.

Теперь она помнила, что ей следует держать поводок левой рукой, и легко сдерживала Индивида, хотя он тянул очень сильно. Гюро на всякий случай крепко вцепилась в её пальто.

Индивид прекрасно знал, что такое лифт, и они без приключений спустились вниз. Там Индивид потянул к двери с удвоенной силой.

— Не спеши так, дружок, ты же видишь, мы идём гулять, — сказала Тюлинька, но Индивид не понял ни слова. Он дёрнул так, что Тюлинька и Гюро пулей вылетели за ним из подъезда. В дверях они столкнулись с какой-то женщиной, которая возвращалась из магазина с полными авоськами.

— Надо смотреть, — строго сказала она Тюлиньке.

— Я смотрю, но он очень сильный, — стала оправдываться Тюлинька.

— Не надо заводить собаку, если вы не можете с нею справиться, — проворчала женщина.

У Тюлиньки не было возможности ответить женщине, они с Гюро были уже далеко. Наконец Индивид нашёл подходящее местечко и присел на корточки.

— Бедняжка, видишь, как ему нужно было на улицу, — сказала Тюлинька. — Просто удивительно, что он столько терпел, ведь он ещё совсем маленький.

Гюро не считала, что Индивид такой уж маленький — он был гораздо больше и сильнее её, но Тюлинька сказала, что ему всего восемь месяцев.

– Видишь, он ещё даже не умеет поднимать лапу, как все взрослые псы, а присаживается на корточки, – объяснила она Гюро.

Теперь Индивид успокоился, и они пошли к лесу.

– Смотри, Гюро, эта дорога ведёт прямо в лес, она называется Сосновое шоссе. Ой, как интересно, тут под этим названием есть ещё и другое – Бабушкина дорога! Никогда не слыхала такого смешного названия. Давай пойдём с тобой по Бабушкиной дороге, хочешь? – предложила Тюлинька.

– Хочу, – сказала Гюро.

Но Индивиду Бабушкина дорога не понравилась, его гораздо больше привлекала старая лесная тропинка, там было столько незнакомых, но манящих запахов – наверняка там раньше ходили собаки! Индивид опустил нос к самой земле и потянул Тюлиньку за собой.

– Ладно, ладно, пойдём здесь, – уступила ему Тюлинька. – Но сперва я должна вас сфотографировать, я и не знала, что Индивид умеет улыбаться.

День выдался на редкость погожий, пахло весной, и птицы громко гомонили, строя свои гнёзда. Снег на дороге растаял, и на ней было полно луж.

– Почему ты не надела резиновые сапоги? – строго спросила Гюро у Тюлиньки, глядя на её мокрые и грязные туфли, впрочем, чулки у Тюлиньки тоже были грязные. – Ты можешь простудиться.

– Пустяки, – ответила Тюлинька, – дома я переобуюсь, а завтра непременно куплю себе сапоги.

В лесу Гюро уже не было надобности держать Тюлиньку за пальто, и она весело бегала по дороге взад и вперёд. Индивиду тоже хотелось побегать, тем более что он умел бегать ещё быстрее, чем Гюро, но Тюлинька сказала:

– Потерпи, дружок, я не могу тебя отпустить. Вдруг ты убежишь от меня – что тогда скажут твои хозяева? И рука меня совсем не слушается, видишь, висит как плеть. Гюро, давай беседовать о чём-нибудь, тогда я забуду, что у меня болит плечо.

Но Гюро не успела и подумать, о чём бы ей побеседовать с Тюлинькой, как им обоим пришлось думать совсем о другом. Навстречу им шёл человек с небольшой овчаркой. Индивид ничего не имел против обще-

ства Гюро и Тюлиньки, но ведь играть с чужой собакой интереснее, чем спокойно идти на поводке, и он изо всех сил рванулся к овчарке.

– Не бойтесь! – крикнул её хозяин Тюлиньке. – Моя собака его не тронет, она понимает, что это ещё щенок. Его размеры не обманут её.

Индивид обнюхал незнакомую собаку, поздоровался с ней, но этого ему показалось мало. Он начал рваться и прыгать, пытаясь лизнуть и её хозяина, и повернул Тюлиньку так, что поводок опутал ей ноги. Тюлинька наклонилась, пытаясь освободить ноги, и нечаянно выпустила поводок из рук. Индивид оказался на свободе.

– Ах! – воскликнула Тюлинька. – Пожалуйста, помогите мне поймать его!

— Непременно помогу, не тревожьтесь, — сказал хозяин овчарки. — Только пусть он сперва немного побегает.

Индивид носился вокруг, точно вихрь, но в руки никому не давался. Вскоре, однако, хозяину овчарки удалось ухватить его за поводок.

— Возьмите, — сказал он, подавая поводок Тюлиньке.

— Спасибо, — ответила она. — Это чужая собака, поэтому я боюсь отпустить её, но у меня болит правая рука и мне трудно с ней справиться.

— Если вам опять повстречается кто-нибудь с собакой, ищите подходящее дерево, — посоветовал хозяин овчарки.

— Вы хотите сказать, что нам придётся залезть на дерево? — испугалась Тюлинька.

— Нет, лезть на него не надо, — засмеялся он. — Обмотайте поводок вокруг дерева, и оно само удержит щенка. Тогда ваша больная рука ни сколько не пострадает.

— Спасибо вам за совет, — сказала Тюлинька, — оказывается, я ещё многого не знаю. Надо учиться.

— Счастливой прогулки, — сказал хозяин овчарки и ушёл вместе со своей собакой.

— Гюро, ты беги вперёд и смотри, не идут ли нам навстречу собаки, — сказала Тюлинька. — Кто бы мог подумать, что в будни в лесу столько людей!

Вскоре Гюро увидела впереди ещё одну собаку, она бежала без поводка. Гюро издала предупредила Тюлиньку.

Тюлинька тут же огляделась и подошла к молодой сосне. Она успела дважды обмотать поводок вокруг ствола, прежде чем среди деревьев показалась собака.

Индивид громко залаял, приветствуя незнакомого пса, а Тюлинька шепнула:

— Тише, дружок, молчи! Может, он нас не заметит!

Не заметит! Индивиду как раз хотелось, чтобы его заметили! Он лаял во всё горло, и громадный пёс со всех ног бросился к нему. Его хозяин шёл позади. Гюро снова ухватилась за Тюлинькино пальто, и у них перед глазами замелькали собачьи ноги и хвосты.

— Отзовите, пожалуйста, свою собаку! — крикнула Тюлинька её хозяину. — Если, конечно, она вас слушается!

– Бамсе, ко мне! – приказал хозяин, и Бамсе сразу же повиновался. – Видите, какой он послушный! А ваш пёс ему очень понравился. Может, отпустите его, пусть вместе побегает и поиграют, – предложил он.

– Это чужая собака, и я боюсь, что потом не поймаю её, – сказала Тюлинька.

– Да, это опасно, – согласился хозяин Бамсе и ушёл вместе с ним.

Когда они скрылись из виду, Тюлинька размотала поводок, освободила сосну, и они втроём двинулись дальше. Дорога становилась всё причудливей, её всю переплели корни деревьев, возле них пробивалась трава. Наверно, ходили по этой дороге редко, но между тем на ней были заметны следы автомобильных колёс. Видно, кого-то не смущали ни ухабы, ни рытвины.

Вскоре Тюлинька сказала:

– Ну, Гюро, пора возвращаться. Наше тесто, наверно, уже подошло. И...

И не успела она закончить фразу, как они увидели в лесу хорошенький домик.

– Смотри, какая красота! – воскликнула Тюлинька. – В другой раз мы хорошенько его рассмотрим!

Но Индивид не пожелал откладывать это до другого раза, он изо всех сил стал тянуть к домику.

Слишком много событий для одного дня

Хорошенький домик стоял в лесу не один: компанию ему составляли дровяной сарай, хлев и совсем крохотный домик с вырезанным на дверях сердцем.

– Ох, Гюро, если бы у нас был такой дом! – вздохнула Тюлинька. – Тогда бы твоя мама была у нас дворником, я бы занималась домашним хозяйством, а ты с Индивидом бегала бы и играла здесь целый день. Смотри, какой у них красивый штaketник!

– А что такое штaketник? – спросила Гюро.

– Это изгородь, – объяснила Тюлинька.

Индивида тоже очень интересовал домик в лесу, и он всё сильнее натягивал поводок.

– Веди себя прилично, Индивид! – прикрикнула на него Тюлинька.

Индивид с удивлением посмотрел на неё: что же тут неприличного, если он хочет идти побыстрее? Ведь он был рождён для быстрой ходьбы, даже для бега. Внезапно он дёрнул поводок и оказался на свободе. Ворота были открыты, и Индивид влетел прямо во двор. Только теперь Гюро и Тюлинька увидели маленькую тёмно-коричневую собачку, которая с громким лаем носилась перед домом. Она удивилась неожиданному гостю, но несколько на него не рассердилась. На шум из домика вышла старушка в белом платочке, широкой юбке и вязаной кофте. В руке она держала лопату, наверно, собиралась вскапывать клумбы.

– Самоварная Труба, ну чего ты так носишься, небось уже не молоденькая, – сказала она.

Собака, которую звали Самоварной Трубой, поняла, что ей сказали, и уселась перед крыльцом. У неё были такие короткие лапки, что трудно было понять, сидит она или стоит, но в том, что она сейчас отдыхает, не было никакого сомнения.

– Вернись, Индивид! – в один голос закричали Гюро и Тюлинька, стоя в воротах.

Но Индивид и не думал возвращаться. Он носился по чужому двору, и видно было, что ему здесь очень нравится. Гюро не могла устоять на месте, ведь и она тоже любила быстро побегать, и, оставив Тюлиньку, она припустила вслед за Индивидом, так что ноги её почти не касались земли, а волосы развевались по ветру.

– Быстро вы умеете бегать, – сказала старушка, стоявшая с лопатой в руке.

– Нам очень нравится ваш домик! – сказала ей Тюлинька. – Неужели вы одна здесь живёте?

– Нет, я не одна, – ответила старушка. – Здесь живут папа, мама и восемь детей, а я их бабушка.

Она достала из кармана печенье и протянула Индивиду. Он с удовольствием съел его, было видно, что он изрядно проголодался. Бабушка

взяла его за поводок, погладила и что-то ему сказала. Он совсем успокоился и стал весело повизгивать.

— Вот хорошо, — обрадовалась Тюлинька, — а я-то испугалась, что не смогу поймать его.

И она рассказала бабушке, что Индивид — её сосед и она взяла его на прогулку, потому что он очень плачет, когда остаётся дома один. Неожиданно в хлеве раздалось мычание.

— Это наша корова, — сказала бабушка, — её зовут Роза. У нас есть и телёнок по прозвищу Бычок, он уже совсем большой, а всё ещё балуется, как маленький.

— Знаете, я только что вышла на пенсию, но свободного времени у меня совсем нет, — пожаловалась Тюлинька бабушке. — Всё дела да дела.

— Это хорошо, когда дел много, — заметила бабушка, — ты ведь ещё не старая.

— Но и не молодая, — засмеялась Тюлинька. — Мы, телефонистки, выходим на пенсию в шестьдесят пять.

Вид у Тюлиньки был чрезвычайно деловой.

— Вот жду сегодня гостей, — сказала она. — Пошли скорей, Гюро. Спасибо вам за помощь. Мы непременно как-нибудь ещё придём к вам.

— Милости прошу, — сказала бабушка, — я угощу вас кофе с вафлями. Люблю, когда ко мне приходят гости. Уж очень здесь тихо, пока дети в школе. Мы с Самоварной Трубой всегда рады гостям.

— И собакам, — вставила Гюро.

— И собакам, — подтвердила бабушка. — Вашу-то как зовут?

— Индивид, — ответила Тюлинька.

— Редкое имя, — заметила бабушка. — Ну что ж, Индивид, приходи к нам ещё.

На обратном пути им больше не встречались собаки, и притомившийся Индивид чинно шёл рядом с Тюлинькой до самого дома.

Когда же Тюлинька хотела впустить его к нему в квартиру, он так опечалился, что Гюро предложила:

— Давай возьмём его к себе, ему одному так грустно.

— Конечно, возьмём, — согласилась Тюлинька. — Мы будем печь плюшки, а он может в это время поспать.

Она нашла старое махровое полотенце, постелила его в комнате, и Индивид, обняв Тюлинькину квартиру и познакомившись с ней, растянулся на полотенце.

– А теперь – за работу! – воскликнула Тюлинька.

Они скинули в прихожей грязную обувь, вымыли руки и стали делать плюшки. Делала их Гюро, а Тюлинька только помогала ей здоровой рукой. Плюшек получилось много, и все они были разной величины и формы. Засунув их в духовку, Тюлинька сказала:

– Вот духовка нагреется, они поднимутся и будут очень пышные. Давай пока сбивать крем. Как думаешь, ты сама сможешь его сбить? У меня очень болит рука.

Конечно, Гюро прекрасно сбивала крем. Потом Тюлинька принесла готовые коржи для торта, купленные в магазине, ведь она не знала, что плюшки получатся так хорошо, и они промазали коржи кремом. Сверху они украсили свой торт бананами и маленькими красными ягодками. Тюлинька была в восторге от их работы.

– А сейчас мы с тобой быстренько сделаем суп с фрикадельками и поедим. Сегодня твоя мама задержится на работе, и я обещала ей накормить тебя обедом.

Когда суп был готов, Гюро спросила у Тюлиньки, не надо ли накормить и Индивида.

– Конечно, надо, – решительно сказала Тюлинька. – У меня есть бутерброды с ливерной колбасой, сейчас мы его угостим.

Гюро побежала в комнату, но там Индивида не оказалось. Сперва он лежал на полотенце, это было видно по грязным пятнам, но теперь... Теперь Индивид растянулся во всю длину на новой красивой красной тахте. Впрочем тахта уже не казалась красивой и новой, она была вся испачкана грязью и собачьей шерстью.

– Тюлинька! Индивид лёг спать на твоей тахте! – в испуге закричала Гюро – она очень боялась, что Тюлинька рассердится на Индивида.

Но Тюлинька не рассердилась, только лицо у неё вдруг сделалось таким же растерянным, каким было в первый день их знакомства. Она опустилась на стул и тихонько прошептала:

– А у меня сегодня гости!

Да, сегодня её комната не была готова к приёму гостей! Тахта, пол и ковёр были в грязи. Окна, которые она вчера так тщательно протирала, оказались в белых разводах. И в довершение всего Индивид лежал и грыз её любимую нарядную шляпку! У него чесались зубы, а шляпка упала с вешалки, и он не смог удержаться от соблазна. К тому же от шляпки так пахло Тюлинькой, которая была его другом, что ему захотелось таким образом высказать ей свое дружеское расположение.

Увидев испорченную шляпку, Тюлинька не на шутку рассердилась.

— Как это некрасиво с твоей стороны! — воскликнула она. — Я думала угостить тебя бутербродом с колбасой, но вижу, что лучше отправить тебя домой!

А Гюро поднесла ему к морде шляпку, или, вернее, то, что от неё осталось, и сказала:

— Фу, как стыдно!

Индивиду и в самом деле стало стыдно, но только на одну минутку; почуяв запах колбасы, он весело завилял хвостом.

— Совсем ты ещё глупенький! — засмеялась Тюлинька и сразу по добрела. — Не бойся, получишь свой бутерброд, но только у себя дома. Мы с Гюро уже простили тебя.

Они отвели его домой и посидели с ним, пока он ел. Когда же он прыгнул в свою корзинку и устроился спать, они вернулись к себе.

— Я думаю, он доволен сегодняшним днём, — сказала Тюлинька, открывая двери своей квартиры.

И тут им в нос ударил запах гари, по комнате плыл синеватый дым.

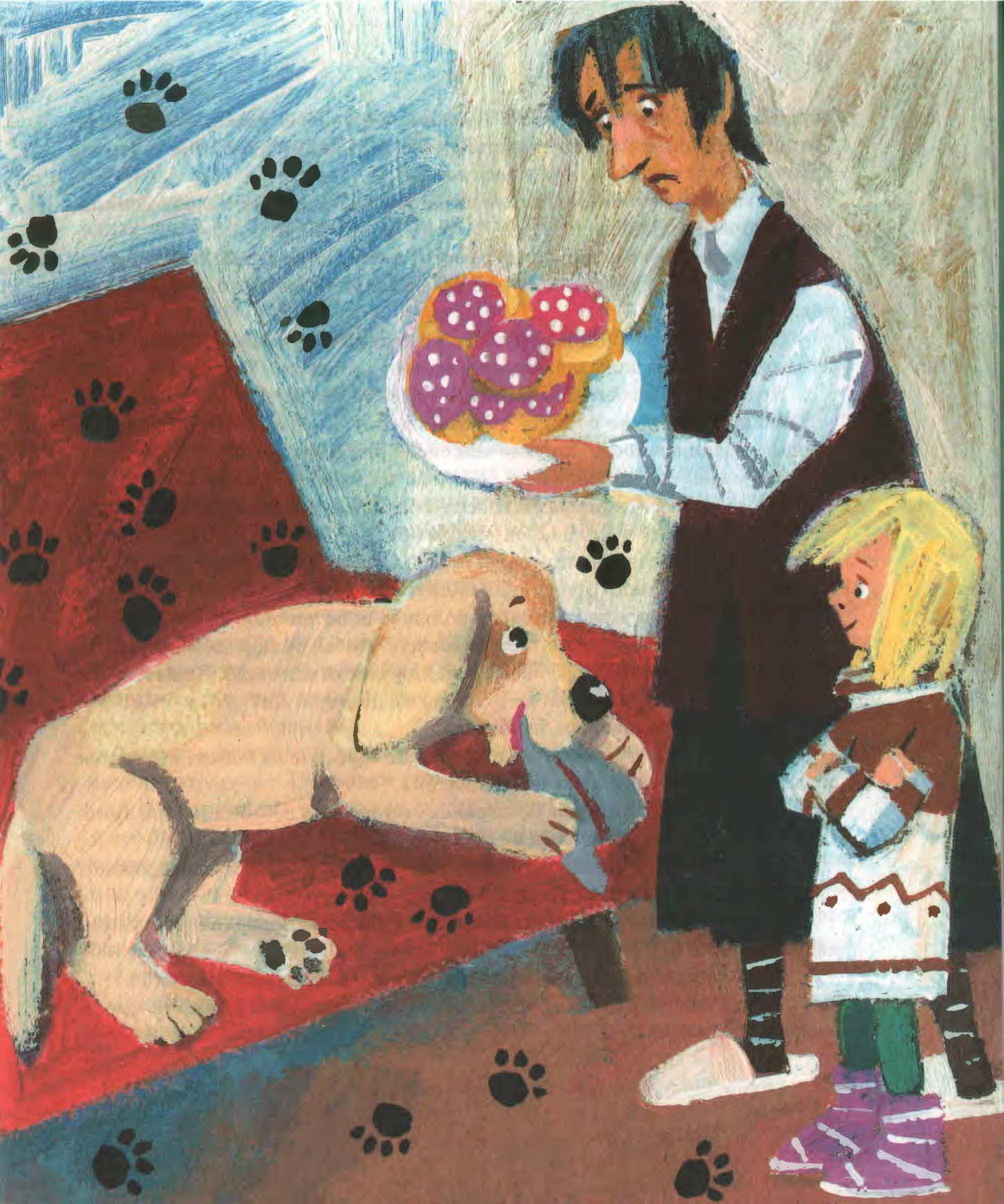
— Плюшки! — воскликнула Тюлинька и бросилась к плите.

Все плюшки до единой вместо золотистых оказались чёрными! Тюлинька вытащила противень и выключила духовку. Потом она открыла окно и балконную дверь. Запах гари стал медленно улетучиваться. В эту минуту в дверь позвонили. Тюлинька обрадовалась:

— Это Эрле! Сейчас она нам поможет!

Но это была не Эрле. За дверью стояла девочка чуть старше Гюро.

— Здравствуйте, — сказала она. — Меня зовут Нюсси, я живу в том корпусе, где её мама делает ремонт, и знаю, кто раньше жил в той квартире. Её мама говорит, что она хочет поработать попозже, и, если ей нельзя

остаться здесь, я отведу её туда. А если она останется здесь, пусть последит, чтобы Тюлинька отдохнула после обеда, – одним духом проговорила девочка и спросила: – А что у вас сгорело?

– Плюшки, – ответила Тюлинька, и обе девочки по её голосу поняли, что ей хочется плакать.

– К Тюлиньке вечером придут гости, а она взяла к себе собаку, и эта собака здесь всё испачкала. И ещё у Тюлиньки болит рука, – объяснила девочке Гюро.

– Да, да, плечо. Видишь, рука меня совсем не слушается, она такая тяжёлая, что я ею даже шевельнуть не могу, – сказала Тюлинька.

– Подождите, я сбегаю за мамой, – сказала Нюсси и убежала.

Тюлинька была не в силах что-либо делать, и Гюро показалось, что прошла целая вечность, прежде чем снова раздался звонок.

– Это мама! – закричала она. – Сейчас всё будет в порядке!

Но это оказалась чужая мама. Нюсси свою маму привела к ним на помощь.

– Мне сказали, что у вас случилась беда, – сказала Нюссина мама и внимательно оглядела комнату. – Меня зовут Эви Мадсен или просто Нюссина мама. Какая рука у тебя болит, эта?

Нюссина мама принесла с собой большое полотенце.

– Сейчас мы сделаем из него повязку, чтобы рука в ней отдыхала, и тебе сразу станет легче. Я знаю, у меня у самой так было. Кажется, что рука слишком тяжёлая и ты не можешь ею двигать. Да?

– Да, да, – обрадовалась Тюлинька.

– А ещё прими эту таблетку, она снимет боль. Ты не бойся, это слабое средство, его продают даже без рецептов.

– Спасибо, – всхлипнула Тюлинька, – но сегодня ко мне должны прийти гости, а ты только взгляни на мои плюшки!

– Ну, это не беда, – сказала Нюссина мама. – У тебя есть мука и дрожжи?

– Конечно, – ответила Тюлинька.

– Тогда я сейчас поставлю новое тесто, а пока оно подходит, уберу комнату. Хорошо?

– Ты не отказывайся, моя мама всё умеет, – вмешалась Нюсси.

– Я буду счастлива, если у тебя есть свободное время помочь мне, – сказала Тюлинька.

– Вы уже пообедали? – спросила Нюссина мама.

– Ещё не успели, но у нас есть суп с фрикадельками, – ответила Тюлинька.

– Сиди, не вставай, – распорядилась Нюссина мама. – Вы сейчас поедите здесь, а я буду хозяйничать на кухне. Сколько человек у тебя будет сегодня?

– Со мною шесть, – ответила Тюлинька. – Сперва я собиралась подать плюшки, а уже потом торт.

– Значит, нужно сварить кофе, – сказала Нюссина мама. – Сейчас всё будет готово.

– Но ведь до вечера кофе остынет! – воскликнула Тюлинька.

– Не бойся! Нюсси, сбегай домой за термосом, а я займусь тестом! – сказала Нюссина мама и ушла на кухню.

Когда Тюлинька и Гюро поели, мама вернулась в комнату.

– А теперь ляг и отдохни, – сказала она Тюлиньке, – тогда лекарство скорей подействует. А Гюро может отдохнуть в кресле. К счастью, собака не успела его запачкать.

– Я лучше поиграю с Вальдемаром и Кристиной, – сказала Гюро, – а то они не были с нами в лесу.

– Я тоже знала Вальдемара и Крестину, – сказала Нюссина мама. – Так звали двух детей, которые раньше жили в нашем доме, как раз в той квартире, где твоя мама делает ремонт. Между прочим, она оказалась превосходным маляром!

Тюлинька лежала и наблюдала, как работает Нюссина мама, и Гюро видела, что рука у Тюлиньки уже не болит.

А Нюссина мама колдовала, точно добрая волшебница, только в руках у неё была не волшебная палочка, а тряпка и щётка. Первым делом она почистила тахту, и та опять стала красивой и новой, потом она вымыла пол и протёрла окно, так что оно засверкало. Между делом она поставила печь плюшки, и они получились у неё кругленькие и ровненькие, как одна. При этом Нюссина мама несколько не торопилась, однако её руки всё время знали, что и как им следует делать.

Нюсси принесла термос, её мама наполнила его горячим кофе и завинтила крышку.

— Теперь он до вечера будет стоять горячий, — сказала она.

— Мама, можно, ко мне придёт Бритт-Карен? — спросила Нюсси.

— Конечно, — разрешила ей мама. — Я скоро вернусь.

— Знаешь, — сказала Тюлиньке Нюссина мама, когда Нюсси убежала домой, — раньше я была очень придирчивая и, если к Нюсси приходили подружки, разрешала им играть только в детской. Боялась, что они устроят беспорядок или что-нибудь сломают. Даже вспомнить смешно. И мы с Нюсси постоянно ссорились. Зато теперь мы друзья. У нас вообще всё изменилось. Раньше я работала в магазине, а потом поняла, что домашняя работа мне больше по душе, и стала заниматься только ею. Помогаю, например, вести хозяйство одной женщине, которая работает в страховом обществе. И так кое-кому, кто обратится за помощью.

— Я непременно расплачусь с тобой за эту услугу, — сказала Тюлинька.

— И не думай, и не думай! — воскликнула Нюссина мама. — Ведь это совершенно особый случай, у тебя болит рука, и вообще...

— Тогда я не смогу обратиться к тебе ещё раз, если мне понадобится твоя помощь, — сказала Тюлинька. — Пожалуйста, не отказывайся, я уверена, что у тебя есть какое-нибудь заветное желание.

— Желание-то есть, — вздохнула Нюссина мама, — это краски. Я начала заниматься живописью. Когда-то только рисовала, а теперь пишу красками. Просто дня не хватает. К тому же я состою в правлении наших домов.

Заменила там своего мужа. Оказалось, что женщины гораздо лучше мужчин разбираются в этих делах. Они лучше понимают, что нужно сделать и для дома, и для детишек. Между прочим, у тебя есть ваза для цветов?

– Конечно, – ответила Тюлинька. – Только цветы я купить не успела.

– Вот и хорошо, цветы тебе как новосёлу преподнесёт наше правление, ты только позаботься о вазе.

Вскоре стол был накрыт и всё было готово. Закончив работу, Нюссина мама ушла домой, а ей на смену пришла мама Гюро.

– Добрый вечер! – сказала она. – Простите, что я задержалась. Тюлинька, я хочу помочь тебе накрыть стол.

– А у нас уже всё готово, – сказали Гюро и Тюлинька в один голос.

Увидев накрытый стол, мама даже ахнула и поинтересовалась, когда же они успели всё сделать.

– Это не мы, это тётя, которая умеет всё на свете! – сказала Гюро.

Мама и Гюро

Одно событие так быстро сменяло другое, что Гюро не успевала даже как следует о них подумать. У Тюлиньки были гости, и от правления ей преподнесли замечательные цветы, так что она не зря заранее приготовила вазу с водой. А на другой день Гюро ходила с ней к врачу, который назначил лечение и велел Тюлиньке не перегружать себя непривычной домашней работой. Но это Тюлинька знала и без врача и не хотела лечиться.

Однако всё это только чуть-чуть занимало мысли Гюро. Она думала совсем о другом. Как-то вечером, когда они с мамой вернулись из Тириллтопена в пансионат, Гюро сразу же легла спать. Вскоре в дверь постучали, и вошла хозяйка пансионата.

– Гюро уже спит? – спросила она.

– Да, – ответила мама. – Ей приходится слишком рано вставать, и она устаёт от этих поездок.

– Мне надо поговорить с вами, – сказала хозяйка. – Я очень рада, что вы прожили у нас уже почти месяц, но теперь вам надо подыскать себе

какое-нибудь другое жильё. К сожалению, на следующий месяц я сдала вашу комнату.

— Что же нам делать? — воскликнула мама. — А я думала, что мы сможем жить здесь, пока я не получу место дворника.

— Я вас понимаю, — сказала хозяйка, — но ведь вы знаете, что у нас не положено жить с детьми. Конечно, Гюро хорошая девочка и ведёт себя очень тихо, никто из жильцов на неё не жалуется, но зато многие просят меня принять в пансионат и их знакомых с детьми. И пока вы здесь живёте, у меня нет оснований отказывать другим. Я попала в очень трудное положение и надеюсь, вы правильно поймёте меня.

— Да, конечно, — вздохнула мама, — я вас понимаю. Видите ли, на днях должно решиться, получу ли я место дворника в Тирилтопене в корпусе «Ц». И пока это неизвестно, я держала это в секрете от Гюро.

— А может, вы согласитесь на какую-нибудь другую работу? — спросила хозяйка. — Сегодня, например, я прочла в газете, что здесь, в центре города, в одном доме требуется дворник. Поинтересуйтесь насчёт этого места.

— Я непременно узнаю, — сказала мама. — Надеюсь, вы не откажетесь дать мне рекомендацию? Ведь вам понравилось, как я отремонтировала комнату, где жила Тюлинька.

— С удовольствием дам, — сказала хозяйка. — Наверно, кроме моей, у вас будут и другие рекомендации?

— Да, — сказала мама. — У меня есть рекомендация от столяра из Гампетрефа, и, кроме того, мне дадут рекомендации Тюлинька и дворник из её дома.

— Ну и прекрасно, — сказала хозяйка. — Вот вам объявление, о котором я говорила. Можете пойти туда в субботу, ведь вы в субботу свободны?

— Свободна, — сказала мама.

Хозяйка ушла, и Гюро ещё несколько минут делала вид, что спит. Сквозь ресницы она наблюдала за мамой и видела, что мама очень огорчена, хотя она и не плакала.

— Мама, — сказала Гюро, — ведь ты не виновата, что у тебя есть я.

— Ты не спишь? — удивилась мама и обняла её. — Я виновата только в том, что у нас до сих пор нет жилья, — сказала она. — Ты слышала весь разговор?

— Да, — ответила Гюро. — Мне тоже очень хочется жить в Тириллтопене. И это была чистая правда. Теперь ей всегда хотелось в Тириллтопен, и она редко вспоминала о Гампетрефе и о том, как там было. Теперь она мечтала только о Тириллтопене.

— Если бы меня взяли дворником в корпус «Ц», нам бы дали точно такую же квартиру, как у Бьёрна, — сказала мама. — Мы с Бьёрном помогали бы друг другу, он заменял бы меня в мой выходной день, а я — его. Бьёрн развёлся с женой, но у них есть сын, и ему хочется почаще с ним видеться. Они любят ездить за город, где у Бьёрна маленький домик.

— А что такое «развелись»? — спросила Гюро.

— Это значит, что они больше не живут вместе, — сказала мама. — Так бывает — сперва двое людей женятся и живут друг с другом, но потом, обнаружив, что им вместе плохо, разъезжаются, чтобы каждый мог жить по-своему. Их дом Бьёрн оставил жене и сыну, а сам устроился дворником, чтобы иметь квартиру. Раньше он работал машинистом на большом пароходе, но теперь он не хочет уходить в плавание, чтобы иметь возможность почаще видеться с сыном.

Гюро задумалась, ей было интересно, поднимал ли Бьёрн своего сына к самому потолку, как её.

— Только, наверно, это место отдадут мужчине, — вздохнула мама. — Они боятся, что я не справлюсь с такой работой.

— Кто они? — полюбопытствовала Гюро.

— Они — это правление, которое управляет этими домами, — сказала мама.

— Значит, в этом правлении и Нюссина мама, а она знает, что ты всё умеешь, — сказала Гюро.

— Кроме неё там есть и другие люди, — заметила мама. — Давай-ка лучше спать: утро вечера мудренее. В субботу мы с тобой узнаем насчёт того места, о котором написано в газете. Я пойду куда угодно, где меня возьмут, иначе мы с тобой останемся без жилья.

— Тогда нам придётся жить в Тириллтопене в палатке, — сказала Гюро.

И вот в субботу мама и Гюро отправились в путь, мама посмотрела по карте, они прошли одну улицу, другую, третью и наконец остановились

перед старым мрачным домом. В нём был такой же подъезд с вестибюлем, как в пансионате.

Они вошли в подъезд, поднялись на второй этаж и позвонили в дверь, на которой значилась та же фамилия, что была написана в газете.

– Меня зовут Эрле Люнгмю, – сказала мама открывшей им женщине. – Я пришла по объявлению насчёт работы.

– Нам нужен дворник, – сказала женщина.

– Я знаю, – сказала мама.

– Вы интересуетесь этим местом для своего мужа? – спросила хозяйка.

– Нет, для себя, – ответила мама. – У меня есть рекомендации.

– Но ведь это мужская работа! – удивилась хозяйка. – Мы привыкли видеть на этом месте мужчину. Дворнику приходится таскать тяжести, у нас в доме нет центрального отопления, жильцы топят коксом, и дворнику надо разносить его по квартирам. Кроме того, надо мыть лестницу, подметать тротуар, а зимой скалывать с него лёд. Дом у нас небольшой, и нагрузка у дворника неполная, денег он получает немного, но зато мы предоставляем ему квартиру. А вы могли бы, кроме того, подрабатывать у меня – стирать, убирать. Меня бы это очень устроило. Идёмте, я покажу вам квартиру, которая у нас предназначена для дворника. Это на первом этаже, окна выходят во двор. Она очень уютная.

– Спасибо, – сказала мама.

В эту квартиру никогда не заглядывало солнце, в ней вообще не было дневного света: её единственное окно упиралось в высокую глухую стену.

– Ничего, Гюро, – сказала мама, – у нас будет всё время гореть лампа.

Квартира состояла из комнаты, кухни и чуланчика.

– А вы не боитесь, что дочка будет мешать вам работать? – спросила хозяйка. – Впрочем, у нас тут рядом со стоянкой для автомобилей есть детская площадка. Там и ящик с песком, и качели.

– Спасибо, я буду иметь это в виду, но пока Гюро ездит днём к нашей приятельнице.

Здесь внизу было так темно и сыро, что у Гюро сразу стало тяжело на душе.

— Конечно, вам придётся всё тут вычистить, — сказала хозяйка. — Как видите, ваш предшественник не очень-то пёкся о чистоте. Он, знаете ли, выпивал. А вы, случайно, не пьёте? — вдруг спросила она у мамы.

На лице у мамы выразилось глубочайшее изумление, но тут в разговор вмешалась Гюро:

— Конечно, пьёт, все пьют, когда хочется пить.

— Не беспокойтесь, я не пью, — улыбнулась мама. — Здесь, наверно, станет светлее, если побелить стены? — сказала она, глядя на унылые голые стены.

— Это ваше дело, если хотите, можете побелить, но, разумеется, за свой счёт, — сказала хозяйка. — Я понимаю, что сейчас здесь холодно и неудобно, но есть печка. А в чуланчике вполне может поместиться детская кроватка. По вечерам вам, наверно, захочется отдохнуть от девочки?

Гюро заглянула в чуланчик: там не было никакого окна и потому царил полный мрак.

— Нет, нет, — испуганно сказала мама, — мы с Гюро привыкли спать в одной комнате.

— Значит, вас устраивают эти условия? — спросила хозяйка.

— Мне бы хотелось подумать несколько дней, — ответила мама.

— Я не против, — сказала хозяйка, — но ведь на это место могут объявиться и другие претенденты. Сейчас в городе не так-то просто найти работу с жильём, тем более что вы не одна.

— Это правда, — сказала мама. — Я позвоню вам во вторник.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, — нехотя согласилась хозяйка.

Мама и Гюро вернулись в пансионат.

Вечером мама села почитать, а Гюро в уголке играла с Вальдемаром и Кристиной.

— Не бойтесь, — говорила она им, — вам не придётся спать в тёмном чулане. Мы с вами привыкли спать в одной комнате, я ни за что не пущу вас в чулан.

Воскресенье тянулось бесконечно, хотя Гюро с мамой ездили в лес и гуляли там долго-долго, словно не думали ни о чём, кроме своей прогулки.

И вот настал понедельник. Они снова отправились в Тирилтопен: мама — работать с Бьёрном, а Гюро — к Тюлиньке и Индивиду. Но сперва,

как обычно, Гюро пришлось немного погулять одной. В то утро у дома собралось много детей. В руках у них был мел, но они не чертили классики на тротуаре, а рисовали на стене большое сердце, пронзённое стрелой. На стреле были написаны какие-то буквы. Гюро ещё не умела читать, но один из мальчиков громко прочёл для всех:

— «Бьёрн и Эрле — жених и невеста!»

Гюро хотела поправить его и сказать, что Бьёрн и Эрле — дворники, но побоялась — мальчик был гораздо старше её.

В это время к ним подошёл Бьёрн. Он взглянул на рисунок с надписью и засмеялся.

— Ну, попали пальцем в небо! — сказал он. — Мою невесту зовут вовсе не Эрле, а Гюро. Вот она! — И он поднял Гюро высоко-высоко. — Ну-ка, озорники, сотрите побыстрее свои художества. Сейчас сюда придёт Эрле, и ещё неизвестно, как ей это понравится.

Он стоял, держа Гюро на руках, и голос его звучал очень властно.

Дети стали стирать рисунок, но это оказалось не так-то легко: мел словно прилип к стене и без мокрой тряпки не хотел стираться.

Эрле застала их за этим занятием.

– Мы тоже рисовали на стенах, когда были маленькие. Это пустое занятие, – сказала она. – Лучше поработайте немного с нами. Кто хочет убирать мусор с газонов, тому я дам целлофановый мешочек, и мы будем играть, будто вы тоже дворники.

– Нам уже пора в школу, мы вам в другой раз поможем, – сказал один большой мальчик.

– А нам никуда не пора, мы будем играть в дворников! – закричали малыши.

Они схватили целлофановые пакетики и разбежались во все стороны, словно спешили в лес собирать грибы или бруснику.

Гюро взглянула на корпус «Ц». У этого корпуса не было сейчас своего дворника, ни большого, ни маленького. Он был совершенно один, если не считать посаженных вокруг кустов и деревьев.

А потом Гюро гуляла с Тюлинькой и Индивидом, и уж будьте уверены, что Индивид постарался, чтобы у Гюро не было времени вспоминать сырой и тёмный чулан.

Вечером в пансионате Гюро и мама не могли даже играть в лото, они могли только ждать.

– Заседание правления начнётся в шесть, – сказала мама. – Бьёрн думает, что к восьми оно уже кончится.

Гюро легла, но спать ей не хотелось. Маме не сиделось на месте, она ходила взад и вперёд по комнате, изредка поглядывая в окно. Телефонный звонок был отчётливо слышен в их комнате. Он звонил много раз, но никто не стучал к ним в дверь.

И вот наконец шаги в коридоре направились прямо к их комнате. Это была хозяйка пансионата.

– Вас к телефону, – сказала она маме.

Гюро соскочила с постели, сунула ноги в тапочки и выбежала в коридор вслед за мамой.

Мама взяла трубку.

– Это звонит Нюссина мама, – шепнула она Гюро.

– Эрле, мне очень жаль, что всё так получилось, – сказала Нюссина мама. – Понимаешь ли, ты у нас была вторым кандидатом. Первым был один мужчина, он окончил курсы механиков и уже работал дворником.

К твоей кандидатуре отнеслись очень неплохо, ведь у тебя такие солидные рекомендации. Два человека из правления были за тебя, но трое настаивали, чтобы у нас работал мужчина. Из них – две женщины, они сказали, что им будет неудобно обращаться за помощью к женщине, даже если она дворник. Я старалась, как могла, но ничего не вышло.

– Что ж поделаешь, – сказала мама. – Спасибо тебе за хлопоты.

В эту ночь Гюро приснилось, будто она мечется по тёмному сырому чуланчику и никак не может найти дверь, чтобы из него выбраться.

Рано утром маме позвонил Бьёрн.

– Здравствуй, Эрле, – сказал он.

– Ты, наверно, уже всё знаешь? – спросила мама. – Сейчас мы с Гюро пойдём наниматься на то место, которое нам так не понравилось.

– Не спеши с этим, – сказал Бьёрн. – Я бы хотел, чтобы ты приехала сейчас в Тириллтопен, надо посмотреть квартиру для дворника в корпусе «Ц». Бывший дворник говорит, что она в полном порядке. Сегодня оттуда увезут последние вещи.

– Какой смысл смотреть эту квартиру, если она досталась не нам? – спросила мама. – Легче от этого не будет. Я уже придумала, как я переkraшу ту комнату.

– А ты всё-таки приезжай, – сказал Бьёрн. – Я не хотел тебе говорить, да уж ладно. Вчера здесь побывал твой соперник, тот, кому досталось это место. К счастью, с женой.

– При чём здесь жена и почему «к счастью»? – спросила мама.

– Да потому что ей не понравилась квартира, – ответил Бьёрн. – И ещё ей показалось, что в доме живёт слишком много детей. Боится шума.

– Ну и что? – спросила мама.

– А то, что он отказался от места, – сказал Бьёрн. – Как видишь, иногда есть польза и от привередливых жён!

– Бьёрн, это правда? – тихо спросила мама.

– Безусловно, – ответил Бьёрн. – Конечно, тебе сначала будет трудно, испытательный срок длится весь первый год. Но постепенно всё наладится и пойдёт само собой. Так я жду вас, до свидания!

Мама будто окаменела, она стояла с закрытыми глазами и не шевелилась. Наконец она открыла глаза и посмотрела на Гюро, словно с трудом

узнала её. Потом, схватив Гюро на руки, она побежала с ней по коридору. На маме были тяжёлые уличные туфли на толстой подошве, и Гюро испугалась:

– Тише, мама! – попросила она. – Ведь подумают, что это я.

– А это не ты, а я! – засмеялась мама и, не заметив хозяйку пансионата, налетела прямо на неё.

– Что случилось? У нас пожар? – воскликнула хозяйка.

– Нет! Нет! Просто мы получили квартиру и переезжаем в Тириллтопен, – сказала мама.

– Неужели вы предпочли эту новостройку солидному дому в центре города? – удивилась хозяйка. – В этих новых больших корпусах попадают всякие люди.

– Вот именно, – сказала мама. – Один такой корпус – это целый мир. Представляете себе, как интересно будет со всеми знакомиться. И не забывайте, Тириллтопен лежит значительно выше остального города, значит, там самый свежий воздух.

Она побежала дальше и теперь натолкнулась на старого Андерсена из пятого номера, который на самом деле был вовсе не такой уж и старый.

– Теперь-то тебе придётся приехать в Тириллтопен. Мы тоже туда переезжаем, – сказала ему мама.

– А я уже был там в субботу, мне захотелось провести Тюлиньку, – сказал старый Андерсен.

– Почему же ты ничего не сказал нам об этом? – удивилась мама.

– Не мог, это была секретная разведка, – ответил Андерсен. – Зато теперь я уже чуть-чуть знаю Тириллтопен и непременно приду к вам в гости.

– Нам с Гюро очень хорошо жилось здесь, но мы больше привыкли жить в деревне и потому за городом нам будет лучше, – сказала мама.

– А как же отопительная система, ты её уже освоила? – спросил старый Андерсен.

– Не совсем, – засмеялась мама. – Надо поступать на курсы. Я знаю, что мне будет нелегко, но мы всё равно рады. Подожди меня, Гюро, мне надо позвонить в два места.

Сначала мама позвонила хозяйке чуланчика и сказала, что её планы изменились. А потом она позвонила на склад в Гампетреф, где хранились

их вещи, и попросила переслать в Осло всё, что они там оставили. А оставили они много: и большую кровать, и маленькую кроватку, и шкаф, и щёточку для мытья посуды, и тарелки, и трёхколёсный велосипед, который, наверное, думал, что о нём давно забыли. И на складе маме обещали, что всё это прибудет в Осло с первым же грузовиком.

— Сегодня я буду бегать ещё быстрее, чем Индивид, — сказала Гюро.

Когда ей было весело, она всегда бегала быстрее, чем обычно, а так весело, как сегодня, ей уже давно не было. И она действительно бегала так, что ноги её почти не касались земли, а волосы развевались по ветру.

— Жеребёночек Гюро, быстрый как ветер, — сказала мама и засмеялась.

ГЮРО И РУСАЛОЧЬИ РОЗЫ

Перевод с норвежского
И. Стребловой

Вы бывали когда-нибудь в большом городе?

Тут всюду дома и дороги, большие и маленькие, а автомобилей видимо-невидимо. Есть кое-где и деревья, которым позволили тут расти в память о том, что на месте, где теперь стоит город, когда-то был лес и живая земля. Но так было очень давно. До того как люди решили, что лучше жить не на земле, а в больших городах. После этих слов ты, может быть, уже подумал, что в городе все люди живут одинаково. Но это вовсе не так. Некоторые живут в небольших домах с садом, другие в многоэтажных. Некоторые живут в невысоких длинных домах с отдельным подъездом для каждой квартиры, а другие в маленьких, на одну семью. У некоторых вообще нет дома, и им каждый день приходится искать себе новое место, где бы переночевать, а некоторые живут в гостиницах и пансионатах.

Гюро жила в пансионате. Она провела в нём уже целую зиму, потому что они с мамой приехали из посёлка, который называется Гампетреф, и в городе у них не было своего жилья. Её маму звали Эрле. Сначала мама собиралась пойти к кому-нибудь в домработницы, чтобы им с Гюро было где жить. Но потом мама подумала, что умеет делать много чего ещё и могла бы заняться такой работой, которая ей больше нравилась. Эрле любила столярничать, красить стены в квартире, она любила водить трактор, быть на свежем воздухе и ухаживать за деревьями и кустами. И она решила, что неплохо бы ей устроиться дворником.

И тут всё совпало очень удачно. Дело в том, что Эрле и Гюро подружались в пансионате с Тюлинькой. Тюлинька давно приехала в город, тридцать лет она прожила в пансионате, а теперь получила маленькую квартирку в Тириллтопене на одиннадцатом этаже большого многоквартирного дома. И вот, когда она переехала, соседи узнали Гюро и её маму, а главное, их узнал дворник, который работал в этом корпусе, и он согласился, чтобы Эрле поучилась у него дворницкой работе.

Он работал дворником в корпусе «Ю», а в скором времени в корпусе «Ц» вдруг освободилось место дворника, и Эрле очень хотела получить эту работу. Что оказалось не так-то легко. Многие считали, раз она не мужчина, то не справится. И хотя некоторые члены правления знали, что Эрле всё умеет делать, другие всё равно говорили: «Чтобы у нас была дворником женщина? Да никогда в жизни!»

И Эрле не приняли на эту работу, по крайней мере, с первой попытки ничего не вышло. На место дворника взяли мужчину, и в этом не было ничего удивительного, потому что он раньше уже работал дворником в другом доме и наверняка хорошо знал, как устроена котельная и всё такое прочее.

Но и тут не обошлось без счастливой случайности: жене человека, которого брали на это место, не понравилась квартира в корпусе «Ц», которую давали дворнику. Хорошо, что эта тётя оказалась такой привередливой, потому что теперь эту работу предложили Эрле. Но пока она ещё не приступала к работе. Квартира дворника должна была освободиться через два дня, и только через два дня Эрле и Гюро могли туда переехать.

И вот как бывает странно! Гюро очень хотелось жить в Тириллтопене, ведь она к нему уже привыкла. Пока Эрле училась дворницкой работе,

Гюро каждый день туда ездила. Она проводила время дома у Тюлиньки, а несколько раз даже гуляла одна перед корпусом «Ю». И перед самым отъездом из пансионата она вдруг поняла, что чувствует себя тут как дома.

Все стали дружелюбными, и никто уже не говорил, что не надо бы тут детей. Хозяйка стала запросто заходить к ним в комнату, чтобы угостить вкусненькими бутербродами, а толстая тётя на кухне сказала, что Гюро, если хочет, может смотреть, как она готовит обед в огромных кастрюлях. А старик Андерсен, про которого Тюлинька говорила, что он не такой уж и старый, тот даже сказал, что ему будет грустно, когда они уедут, потому что приезд Гюро и Эрле внёс в здешнюю жизнь какое-то разнообразие. По утрам он прислушивается к лёгким шажкам Гюро, а когда они с мамой уходят, всегда провожает их, глядя вслед из окна, и потом ждёт, когда они вечером вернутся. Жаль, Гюро этого раньше не знала, а то бы она каждый день махала ему рукой!

Старик Андерсен даже подарил Гюро кораблик. Он сам вырезал его из дерева и сшил паруса, чтобы всё было по-настоящему. Он научил Гюро, как ставить паруса, и сказал, чтобы, когда поднимется сильный ветер, она оставляла только передний – он называл его фоком, – иначе кораблик перевернётся. Гюро сразу опробовала кораблик, потому что мама как раз на этот день была записана в очередь на ванную комнату. В пансионате была всего одна ванная, и, чтобы помыться, полагалось внести отдельную плату и заранее записаться в очередь.

Ванна была большая-пребольшая. Старинная, сказала мама. Не сразу и залезешь, до того высокие края. Но уж зато как сядешь в неё, то просто замечательно – точно ты окунулась в озеро, волны так и гуляют по воде, и кораблик знай себе качается вверх и вниз.

Гюро и маме дала поиграть с корабликом, когда та после неё залезла в ванну. А Гюро сидела рядом на стуле, укутанная с головы до ног в большое полотенце. Волосы у неё были все мокрые, и это было очень весело, потому что капли текли, как будто тоже были пływучие. Иногда они плыли у неё по щекам, а несколько раз доплывали до кончика носа и плюхались оттуда на полотенце.

– В Тирилтопене у нас тоже будет ванна, – сказала мама, – только не такая большущая, как здесь. Представляешь себе, Гюро, – мы будем

принимать ванну когда вздумается! И не нужно будет никому заранее об этом сообщать.

— Мы можем сообщать друг другу, — сказала Гюро.

Она сидела рядом и смотрела на ванну, ей очень понравилось, что она такая большая, даже жалко было с ней расставаться. Мама кончила мыться, оделась и помыла за собой ванну. А Гюро как была, так и прошла из ванной через весь длинный пансионатский коридор, закутанная в полотенце. На ногах у неё были тапочки, поэтому она шла не шагом, а пробежала весь путь бегом, потому что не поднимала топота, а полотенце развевалось у неё за спиной, словно парус. Гюро неслась как корабль в бурю под большим парусом и не перевернулась.

Потом она сидела на маленьком диванчике, который ночью играл, как будто он не диван, а кровать. Если б было можно, Гюро забрала его с собой, потому что они с диванчиком очень подружились. Её куколки, Вальдемар и Кристина, наверно, тоже будут сильно скучать по диванчику.

Наступило утро, и до переезда оставался всего один денёк, мама принялась укладывать вещи в чемоданы, а Гюро несколько раз перебрала свой рюкзачок, чтобы уж наверняка ничего не забыть. Вальдемар и Кристина были уложены вместе с фонариком, трактором и лошадкой, а кораблик Гюро решила нести в руке, потому что боялась, как бы в мешке нечаянно не поломалась мачта.

В комнату зашла хозяйка пансионата, но не для того, чтобы о чём-то предупредить, и вообще ни по какому делу. Она вошла и завела разговор о том о сём, а потом вдруг сказала:

– Знаете, мне и самой жаль, что вы от нас уезжаете. Но вы же понимаете, какое нелёгкое у меня положение, когда приходится говорить другим постояльцам, что у нас не разрешается жить с детьми.

Потом она стала говорить что-то там про ненастную погоду, а затем ушла.

– Можно подумать, что она полюбила нас только за то, что теперь мы уезжаем, – сказала Гюро.

– Не знаю, – сказала мама. – Мне кажется, так часто бывает с людьми. Иногда встречаешься с кем-то изо дня в день и, только когда узнаешь, что больше вы не увидите, вдруг понимаешь, что вы могли бы стать очень хорошими знакомыми и полюбить друг друга, и тогда тебе становится немножко грустно.

– Я люблю стенку там, в коридоре, и диван-кровать, и окошко, потому что из него так хорошо смотреть на улицу, и ванну люблю, и немножечко люблю твою большую кровать.

– Знаешь что? – спросила мама. – Давай-ка мы с тобой попробуем нарисовать эту комнату или ещё что-нибудь на память о пансионате, чтобы потом вспоминать, как мы жили в первые месяцы после того, как переехали в город.

– И ты тоже нарисуешь? – спросила Гюро.

– А как же! Хотя я и не больно мастерица рисовать. Только давай не будем говорить друг другу, кто что рисует, а потом посмотрим, у кого какая получилась картинка.

Гюро уже точно знала, что она нарисует на своей картинке. Она нарисует диван-кровать, а на нём Кристину и Вальдемара, и окно на улицу с людьми на тротуаре и машинами на мостовой, и старика Андерсена, как он сидит с длинной трубкой во рту, и маму на стремянке, когда она исправляет лампочку, чтобы та засветилась, и большую мамину кровать, когда они втроём, Гюро, Тюлинька и мама, играют в «Чёрного Петера», и стол, потому что на столе стоит папина фотография.

Мама нарисовала дверь. Рифленую такую дверь, а перед дверью стоят как будто Гюро и мама. За спиной у них рюкзаки, а у мамы в обеих руках по чемодану.

– Это – как мы будем выглядеть завтра, – сказала мама.

Рисунок у мамы не очень хорошо получился, и она была не особенно довольна.

Она только вздохнула:

– Хотела бы я рисовать как папа. Только куда уж мне до него! Помнишь, Гюро, его картины? Вот к какому делу у него лежала душа. Ему бы быть художником или играть на скрипке. Но он боялся, что на это не проживёшь. Он думал о нас с тобой, Гюро, и поэтому занялся торговлей вразъезд. Помнишь, он ездил с автолавкой, набитой всякой одеждой. Вот так мы и купили дом в Гампетрефе. Потому что прежний жилец тоже разъезжал с автолавкой, как папа, пока не переехал в Бесбю. Но папа был не тот человек, чтобы разъезжать на машине и вести торговлю, потому что с чужими людьми он всё больше отмалчивался.

– А вот дома – нет, – сказала Гюро. – Дома он не отмалчивался, а по субботам он часто приезжал и оставался с нами.

– Угу, – согласилась мама. – Все его картины хранятся у нас на складе. Их мы развесим по стенам в нашей квартире.

– Ну, посмотри же на мою картинку, – напомнила Гюро.

– По-моему, ты пошла в папу, – сказала мама. – Как же у тебя хорошо получается!

– А скрипку мы тоже повесим на стенке? – спросила Гюро. – Папа так хорошо играл! Когда я вырасту, я тоже так буду.

– Да, – кивнула мама. – Интересно будет, чем тебе захочется заниматься больше всего, когда ты вырастешь.

Тут в дверь постучали. Это снова пришла хозяйка. На этот раз было видно, что она заглянула не просто так.

– Я подумала, может быть, вы зашли бы ко мне сегодня в гости на чашечку кофе в моё частное помещение? – предложила она. – Лучше всего часов в пять. Я знаю, что вам завтра рано вставать, так что лучше, наверное, пораньше, чтобы не засиживаться допоздна.

– Большое спасибо! Мы с удовольствием, – сказала мама.

– Только ничего не говорите другим постояльцам, – сказала хозяйка, – всех сразу я не могу к себе позвать, а на ваши-то проводы все захотят прийти. Ну, значит, договорились!

Когда хозяйка закрыла за собой дверь, мама сказала:

– Ну вот, придётся мне распаковывать оба чемодана, потому что моё нарядное платье лежит в одном, а твоё – в другом. Ну ничего, не беда! Пожалуй, Гюро, мы тогда обойдёмся без обеда, а перекусим сейчас одними бутербродами. Раз кофе, то, наверное, будут и пирожные.

– Угу, – кивнула Гюро.

Ей было сейчас не до еды. Все мысли её были о том, чтобы посидеть на диванчике и посмотреть в окно. Ведь сегодня они здесь последний день. Мама и Гюро переоделись в нарядные платья. На Гюро было светло-голубое и к нему белые чулочки и чёрные туфельки, а мама оделась в красновато-коричневое платье. Только бы не встретить никого в коридоре, ведь тогда все поймут, куда они собрались, а они обещали никому ничего не говорить, это было очень неудобно. Они шли крадучись на цыпочках, к счастью, ни одна половица не скрипнула, и они, никем не замеченные, дошли до конторского помещения, а там рядом была нужная дверь.

– Вот тут написано «Частное помещение», – сказала мама. – Значит, нам точно туда.

Здесь никто из них ни разу ещё не бывал за всё время, что они прожили в пансионате.

— Заходите поскорей, не задерживайтесь на пороге, — слышался изнутри голос.

Мама открыла дверь, и, хотя голос велел скорее заходить и не задерживаться, мама и Гюро так и застыли на пороге, потому что увидели перед собой хозяйку, но она была та и не та, а какая-то непохожая на себя. Хозяйка, которую они знали, ходила в чёрном платье, и волосы у неё всегда были гладко причёсаны и туго стянуты на затылке, а тут перед ними оказалась женщина в пышном ярком платье в цветочек с распущенными по плечам волосами, а на голове у неё сидела птичка. Это был волнистый попугайчик.

— Скорей, скорей, чтобы Софус не вылетел! — сказала женщина.

Эрле поспешила затворить дверь, а Софус тотчас же уселся на дверную ручку, словно проверяя, плотно ли она закрыта.

Всюду, куда ни повернись, было полно всяких вещей. На полках стояли стеклянные зверюшки и множество фарфоровых статуэток, стены были увешаны картинами, тарелочками и большими блюдами, а пианино было плотно заставлено фотографиями. В комнате было два накрытых столика – один побольше, другой совсем маленький. На обоих столах красовалось по кремовому тарту. На большом столе – большой, на маленьком – маленький.

– Торты домашние, – сказала хозяйка, – я сама испекла. У меня тут есть кухонная ниша, и я очень люблю готовить, так что ем у себя дома. Прошу вас, садитесь! Гюро, тебе, я подумала, удобно будет с куклами за маленьким столиком.

Два стула уже были заняты старинным мишкой и клоуном. Гюро усадила на один стул Вальдемара, на другой Кристину, а на третий уселась сама. Теперь их было за столом пятеро, но из всех пятерых по-настоящему могла есть только Гюро, и раз уж хозяйка специально для неё испекла торт, то Гюро решила, что надо постараться за всех, чтобы хозяйка видела, что гости довольны. Гюро принялась пить лимонад и закусывать тортом, она пила и ела, ела и пила, пока не почувствовала, что всё, больше уже некуда. Тут она услышала, как мама сказала:

– Торт просто замечательный, но больше я, кажется, не могу.

– Ну что вы! Скушайте ещё по кусочку, – принялась уговаривать хозяйка.

И мама, как видно, подумала то же, что и Гюро – что торт испекли в её честь, и, хотя больше, казалось, уже не могла ничего съесть, всё же взяла ещё кусочек.

Они ещё посидели, поговорили, и мама рассказала про Тириллтопен, а под конец сказала:

– Как только мы устроимся на новом месте, просим вас к себе в гости. Приходите, пожалуйста, нас навестить. А теперь нам пора прощаться. Спасибо вам за всё. Завтра нам рано вставать. Наш знакомый, который работает дворником в соседнем с нами корпусе, до начала рабочего дня заедет за нами на машине.

– Его зовут Бьёрн, – сказала Гюро. – И у него есть маленькая машина.

– Это хорошо, – сказала хозяйка. – Подождите минуточку, я пойду с вами. Мне надо заглянуть на кухню, как там дела с ужином для постояльцев.

С этими словами она скрылась в соседней комнатке, а затем вышла оттуда с приглаженными волосами и в чёрном платье, став снова такой, какой её привыкла видеть Гюро. Софуса посадили в клетку.

— Я скоро вернусь, — сказала ему хозяйка. — Но пока посиди лучше там, а то как бы ты без меня что-нибудь себе не повредил.

Очевидно, Софус ничего не имел против. Все втроем они вышли. Хозяйка направилась в большую пансионатскую кухню, а Гюро и Эрле побрели к себе по длинному коридору. Но, когда они проходили мимо комнаты номер пять, дверь в неё приоткрылась, и на пороге показался Андерсен.

— Подите сюда, — позвал он и помахал им рукой. — Зайдите ко мне! Я знаю, что завтра вам рано вставать, но время ещё не позднее, и я хотел пригласить вас на прощание на чашечку кофе. Я несколько раз ходил к вам под дверь и стучал, но вас не было дома.

— Мы ходили к хозяйке попрощаться, — сказала мама. — И мы очень сыты, — начала она объяснять, но, бросив взгляд в комнату Андерсена, увидела там накрытый стол, а посреди стола полное блюдо разных пирожных.

— Я купил всяких разных, — похвастался Андерсен, — и сам сварил на кухне кофе, потому что в таких заведениях, как это, никогда, знаете ли, не дождёшься свежесмолотого кофе. Пожалуйста, заходите и садитесь.

Эрле и Гюро переглянулись. Ни та ни другая не сказали ни слова, но Эрле поняла, что Гюро хотела сказать: «Ой, мама! Я так наелась, что еле волочу ноги, но ничего не поделаешь, надо соглашаться». А Гюро угадала, что ей сказала бы Эрле: «Ох, дочка! Я тоже совсем объелась, но было бы подло отказаться от приглашения, раз человек ходил в магазин, накупил столько вкусного и так красиво накрыл стол».

Поэтому мама с дочкой зашли в комнату и сели за стол. А пока Андерсен ходил на кухню за кофейником, мама шепнула:

— Ты не спеши, жуй помедленнее, тогда уж как-нибудь одолеешь.

Вернулся Андерсен с кофейником и бутылкой лимонада для Гюро. Они посидели за столом, поели под разговоры.

— Мне уже не терпится вас навестить, — сказал Андерсен. — Я знаю, где вы будете жить, мы с Тюлинькой там побывали и всё посмотрели, так что, если вы меня пригласите, я не заблужусь.

— Мы и сами ждём не дождёмся, — сказала мама. — И вас обязательно пригласим в гости, не сомневайтесь. А теперь нам всё-таки пора откланяться, у нас ещё много неоконченных дел, а завтра вставать в половине пятого.

— Могу себе представить, — сказал Андерсен. — Однако едоки из вас никудышные, как я вижу. Ну, ничего! Вечерком позову кого-нибудь из соседей, тогда, наверное, как-нибудь управимся с пирожными.

— Спасибо вам за доброе отношение, — сказала мама, и с этим они ушли.

Вернувшись к себе, Гюро схватила за живот, и мама сказала:

— Знаешь что, Гюро, давай-ка мы с тобой пройдемся бодрым шагом по улицам. Это единственное средство, когда ты переела, а заодно и попрощаемся с городом.

Они снова переоделись в обычное платье и припустили во всю прыть. Они промчались несколько кварталов, наталкиваясь на людей, которые также спешили, иногда обе переходили на шаг и рассматривали витрины. Под конец они заглянули в парк и пробежались бегом по дорожкам, после пробежки последствия объедаловки перестали чувствоваться, и тут им очень удачно встретился по дороге ларёк, где продавали сосиски, и Гюро вдруг почувствовала, что ей ужасно захотелось съесть сосиску.

— Возьмём-ка мы обе по сосиске, — сказала мама. — Мы же пропустили обед, поэтому ничего удивительного, что тебе после тортов и пирожных захотелось сосиски.

Они принялись за сосиски с картофельными лепешками, и Гюро вдруг ощутила, как её всю переполняет счастье: потому что они с мамой такие дружные и им так хорошо вместе!

И тут мама сказала:

— У нас с тобой всё получится и всё будет хорошо.

Войдя в дом, они тихо-тихо прошли по коридору, потому что немного боялись, что ещё кто-нибудь захочет позвать их в свою компанию. Однако этого не случилось. Они вернулись в свою комнату, и, хотя это был последний вечер, им ни чуточки не было грустно. Мама легла спать одновременно с Гюро. Она ещё почитала в кровати какую-то толстую книгу, которую ей одолжил Бьерн. Там было написано про такие вещи, как ото-

питательные форсунки и электрические щиты. Гюро распаковала сложенный рюкзачок, чтобы и лошадка, и трактор, и фонарик могли напоследок ещё раз поспать на диванчике рядом с ней и куклами Вальдемаром и Кристиной.

День переезда

Гюро привыкла рано вставать, но всё-таки не в пять утра, поэтому в тот день, когда предстояло уезжать из пансионата, она не сразу распрощалась со сном. Она немножко полежала в постели, то просыпаясь, то снова засыпая. Она увидела, как мама убирает со своей кровати постельные принадлежности. Мама сняла и аккуратно сложила пододеяльник. То же самое она проделала с простынёй и наволочкой.

— По крайней мере, никому не придётся за нами убирать, — приговаривала она.

Потом мама сходила на кухню и принесла кофейник, бутерброды и стакан молока.

— Гюро! — позвала мама. — Пора просыпаться. Позавтракать можешь в постели, а потом надо вставать. Бьёрн уже скоро приедет. Он сказал, что в такую рань не будет звонить в дверной звонок, так что нам надо собраться и встречать его внизу с чемоданами.

Гюро была не особенно голодна, но всё-таки немножко поела. Затем она, как мама, сняла пододеяльник, простыню и наволочку и аккуратно сложила стопкой. Потом мама помогла ей сложить кровать, и та снова из кровати превратилась в диванчик. С каким удовольствием Гюро забрала бы его с собой, но, к сожалению, этого нельзя было сделать.

— Ну вот, всё как будто бы и в порядке, — сказала мама.

— Я только схожу позвонить по телефону, — сказала Гюро, вспомнив слова Тюлиньки. — Тюлинька всегда так говорит, когда нужно выйти в уборную.

— Ну, беги! — сказала мама. — Когда вернёшься, мы сразу уходим.

Сегодня заходить в маленький коридорчик было не так интересно, как обычно, потому что так рано никто ещё не вставал, но всё же интерес-

но, ведь сегодня она заходила сюда в последний раз. Гюро взглянула на рулон туалетной бумаги, который висел немножко криво, на щербинку в плиточном полу, которую видела столько раз, и на гладкие, почти белые стены. Наверное, на них хорошо рисовать карандашом и красками. Если бы папа был тут, он бы уж точно разрисовал их картинками.

Вот было бы здорово, если бы ей разрешили порисовать на стенках! Она бы нарисовала много-много зелёной травы, ещё, может быть, домик у дороги и ещё большие дома Тирилтопена, потом ещё лес и домик, который стоит в глубине леса. Гюро придумала всё это в голове и почувствовала, как будто и правда нарисовала картинки, они встали перед ней как живые, когда она зажмурилась, а когда открыла глаза, картины исчезли и остались одни белые стены.

Тут вдруг дверная ручка опустилась до упора, это Гюро взаправду увидела. Она так и встрепенулась – интересно же, кто там стоит. Но тут послышался мамин голос: «Гюро, ты тут?» Мама спрашивала еле слышным шёпотом, потому что было ещё очень рано.

– Да, – громко ответила Гюро.

– Ты что там, заснула? – спросила мама. – Давай выходи! Нам пора идти.

– Сейчас, – ответила Гюро. – Сейчас выйду.

Она поторопилась попрощаться со всем вокруг и вышла к маме.

– Я уже гадала, что с тобой стряслось, почему ты так надолго застряла, – сказала мама.

– Я просто задумалась, – объяснила Гюро.

– Я подумала, ты там заснула.

– Чуть-чуть. А так нет – не спала.

– Твой рюкзачок остался в комнате. А чемоданы я выставила в коридор. Быстренько беги и заberi его! Я подумала, что ты захочешь попрощаться с комнатой.

В комнате было пусто и как-то странно. На столе не было папиной фотографии, а мамина кровать выглядела как будто она и не мамина, но диванчик, который на ночь становился кроватью, был таким, как всегда. Поэтому Гюро плюхнулась на него плашмя и сказала:

– Пока, диванчик-кроватька. Может быть, я ещё приеду за тобой.

Затем она взяла свой рюкзачок и шагнула было к двери, но тут вдруг её потянуло к окошку, чтобы в последний раз выглянуть на улицу и посмотреть на город, который ещё не проснулся. Оказалось, что некоторые люди и машины уже встали, так что на улице было кое-какое движение. Она и им хотела сказать «пока», но тут вдруг увидела необычную машинку. Это была машина Бьёрна. Гюро заторопилась и чуть не забыла попрощаться с комнатой. Потом она выскочила из комнаты и со всех ног помчалась к маме.

— Бьёрн уже здесь! — крикнула она на весь коридор. — Только что подъехал.

— Тсс... — шикнула на Гюро мама.

Это было последнее слово мамы в пансионате. Она сделала очень правильно, что выбрала именно его, потому что, пока они тут жили, она то и дело шикала, чтобы Гюро вела себя потише.

Гюро бегом спустилась по ступенькам, и следом за ней сошла мама. Мама не могла бежать, чемоданы были очень тяжёлые. В них лежало всё, с чем они приехали в город.

— Здравствуй, Гюро! — сказал Бьёрн. Он вышел из кабины и оглядел Гюро с головы до ног. — Тебе придётся сидеть сзади. Но сначала мы, пожалуйста, поставим туда чемоданы.

У Бьёрна был маленький грузовичок. В кабине было достаточно места, чтобы в ней могли поместиться два взрослых человека, а сзади был кузов, но по бокам и сверху он был накрыт брезентовой крышей, как фургончик. Внутри было темновато, но не так, чтобы совсем темно, потому что в задней дверце у Бьёрна было сделано небольшое оконце.

Уложив чемоданы и мамин рюкзак, он достал маленькую подушечку и сказал:

— Прошу, барышня, вот вам сиденье.

Он повернулся к маме, ожидая, наверное, что Гюро сама залезет в фургончик. Но Гюро застыла в задумчивости: кажется, она ещё что-то забыла, что-то важное. И вдруг вспомнила: надо посмотреть, не машет ли из окна старичок Андерсен. Он же сам говорил, что всегда смотрит им вслед из окна, когда они уходят из дома! Но сейчас, видно, он ещё не вставал. Гюро обвела взглядом все окна наверху. И хозяйка спала,

и женщина с кухни спала, и все жильцы ещё спали, и вдруг в одном окне как будто чуть шевельнулись занавески. Никак, одна половинка отодвинулась в сторону? Да, так и есть! Это был старичок Андерсен, он махал из окна. Гюро тоже замахала в ответ, побежала к маме и Бьёрну и сказала:

– Старичок Андерсен машет рукой. Помахайте ему тоже!

Мама запрокинула голову, улыбнулась и помахала, а Бьёрн приложил руку к козырьку, как делают на корабле матросы перед капитаном.

Мама села в кабинку, а Бьёрн отвёл Гюро к задней дверце и сказал:

– А ну-ка, посмотрим, сколько в тебе прибавилось веса за ночь?

Он поднял её высоко-высоко и помахал старичку Андерсену поднятой девочкой, а затем усадил её на чемоданы.

– Большое вам спасибо, что заехали за нами, – сказала мама. – Мы могли бы взять такси, но так гораздо спокойнее.

– Ещё чего не хватало! – сказал Бьёрн. – Плохо только, что из-за меня вам пришлось подыматься так рано, но тут уж ничего не поделаешь, нельзя же нам опаздывать к началу рабочего дня.

– Как ты там, Гюро? Надёжно сидишь? – спросил он, обернувшись назад.

– Ага, – ответила Гюро.

Хорошо, что Бьёрн её спросил – значит, её не бросили в одиночестве. Мама и Бьёрн снова заговорили между собой, а Гюро стала смотреть в оконце. Она сидела спиной к движению, и это было очень чудно – дорога убегала от неё назад. Чудно и немножечко страшно. Сзади мчались машины, словно хотели её нагнать. Один раз Бьёрн остановился на жёлтый свет, и они чуть было не наехали на фургончик. Один раз сзади оказался громадный трейлер. Гюро даже зажмурилась: а ну как если эта махина не сможет остановиться! Махина остановилась, чуть-чуть не доехав до фургончика, и давай рычать и пыхтеть прямо в нос Гюро. Вдруг ей стало немножко одиноко и бесприютно, как будто у неё вообще нет крыши над головой. Да нет же, вот она крыша в автомобиле, тут Гюро в домике! И Гюро принялась мечтать, как тогда в поезде, когда они с мамой ехали в большой город. Вот так бы ехать и ехать, далеко-далеко, много дней подряд, а она так и будет жить всё время на подушке в фургончике Бьёрна. Тут вроде бы достаточно места, чтобы полежать. При желании есть

где прикорнуть, но особенно не разляжешься. Подумаешь, какая трудность! Вот вынет Бьёрн чемоданы и мамин рюкзак и положит на крышу. Тогда для Гюро будет достаточно места, а мама и Бьёрн прекрасно могут поспать сидя в кабине.

— Ну как ты? Не вывалилась ещё на дорогу? — спросил Бьёрн.

В маленькое зеркальце ему было хорошо видно, что Гюро улеглась на пол, и он знал, что никуда она не вывалилась. Он сказал это только для того, чтобы она знала — про неё не забыли.

— Не-а, — сказала Гюро. — Я только хотела кое-что проверить, как это получится.

— Прилечь и поспать в машине — это очень здорово, — сказал Бьёрн. — Мой сынишка часто так ложится, если мы едем ночью, и спит всю дорогу.

Правда! Гюро сразу вспомнила, что ей рассказывала мама. Бьёрн раньше был женат, потом случился какой-то, как он там называется, развод, а у Бьёрна есть сын. Мальчик часто приезжает к Бьёрну погостить. Когда он гостит, они уезжают в лесную хижину в Кюлпене и живут там вдвоём совсем одни. Здорово, наверное!.. «Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен», — проговорила Гюро тихонько. Услышав это слово, она всегда вспоминала мальчика из поезда, который так забавно его повторял. Потому что он глубоко втягивал язык, и получалось так смешно, как будто у него в горле что-то булькает.

— Сегодня приедет мебельный фургон и привезёт все наши вещи, — сказала мама. — Прямо не терпится снова на них посмотреть. Когда мы уезжали из Гампетрефа, они остались в старом амбаре и так и простояли там всё время.

— Дворник, который раньше занимал вашу квартиру, навёл после себя чистоту и порядок и оставил её как новенькую, — сказал Бьёрн. — Вчера вечером я заходил туда посмотреть. Можно прямо въезжать. Только вам трудно будет приступить к работе в тот же день, как переедете.

— Честно говоря, сейчас, как дошло до дела и уже надо приступить к работе, мне стало страшновато, — сказала мама. — Что, если я не справлюсь! И тут я невольно начинаю думать о том, что ведь многие были против и не хотели брать меня в дворники, потому что я женщина.

– Не переживайте так, – сказал Бьёрн. – Все волнуются, приступая к новой работе. Я не раз это испытал на себе. Вы же знаете, что умеете менять прокладку в кранах, знаете, как отключать воду, и мы вместе назубок выучили, как устроен электрощит, где там предохранители, а с отоплением пока всё спокойно. Сейчас самое удачное время года для начала работы. Отопление отключено, а горячая вода нагревается от форсунки, вот за ней надо следить. Если у вас возникнут вопросы, вы всегда можете спросить у меня, а с работой на дворе вы справляетесь, по-моему, даже лучше моего.

– И всё равно страшно, – вздохнула мама. – Хотя это, может, пройдёт, когда примусь за дело.

– Я буду тебе помогать, – сказала Гюро.

– Ты можешь быть маленьким дворником, – сказал Бьёрн, – наводить порядок, если кто-нибудь обижает маленьких детишек. Ты им скажешь, что надо жить мирно, что, если драться и задира́ть друг друга, всем будет только хуже.

– Да, – согласилась Гюро.

Она задумалась. Корпус «Ю» был ей уже довольно знаком, ведь там жила Тюлинька, а вот корпус «Ц» не так хорошо. Тут, наверное, есть ещё много детей, которых она не знает. Одну девочку она знает – это Нюсси. Но Нюсси уже большая, гораздо старше, чем Гюро, она вон уже и в школу ходит, и вообще.

Но Гюро подумала, что ей вовсе не обязательно с кем-то говорить. У неё есть Вальдемар и Кристина, она может играть с ними перед своим парадным, а если кто-то придёт, она может уйти к себе, её квартира рядом, или может пойти к Тюлиньке.

Дорога пошла вверх, и машина довольно долго по ней поднималась, а там уже начался Тириллтопен. Вот и станция метро, Гюро и мама уже много раз из неё выходили, но из окна машины всё вокруг выглядело как-то иначе.

Сначала пошли низкие длинные здания и кое-где деревянные домики, а за ними возвышались высокие корпуса. Вон корпус «Ю», где живёт Тюлинька, а вот и «Ц», и перед ним машина остановилась.

– Я помогу вам занести в дом чемоданы, – сказал Бьёрн, – а затем мне, к сожалению, надо бежать. Мне пора забирать мусор из мусоропровода.

И вам, кстати, тоже, – сказал он маме. – В запасе у нас ещё четверть часа, так что можете не торопиться.

Он подхватил на руки Гюро и бережно поставил на землю, а затем взялся за чемоданы. Мама закинула на спину свой рюкзак и взяла за руку Гюро.

– Давай проводим друг дружку в новую квартиру, – сказала мама.

Сначала они попали в маленькую прихожую. Пол в ней был голый и стены тоже голые, но они были чистые, и пол тоже помыт.

– Вот это будет твоя комната, – сказала мама, открыв одну дверь.

Комната была пустая, в ней ничего не было. Она была не маленькая, места в ней было много.

– Может быть, ты тоже будешь в ней жить? – шёпотом спросила Гюро у мамы.

– Нет, я решила взять себе самую маленькую, – сказала мама. – Мне же только нужно место, где спать, а тебе нужна большая, ведь ты будешь там заниматься и принимать гостей и мало ли что ещё, а потом у нас ведь есть ещё общая гостиная.

В большой общей комнате было не совсем пусто, на полу в ней стоял телефон с проводом, а в стене для него была розетка.

– Смотри-ка, и телефон есть, – сказала мама. – Я даже не ожидала.

– Погодите, вы ещё не раз подумаете, что лучше бы его не было, – сказал Бьёрн. – Телефон – это, конечно, хорошо, но плохо, что он звонит иногда в самое неподходящее время.

Кроме телефона в гостиной было и ещё кое-что. В одном конце комнаты на полу стояла прислонённая к стенке небольшая картина, а в рамку была вставлена картонная карточка. Мама прочитала вслух: «Дворнику Эрле от Эви (Нюссиной мамы): Добро пожаловать!» Рядом с картиной на полу стояло ещё что-то, накрытое бумагой. Там оказались булочки и горячий кофейник.

– Какая же она добрая и внимательная! – сказала мама. – Приятно, когда тебя так тепло встречают. Вот привезут наши вещи, и тут станет совсем уютно.

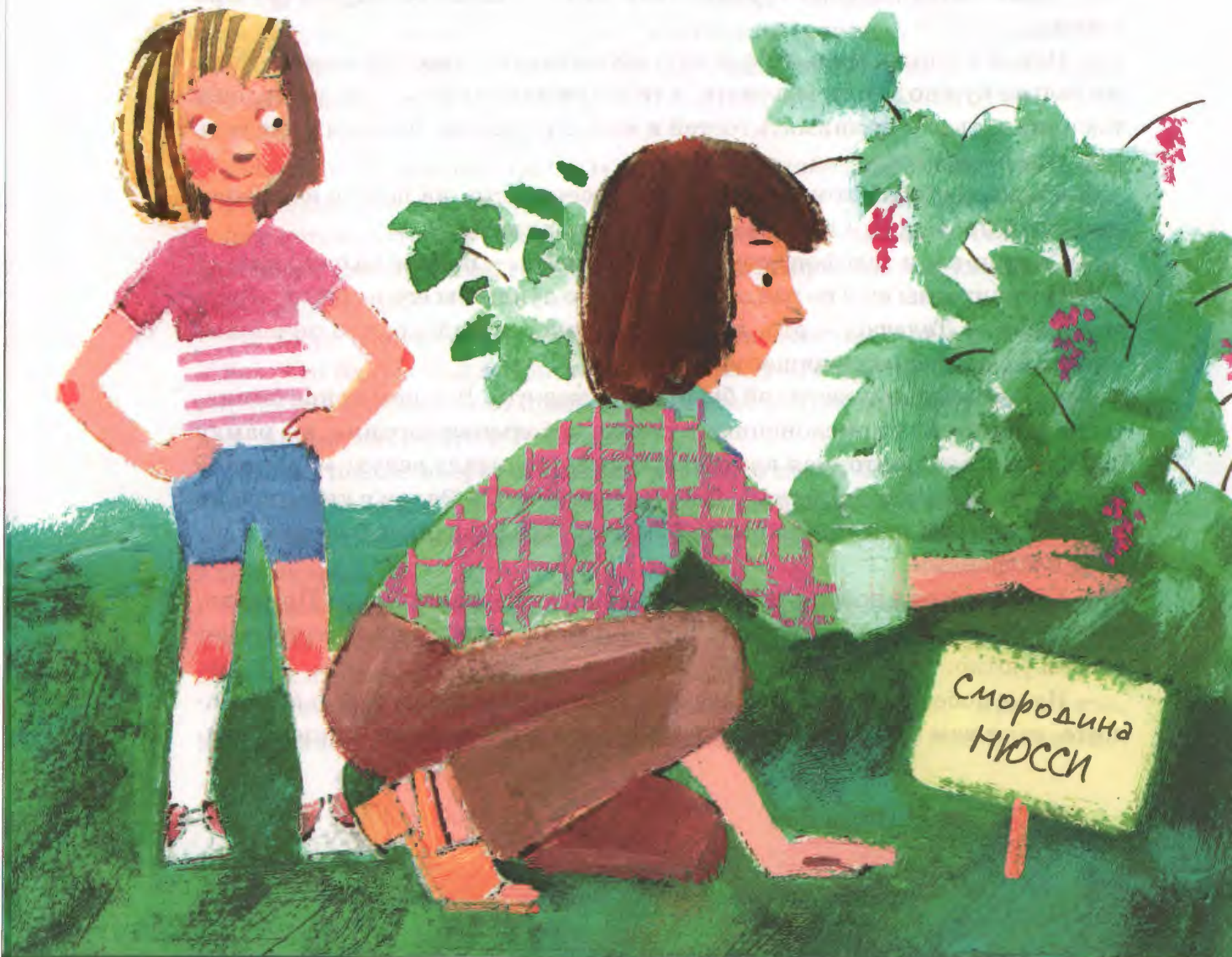
– Ну, я побежал, – сказал Бьёрн. – Желаю вам обоим счастья, и скажите, если вам что-то понадобится. Сегодня я работаю на улице, я дол-

жен устроить на дворе морковную грядку. Ребятишки из того корпуса будут мне помогать. Надо будет нам и тут что-нибудь такое придумать, вон сколько здесь прекрасных деревьев и кустов!

– Пожалуй, я первым делом окопаю деревья, – сказала мама. – А то земля вокруг уж больно позарастала. Наверное, этим я и займусь сегодня попозже. Спасибо, Бьёрн, за помощь!

– Пустяки. Не за что!

– Вот бы хорошо, если бы Бьёрн работал в нашем корпусе, – сказала Гюро. – Тогда вы бы вдвоём работали дворниками, и я бы тоже поиграла с морковной грядкой!

– Пошли, – сказала мама. – Через десять минут мне начинать работу. А сначала мы с тобой прогуляемся в садике. В такую рань кроме нас там никого, наверное, не будет, весь сад в нашем распоряжении. Бежим!

Они выбежали на лужайку, на которой росло столько деревьев и кустов. Сперва они бегали под деревьями туда и сюда, пока не запыхались, обеим стало жарко. Остановившись перед кустом смородины, мама прочитала надпись на жёлтой деревянной табличке:

– Тут написано: «Смородина Ньюси», а вот «Смородина Авроры», а тут «Яблоня Кнута», а там «Слива Кнута». У Кнута целых два дерева, а вот тут написано: «Чёрная смородина Нильса-Сократа», а тут «Яблоня Вальдемара, сорт “гравенштейн”», а тут «Чёрная смородина Кристины».

– Ишь, – сказала Гюро, – у Вальдемара и Кристины тут уже есть деревья, а у меня нету.

– Я поговорю об этом в правлении, – сказала мама. – По-моему, у каждого ребёнка из этого корпуса есть здесь своё деревце или куст.

– Мне бы лучше деревце.

– Не горюй. Думаю, с этим всё наладится. А теперь мне уж точно пора приниматься за мусоропровод. Заскочу только на минутку домой переодеться.

Гюро пошла с мамой. Она смотрела, как мама раскрыла большой чемодан. Сверху в нём лежал чистый мамин комбинезон и платочек, чтобы повязать голову. Под ними лежал папин портрет. Гюро его сразу заметила.

– Гюро, – сказала мама. – У меня к тебе просьба. Ты можешь побыть пока на улице? Нужно встретить мебельный фургон. Если захочешь, то можешь ждать и в квартире, только не забывай, пожалуйста, поглядывать в окно. Входную дверь я не буду запираю на замок, так чтоб ты могла выходить, когда захочешь. Только не отходи, пожалуйста, далеко от подъезда, ладно?

– Ну вот! – огорчилась Гюро.

Она собиралась пойти туда, куда пойдёт мама. Но вдруг фургон приедет без них, и грузчики не найдут ни маму, ни Гюро. Ничего не поделаешь, придётся посторожить! Но вышло так, что ей пришлось сторожить не только мебельный фургон, но этого Гюро ещё не знала. В квартире была одна штука, которая со вчерашнего вечера оставалась в полном одиночестве, и рядом не было ни души. Это был телефон.

Дзинь-гзинь-гзинь

-Тюлинька непременно зайдёт к тебе, когда встанет, – сказала мама, – а пока не скучай!

Мама ушла, а Гюро немножко посидела перед домом, но тут всё было такое чужое и незнакомое. Из подъезда понемногу стали выходить дети, но они только мимоходом поглядывали на Гюро, разговаривая между собой. Наконец вышла знакомая девочка, которую звали Нюсси.

– Привет, Гюро! Вы уже приехали? – спросила она. – Вы нашли мамины булочки и картину? Мама уже ушла, она ходит в дом престарелых, чтобы помогать там одной тётеньке.

– Нашли. Мы поедем булочек, когда мама уберёт мусор. Ты останешься тут?

– Нет. Мне надо идти, – сказала Нюсси. – Я иду в гости к учительнице на званый завтрак. Я никогда ещё не бывала на званом завтраке, но учительнице надо поспеть на поезд до двенадцати, вот она и позвала гостей пораньше. А потом я приду. Имей в виду, за домом есть песочница и детская площадка.

– Я должна сидеть тут и ждать, когда приедет мебельный фургон, – сказала Гюро.

– Ну, тогда понятно. А вон идёт Бритт-Карен. Подожди меня, Бритт-Карен, давай пойдём вместе!

Нюсси ушла, и всё вокруг стало ещё более чужим, чем раньше. «Пойду-ка я в дом, – подумала Гюро. – Когда приедет фургон, я увижу его, если буду поглядывать в окно».

Все звуки гулко отдавались в квартире, потому что она была пустая.

– Я тут живу, – сказала Гюро.

Собственный голос громко ударил ей в уши, и Гюро подумала: здесь лучше говорить шёпотом.

– Я тут живу, – прошептала она.

Но тут ей стало ужасно одиноко, прямо как там, на улице. К счастью, она вовремя вспомнила про Вальдемара и Кристину. Она вынула их из рюкзака. Достала и лошадку, и трактор, и фонарик, подаренный папой. Папа... Гюро вспомнила про папину фотографию, которая осталась

в мамином чемодане, она лежала сверху на вещах. Чемодан не заперт на ключ, потому что мама открывала его, доставая рабочий комбинезон. Гюро быстро открыла крышку и увидела папу. Пускай папа живёт в этой комнате. Вальдемар останется в большой комнате, которую мама хотела отдать Гюро, а сама Гюро будет жить в кухне, тогда все смогут ходить друг к другу как будто в гости. Папин портрет она поставит на полу посередине комнаты. Больше-то его некуда ставить. Она установила его рядом с телефоном. Вальдемару Гюро отвела место в платяном шкафу своей комнаты, потому что Вальдемару большие комнаты не особенно нравятся, а место в платяном шкафу ему как-то больше подходит по размеру. Кристине понравилось место на подоконнике в маминой маленькой комнатке, и Гюро не стала спорить.

– Смотри в окно и следи, когда приедет мебельный фургон! – велела Гюро Кристине.

Гюро и сама выглянула во двор, но фургона нигде не было видно.

– Наверное, фургоны с утра ещё сонные и им трудно вставать, – объяснила Гюро Кристине. – Я сейчас ненадолго схожу в кухню. Потом мы будем играть в гости в папиной комнате с телефоном. А пока я наведу в доме порядок.

Она отправилась в ту комнату, про которую вспомнила только сейчас. В ванную. Вот куда нужно поставить лошадку, чтобы она могла попить, когда захочет, а ещё трактор и фонарик, вместе им будет веселее.

– Тут у тебя ванна, и раковина, и душ, – сказала она лошадке.

Она попробовала немножко отвернуть кран над раковиной. Вода оттуда как хлынет! Она била так сильно, что Гюро испугалась, а потом вода пошла горячая. Гюро поскорее завернула кран. Тогда Гюро пошла в кухню. Там тоже не было вещей, кроме шкафа и большой кухонной тумбы. Тумба была подходящая. Хотя сверху над ней висел шкаф, на неё можно было взобраться и даже лечь. Дома в Гампетрефе тумба стояла так, что Гюро могла на ней сидеть, это было очень здорово, а тут можно только лежать, а не то стукнешься о шкаф головой.

– Я скоро вернусь, – крикнула она из кухни. – Вот только полежу на кухонной тумбе. То есть, я хотела сказать, у меня тут дела.

И в тот самый момент, как она произносила эти слова, раздался звонок.

Может быть, там кто-то пришёл и звонит в дверь? Неужели это грузчики с мебелью? Гюро слезла с тумбочки и подбежала к входной двери, но там никого не оказалось. А звонок продолжал звонить, и тут Гюро догадалась, что это телефон.

Может быть, ей звонит Тюлинька? Ведь она всю жизнь проработала телефонисткой. Должно быть, она уже узнала, что у Гюро в квартире есть телефон. Тюлинька всё знает о телефонах. Гюро побежала к телефону, присела на корточки и сказала:

– Алло, Тюлинька!

– Что ещё за Тюлинька! Кто там балуется с телефоном, – сказал в трубке незнакомый голос. – Мне срочно нужно поговорить с дворником. У меня в кране прохудилась прокладка, вода так и хлещет.

– Дворника нету, – сказала Гюро. – Она убирает в мусоропроводе.

– Сейчас же позови её! – сказал голос. – Пускай придёт в квартиру 410 к Ханнесенам. Очень прошу поскорее. Сейчас же сбегай за ней! Это срочно! А то здесь всё зальёт.

– Ой, – испугалась Гюро, положила трубку на пол и кинулась бежать. Она уже знала, где находится дверь к шахте мусоропровода, она была расположена в таком же месте, что и в корпусе «Ю», а там Гюро не раз бывала с мамой и Бьёрном. Но, когда она добежала до того помещения, где мама должна была собирать мусор, она увидела, что дверь в него закрыта. Мама уже закончила там работу и ушла куда-то ещё.

– Эрле, Эрле! – стала звать Гюро. Так она приучилась звать маму, когда та была на дворницкой работе. Не «мама», а просто «Эрле». Гюро обегала все места, где росли кусты и деревья, потому что мама собиралась их окапывать. Но мамы не оказалось и там. Может быть, в котельной? Только бы и там не наткнуться на закрытую дверь! Гюро так бежала, что совсем запыхалась. Бегать она очень любила, но на этот раз ей это не принесло радости. Совсем не весело бегать, когда тебя гонит страх. Вот и котельная, и дверь в неё приоткрыта.

– Эрле! Мама! – крикнула Гюро.

Мама услышала и вышла на зов Гюро. Она только зашла в котельную, чтобы посмотреть на хранившиеся там инструменты и познакомиться с трактором.

– Что случилось? – спросила мама. – Приехал мебельный фургон?

– Прохудилась прокладка в кране, вода так и хлещет! – выпалила Гюро. – А у шахты мусоропровода тебя не было!

– Тише, тише, не волнуйся так! Отдышись и спокойно расскажи мне, что такое случилось. Ты что – вывернула кран?

– Да нет же! Это телефон! Я думала, это Тюлинька, а она говорит, не балуйся, и послала меня за тобой, у неё вода льётся и льётся, её скоро совсем зальёт, так что надо скорей!

– А кто зовёт-то? – спросила мама.

– Женщина из четыреста... а дальше я не помню, – сказала Гюро. – Но телефон лежит на полу. Может быть, она тебе сама скажет.

Мама только охнула, и они побежали домой. Мама увидела, что телефонная трубка не повешена, а лежит на полу. Она взяла её и сказала «Алло». Но там не отвечали.

– Что же мне делать? – сказала мама. – Знаю! Я отключу воду во всём доме. Это первое, что нужно сделать. Поможешь мне, Гюро?

– Пойти с тобой?

– Нет. Лучшая помощь для меня будет, если ты останешься здесь у телефона, и, если он позвонит, ты только скажи, что я пошла отключать воду. А потом попроси повторить, какой тебе сказали номер квартиры, и постарайся его запомнить. Мы должны справиться с этим вдвоём, Гюро. Ты же понимаешь, я сегодня первый день на работе, так что мне очень нужна твоя помощь.

– Да, – кивнула Гюро.

Она только шмыгнула носом и послушно уселась на пол между телефоном и папиным портретом. Мама ушла, и она осталась одна. «Только бы он не звонил! Только бы не звонил! – подумала Гюро. И тут же раздался звонок. На этот раз Гюро не стала говорить «Алло, Тюлинька». Она сказала:

– Мама пошла отключать воду. Какой был номер квартиры?

– Что это ты, деточка, такое говоришь, ты же знаешь, где я живу.

– Нет, я забыла, – сказала Гюро.

– Вот так-так! Неужели ты меня не узнала? Это же я, Тюлинька! И добро пожаловать тебе в Тирилтопен! Неужели ты так долго разговаривала по телефону? У тебя всё время было занято.

Пришлось Гюро рассказать всё по порядку. Узнав, что случилось, Тюлинька сказала:

— Понимаешь, я звоню не из дома. Я сейчас в парикмахерской. Одна женщина позвонила, что не успеет к назначенному времени, и мне предложили прийти вместо неё, но, как только освобожусь, я — сразу к тебе. А теперь клади скорее трубку на место.

— Хорошо, — сказала Гюро.

Только бы никто не позвонил, пока не пришла Тюлинька! «Не звони... не звони...» — уговаривала Гюро телефон, но телефон её не послушал. Он тут же затрезвонил, и Гюро сняла трубку.

— У нас совсем пропала вода в кране, — начал голос, которого Гюро раньше не слышала. — Это что — авария? Новый дворник пришёл на работу? Никогда ещё не было такого безобразия! Только я собралась варить кофе, а тут — здрасте вам — в кране ни капли воды!

— Эрле отключила воду, — сказала Гюро. — Она скоро придёт.

Гюро положила трубку, и — надо же! — снова трезвон. На этот раз в трубке раздался мужской голос:

— Что там — отключили воду? Я стал под душ, и вдруг вода кончилась.

— Она скоро пойдёт, — сказала Гюро.

Она уже не знала, что и сказать. Хоть бы Тюлинька поскорее приходила, или Бьёрн, или мама.

И снова звонок:

— Здравствуйте! Это новый дворник? — заговорил новый голос, на этот раз не сердитый и не такой требовательный.

— Да, — ответила Гюро. — Я только помогаю Эрле. Её сейчас здесь нет. Она, наверное, скоро придёт.

— Ага, — сказал голос. — Может быть, попросишь её зайти ко мне и посмотреть, что там с моим окошком? Никак не закрывается. Стряслось что-то.

— Ой! Оно что — выпало?

— Нет, нет, раму заклинило. Да что я говорю с ребёнком! Просто передай: это квартира шестьсот тринадцать.

— Шестьсот тринадцать, шестьсот тринадцать, — повторила Гюро. На этот раз она запомнит.

Тут пришла мама.

— Привет, — сказала она. — Ну что? Звонила эта женщина?

— Нет, — помотала головой Гюро. — Но звонило много людей, и все спрашивали, правда ли отключили воду. И ещё звонила тётя из шестьсот тринадцатой квартиры. У неё рама стряхнулась и выпала, теперь окно не закрывается. Но это не та тётя, которая звонила первая. А потом позвонила Тюлинька, она в парикмахерской и скоро придёт, как только освободится.

— Вот это хорошо, — сказала мама. — Ты точно уверена, что первая женщина назвала номер четыреста с чем-то?

— Да, — сказала Гюро, — а дальше я не запомнила.

— Значит, придётся обойти все квартиры на четвертом этаже, — сказала мама. — Я захватила с собой прокладки и инструменты. Не огорчайся Гюро. Ты просто молодец и очень хорошая помощница. Пожалуйста, не волнуйся. Скоро и Тюлинька придёт, вот увидишь! Хорошо, что вдобавок ко всему не приехал ещё и мебельный фургон.

— Я пойду на улицу, — сказала Гюро и объяснила: чтобы сторожить фургон.

В каком-то смысле она сказала правду, но главной причиной был телефон. Гюро не хотела больше оставаться наедине с ним. Ни за какие коврики.

— И вам тоже не надо, — сказала она Вальдемару и Кристине. — Не будем мы сторожить телефон, лучше посторожим мебельный фургон.

Вальдемар и Кристина с ней согласились, потому что совсем невесело сидеть поодиночке по своим комнатам в новой квартире, где вообще нечем заняться.

— Мы посидим на травке, — сказала Гюро, — и будем смотреть во все глаза. Будем сторожить, когда покажется мебельный фургон и Тюлинька. Как вы думаете, кто появится раньше?

Вальдемар думал, что мебельный фургон, Кристина — что Тюлинька, а Гюро про себя назвала автомобиль с мебелью возивом, потому что он где-то возится и возится и никак не едет.

— Вон едет автомобиль, — сказала Гюро.

Но это был не мебельный фургон, а машина, которая возит продукты, и он был доверху набит ящиками. Из машины вышел человек, достал ящик с молочными пакетами и бутылками лимонада и разной другой едой и скрылся в парадном.

— Эта машина развозит не мебель, а еду, — сказала Гюро. — Хоть бы он поскорее уехал, а то помешает подъехать мебельному фургону.

Пока Гюро сидела во дворе, Эрле обходила квартиры четвертого этажа, звоня в каждую дверь. В первой квартире ей открыла женщина. Эрле сказала:

— Я новый дворник и хотела только спросить, не у вас ли сломался водопроводный кран и требуется заменить прокладки?

— Нет, — ответила женщина, — не у нас. Но вы входите. Один кран у меня вызывает сомнения. Это в ванной. Он почему-то сам открывается.

— Это я починю попозже, — сказала Эрле. — Сначала мне нужно туда, где чуть не залило квартиру.

— Хорошо, — сказала хозяйка квартиры. — Только уж не забудьте про меня.

— Не забуду, — пообещала Эрле.

Она позвонила в следующую дверь, и там ей открыла девочка.

— С добрым утром, — сказала Эрле. — Меня зовут Эрле, и я ваш новый дворник. Есть дома кто-нибудь из взрослых?

— Нет. Мама на работе, а у меня простуда и высокая температура. Сейчас лето, а я должна лежать в кровати.

— Вот бедняжка! — пожалела девочку Эрле. — Это и правда обидно. Но ничего! Мама скоро придёт, вот увидишь.

— Она придёт в шесть часов, — сказала девочка. — Хочешь посмотреть на моего мишку?

— Я бы с удовольствием, но мне надо идти, меня вызвали в одну квартиру. Я постараюсь заглянуть к тебе попозже. А теперь беги в кроватку.

— Как жаль, что ты не можешь зайти сейчас, — сказала девочка. — Одной так скучно. Мама сказала, чтобы я никому не открывала, если будут звонить, а я вот открыла.

— Когда я снова приду, я дам три коротких звонка, чтобы ты знала, что это я.

За следующей дверью, куда позвонила Эрле, никого не было дома, а ещё следующую дверь ей открыла женщина.

— Я уж думала, вы вообще не придёте, — сказала она. — Прежний дворник в таких случаях всегда приходил сразу.

— Меня не было дома, когда вы позвонили, — объяснила Эрле. — Но я уже перекрыла воду.

— Да, это вы сделали очень хорошо, — сказала хозяйка квартиры. — А то я бы совсем пропала. В ванной весь пол был залит водой, я даже перепугалась.

— Ваш звонок приняла моя дочурка. Она, кажется, вообще первый раз в жизни отвечала на телефонный звонок. Она молодец: сразу побежала за мной, разыскала, но вот номер квартиры забыла, запомнила только этаж, и мне пришлось сначала обойти несколько квартир.

— Понятно. Во всяком случае, я рада, что вы пришли. Как вы думаете, вы сумеете это поправить?

— Сумею. Я уже много раз это делала. Я уже работала с дворником корпуса «Ю» и как следует всему научилась.

Эрле разобрала кран, поменяла прокладку и снова поставила его на место. Она выполнила работу быстро и аккуратно, а женщина стояла рядом и смотрела.

— А вы действительно справились, — сказала она. — У вас всё очень ловко получилось. Я расскажу это всем остальным. Тут многие не верили, что вы достаточно разбираетесь в таких вещах.

– Подождём немного, пройдёт какое-то время, тогда и увидим, как у меня идут дела с хозяйством корпуса. А теперь я пошла включать воду. Многие, наверное, ждут не дождутся, когда я это сделаю.

– Привет, Гюро, – окликнула она во дворе дочку. – Всё сидишь тут и ждёшь, а мебельного фургона нет как нет?

– Фургон не едет, и Тюлинька никак не идёт, – сказала Гюро. – Но Кристина думает, что она придёт первая.

– Ладно, – сказала мама, – я бегу включать воду.

И она побежала дальше. Но тут Гюро услышала ворчание мотора, ворчание было как от большого грузовика. Интересно, свернёт он к этому корпусу или к какому-нибудь из соседних? Окажется это фургон, которого ждёт Гюро, или какой-то другой?

Большой мебельный фургон и маленький мальчик

В тот же момент, как Гюро услышала ворчание мотора, произошло кое-что ещё: к дому подошли девочки, ходившие на званый завтрак к учительнице, – Нюсси и Бритт-Карен.

– Неужели ты всё ещё тут сидишь? – удивилась Нюсси, которая, наверное, думала, что Гюро так и просидела всё время, не сходя с места. Нюсси ведь не могла знать, что Гюро побывала почти настоящим дворником, дежурила на телефоне и принимала сообщения о прохудившихся прокладках в водопроводных кранах, из-за которых чуть не случилось наводнение!

– Что, твой фургон ещё не приехал? – спросила Нюсси.

– Вон он, – сказала Гюро.

Она смотрела во все глаза в ту сторону, откуда приближался автомобиль. Машина была такая большая, что это уж наверняка был мебельный фургон. Он повернул к корпусу «Ц» и остановился возле подъезда. Гюро бросилась к фургону, чтобы крикнуть водителю, что они к ней, но до кабины было так высоко, что и не докричишься.

Но водитель и сам вышел, а с ним вместе ещё двое мужчин. Они спрыгнули на землю и немного расправили спины, уставшие, наверно, от долгого сидения в машине.

Гюро подошла к ним и показала рукой:

– Мы живём тут, на первом этаже.

– Понятно, девочка, – сказал водитель. – Жаль, но раз ты на первом, то нам не к тебе. К тебе было бы куда легче.

– Как не ко мне! Вы же приехали из Гампетрефа?!

– Нет, мы не оттуда. Из Гампетрефа сюда рукой подать, а мы вон какую длинную дорогу отмахали.

И тут позади большого фургона началось какое-то движение. Гюро не сразу заметила, что там делается, и только сейчас разглядела. Она увидела там маленький голубой автомобильчик с красными крыльями, и тут Нюсси и Бритт-Карен словно забыли о Гюро. Обе сорвались с места и бегом кинулись к маленькому автомобильчику с криками:

– Приехали! Они приехали!

Из маленького голубого автомобильчика первым вышел мужчина, и Нюсси сразу повисла у него на шее. Он сказал:

– Как же приятно, что ты нас встречаешь, Нюсси!

Затем вылезла девочка и тоже воскликнула что-то, а затем Нюсси, и Бритт-Карен, и эта девочка встали и только молча таращились друг на друга, а затем вылез маленький мальчик с большущей куклой. Такой огромной и такой удивительной куклы Гюро не видала ещё никогда в жизни. Это была тряпичная кукла, только похожа она была не на девочку, а на взрослого дяденьку. У него были чёрные волосы, голубые глаза и красный, как свёкла, нос, на нём была странная курточка, голубая, отороченная красной каймой, а на ногах у него были жёлтые башмаки с чёрными помпонами и розовые носки. На голове сидела клетчатая кепка. Ростом он был, кажется, по пояс мальчику, который держал его в руках.

Последней из машины вылезла женщина с такой грудой одеял и свёртков, что её за ними почти не было видно.

– Пошли, Нильс. Сейчас мы домой, на девятый этаж.

– Почему вы сказали «Нильс»? – удивилась Нюсси. – Какой же он Нильс! Его ведь зовут Сократ.

– Теперь мы зовём его Нильс, – сказала девочка, такая же большая, как Нюсси. – Иногда мы говорим «Нильс-Сократ», но мама сказала, что через два года ему идти в школу и лучше, если там он будет просто Нильсом.

– Странно как-то, – сказала Нюсси. – Раньше мы всегда звали его Сократом. А тебя тоже теперь зовут по-другому?

– Нет, меня зовут так, как звали.

Гюро стало очень интересно – как же зовут эту девочку, и очень скоро она это узнала. Женщина сказала девочке:

– Аврора, возьми Нильса за руку, и пойдём все наверх.

Но это было не так-то легко сделать. Мальчик, которого звали Нильсом и Сократом, всё время куда-то бежал, уворачивался, когда его хотели поймать, и кричал:

– Там моя смаро-о-ода. Я хочу показать Чучеле мою смаро-о-оду!

С этим воплем мальчик со своим удивительным кукольным дружкой скрылся среди кустов и деревьев, которые росли на лужайке перед корпусом «Ц».

– Пусть побеждает, – сказал мужчина. – Он так ждал этого момента, чтобы показать Чучелу всё, что тут есть. А мы пока поднимемся наверх по первому заходу и подкрепимся вместе с грузчиками завтраком. Аврора, возьми, пожалуйста, корзинки с провизией, а ты, Нюсси, забери рюкзачок Сократа, то есть Нильса, а Бритт-Карен может взять этот мешочек. Хорошо, когда много помощников, – раз, два, и все дела переделаны!

Даже странно, до чего стало тихо, когда все ушли.

– А первым приехал мебельный фургон, – сказал Вальдемар.

– Да ведь не наш, – возразила Гюро.

И вдруг она обернулась в сторону кустов и деревьев. Откуда ни возьмись набежало много детей, больших и маленьких, все что-то выкрикивали, и тут Гюро увидела маленького мальчика, которого звали Нильс. Только что он был такой радостный и приветливый, водил своего кукольного приятеля от дерева к дереву, показывал ему каждый куст, а между тем дети обступали его, подходили всё ближе и ближе, и в конце концов окружили его с диковинной куклой тесным кольцом. И тут Гюро разобрала, что они выкрикивают, и голоса у них были недобрые:

— Гляньте-ка — мальчишка, а в куклы играет! Как там куклу-то звать? Это ж Чучело! А ну-ка, дай посмотреть!

Гюро увидела, как мальчик прижимает к себе куклу, а дети стараются вырвать её у него из рук. И тут в ней словно что-то всколыхнулось. Гюро вдруг стала твёрдой и решительной. Что говорил Бьёрн? Что она может стать маленьким дворником и следить, чтобы дети вели себя мирно друг с другом, а тут вон что делается!

Гюро бегом бросилась к мальчику, она бежала во весь опор. С Вальдемаром и Кристиной под мышкой она влетела в самую гущу столпившихся детей и крикнула:

— Не приставайте к мальчику! Он только что приехал.

– А ты кто такая? – спросил один из детей.

– Я – новый дворник и смотрю за порядком, – сказала Гюро.

Она подошла к маленькому мальчику, выдернула его из обступившего круга и недолго думая накинулась на обидчиков, которые не хотели его отпускать. Одного она сбила с ног.

– Пошли! – только бросила она мальчику, и он послушно побежал за ней.

Ростом он был не больше Гюро, да ещё ему приходилось нести Чучело, но он пустился бегом и не отставал от Гюро.

– Мы пойдём ко мне, – сказала Гюро.

На всём бегу они влетели в подъезд. К счастью, дверь в квартиру не была заперта, но, забежав домой, Гюро закрыла дверь на замок.

– Ну вот, мы от них спрятались. Тут они не достанут тебя. И меня тоже.

Но мальчик всё не мог успокоиться. Обегав все комнаты, он сказал:

– Давай спрячемся в платяной шкаф.

– Там уже жил Вальдемар, – сказала Гюро. – Так что и нам будет хорошо.

– Вальдема-а-ар, – повторил мальчик. – А Кристина-та тоже тут?

– Да, – сказала Гюро. – Ты разве знаешь, как их зовут?

– Как не знать! Вальдема-а-ар и Кристина – малышня.

– Ну да. Они гораздо меньше, чем Чучело, – согласилась Гюро.

– Я про настоящих Вальдема-а-ара и Кристину, – сказал мальчик.

– А тебя зовут Нильс.

– А тебя, что ли, никак?

– Тоже мне скажешь! Меня зовут Гюро. А мою маму зовут Эрле.

– Мою маму зовут Мари, – сказал Нильс, – а папу Эдвард. А твоего папу как звать?

– Эрлинг, но он уже умер.

– Умер? – испугался Нильс. – И ты даже не плачешь?

– Я много-много раз плакала. А теперь перестала. У меня есть его фотография. Хочешь, покажу?

Нильс кивнул.

Гюро сбегала в пустую гостиную, взяла папин портрет и вернулась с ним в шкаф.

– Теперь мы тут как будто все вместе: ты, я, Чучело, Вальдемар и Кристина, и папа, – сказала Гюро. – Вот мы и не плачем.

– Чё плакать-то, – подтвердил Нильс. – А чё у тебя кровати, что ли, нету?

– Её привезёт мебельный фургон, – сказала Гюро и только тут спохватилась, что и думать о нём забыла. Что, если он приедет, а она сидит в шкафу!

И тут раздался звонок в дверь. Это точно был не телефон, телефон звонил совсем по-другому.

– А мы не откроем, – сказал Нильс, весело посмотрев на Гюро.

– Я только послушаю, кто там пришёл.

– Гюро! – слышался голос из-за двери. – Это я, Нюсси. Сократ у тебя?

– Не-а! Здесь только Нильс.

– Мама и папа очень беспокоятся, куда он пропал. Мы нигде не можем его найти. Впусти меня, Гюро!

– Впустить? – спросила Гюро у Нильса.

– А Аврора-та тоже пришла? – спросил Нильс.

– Аврора тоже пришла? – повторила под дверью Гюро.

– Пришла, – сказала Нюсси. – А вот подошла твоя мама, она с ключом. Эрле открыла ключом дверь. Вид у неё был перепуганный.

– Что это ты вдруг заперлась с этим мальчиком? – спросила мама. – Ты забыла, что должна была сторожить фургон?

Гюро взглянула на маму. Лицо у неё было строгое, она же ещё ничего не знала.

Но тут Нильс всё объяснил:

– Гюро-та меня защитила, – сказал он. – Спрятала меня и Чучело.

– Пойдём, тебе давно пора домой, – сказала девочка, которую звали Аврора. – А то вон Чучело ещё даже не видел нашу квартиру.

– И правда, – согласился Нильс.

Он уже собрался было идти, но вдруг повернул назад.

– Пускай Гюро пойдёт с нами.

– Хорошо, но не сейчас, – сказала Эрле. – Нам пора поесть и нужно кое о чём поговорить. Но вы же теперь живёте в одном доме, так что приходи к нам, если хочешь, завтра. Надеюсь, что мы к тому времени всё наладим, а сегодня выдался уж очень хлопотный день.

– Лады-ы-ы, – согласился Нильс.

– Почему это Сократ говорит, как на севере, а ты нет, – спросила Нюсси Аврору.

– Я тоже так могу, – сказала Аврора. – Я могу и по-северному и по-здешнему, и нам даже нравится, что Сократ, то есть я хотела сказать Нильс, разговаривает по-тамошнему – это как частичка Фабельвика.

– А ты не хотела оттуда уезжать? – спросила Нюсси.

– Не скажу чтобы мне очень хотелось, – ответила Аврора. – У нас там было так хорошо! Но мне и здесь нравится, потому что здесь есть ты. Может быть, мы с тобой попадём в один класс.

– Угу, – кивнула Нюсси. – Ну, мы пошли.

– Пока, Гюро! – сказал Нильс и ушёл.

– Я не успела купить молока, – сказала мама, когда все ушли. – Мама Нюсси оставила тут кофе, но ты же его не можешь пить.

– Могу и води-и-ички попить, – сказала Гюро, – и потом есть же булочки.

– Что это? И ты вдруг заговорила по-северному? – улыбнулась мама.

– Я только попробовала поговорить, как Нильс.

– А теперь, может, ты мне расскажешь всё как было?

И Гюро всё ей рассказала. Когда Гюро кончила свой рассказ, мама сказала:

– Я-то тебя бранила! А ты, оказывается, весь день была просто молодчина.

Тут зазвонил телефон, но сейчас Гюро не испугалась, потому что ведь рядом была мама.

Гюро присела на корточки возле мамы. Голос в телефоне был такой громкий и сердитый, что Гюро слышала каждое слово, хотя не держала трубку возле уха.

– Научили бы вы, голубушка, свою девочку вести себя по-человечески, – говорила трубка. – Она ударила моего мальчика, он упал на траву, у него все штаны зелёные!

– Моя дочка побила мальчика? – в ужасе переспросила мама. – А сколько ему лет? Восемь? Послушайте, дорогая, моей Гюро ещё только пять, а ваш сын вместе с другими ребятами обижал маленького мальчу-

гана из семьи, которая только сегодня въехала. Она всего лишь помогла ему убежать от ребят. И вообще она у меня спокойная девочка, так что не стала бы нападать без причины, но я конечно же скажу ей, что нельзя драться с большими мальчиками. Спасибо, что позвонили.

Эрле положила трубку и только покачала головой. Они немного поели и за едой ни о чём не разговаривали, потому что обе ужасно устали, а первый день принёс много неожиданностей. Но так бывает, и ничего тут не поделаешь: никогда нельзя знать заранее, как сложится день.

– Ой, – вскрикнула вдруг мама. – Я же совсем забыла про девочку.

– Какую девочку ты забыла?

– Есть тут одна девочка, она болеет и лежит одна-одинёшенька, – сказала мама. – А я обещала к ней заглянуть. Ты, наверное, устала сторожить мебельный фургон?

– Ничего, из окна я посторожу, – сказала Гюро. – Только, пожалуйста, забери с собой телефон, а то я боюсь по нему разговаривать.

– А ты просто не бери трубку, – сказала мама. – Мы подождём, пока ты привыкнешь. Я же не могу носить его с собой, когда ухожу на работу. Раз я дворник, то не могу весь день сидеть дома.

Тут зазвонил дверной звонок, это пришла Тюлинька. У Тюлиньки вся голова была украшена мелкими кудряшками. Гюро даже не сразу её узнала, а та сказала:

– Ничего, через несколько дней они перестанут так торчать. Сейчас я и сама себя не узнаю, но это пройдёт.

– Никак, собираешься выйти в свет? – спросила мама.

– Да нет! – сказала Тюлинька. – Я подумала, вот сделаю перманент, и на целый год буду с завивкой, а в субботу я приглашаю Андерсена и вас на обед. Можно я позвоню от вас по телефону? Который час, не знаете?

– Одиннадцать, – сказала мама. – Мне даже не верится, что ещё так рано. Мне показалось, что прошёл целый день. Хорошо бы, если бы ты могла побыть тут часок. Бедняжка Гюро занята важным делом, она весь день сторожит мебельный фургон. Когда он приедет, она будет свободна и может пойти с тобой куда угодно.

– Ну, конечно, – сказала Тюлинька. – Я даже рада спокойно посидеть на месте, у меня страшно устали ноги. Из Центра я всю дорогу бежала рысцой. Я там была в парикмахерской.

– Только у нас не на чем посидеть, – сказала Эрле.

– А я даже люблю сидеть на полу, – успокоила её Тюлинька.

– Ну уж нет! – сказала мама. – Я составлю вместе два чемодана, так что ты сможешь сесть на них. Ну, пока, не скучайте! Я буду заглядывать к вам, когда смогу.

– Теперь я могу сторожить машину, а ты отвечай на телефон, – обрадовалась Гюро.

Затем Гюро рассказала Тюлиньке всё, что случилось за день, начиная с того, как им из окна махал Андерсен, и кончая дамой, которая позвонила по телефону и говорила маме, чтобы она научила Гюро вести себя по-человечески. Тюлинька всё внимательно выслушала, то кивая, то качая головой.

– Как там звали мальчика, который только сегодня приехал? – спросила она под конец.

– Его звали Нильс, – сказала Гюро. – А раньше его звали Сократ, но теперь всегда зовут Нильсом. Ну, почти всегда.

– По-моему, вы подружитесь с этим малышом, – сказала Тюлинька. – Помнишь, я тебе говорила, что со временем ты встретишь девочку или мальчика, и они с тобой подружатся? Значит, тебе встретился мальчик. А теперь мне нужно позвонить Андерсену.

Сидя на чемоданах, она поставила телефон себе на колени. У Тюлиньки не было страха перед телефонами. Она набрала номер и спросила:

– Будьте добры, не могли бы вы позвать к телефону Андерсена!

Затем она сказала:

- Здравствуйте! Это говорит Тюлинька.
- Как хорошо! – сказал Андерсен.
- Хорошо? – спросила Тюлинька.
- Да. Я всё утро пытался до тебя дозвониться, но никто не брал трубку.
- Это я уходила по делам, – сказала Тюлинька.

Почему-то она не захотела сказать, что ходила в парикмахерскую. Наверное, боялась, что Андерсен тоже её не узнает.

– Тут дело такое, – сказал Андерсен. – Звонили из Гампетрефа. Автомобиль с вещами наших двух девушек попал в дорожную аварию. Нет, ничего страшного не случилось. Люди не пострадали, но машина находится в мастерской и будет готова только завтра утром. Так что мебель прибудет завтра только во второй половине дня.

– О! – воскликнула Тюлинька. – Хорошо, что мы это узнали. А то Гюро весь день просидела как привязанная, дожидаясь автомобиля, так что для неё это в своём роде облегчение. А я хотела спросить, можете ли вы прийти ко мне на обед в субботу в три часа. Ещё я позвала Эрле и Гюро.

– Большое спасибо! Приду с удовольствием, – сказал Андерсен. – Передайте им от меня привет.

– Значит, договорились. В субботу в три, и спасибо, что сообщили новость про машину.

– Какое у тебя красивое лицо, когда ты говоришь с Андерсеном! – сказала Гюро.

И Тюлинька покраснела до ушей, а кудряшки так и запрыгали вокруг её головы.

– Ну, Гюро! Ну, Гюро! – только и сказала она. – Теперь нам надо дожидаться Эрле и рассказать ей, что мебельный фургон приедет только завтра.

– Придётся нам сегодня спать на полу, – сказала Гюро.

Тут позвонил телефон, Тюлинька сняла трубку:

– Квартира дворника. Я вас слушаю. Да я передам вашу заявку.

Она достала из сумочки маленький блокнотик и записала: «Квартира пятьсот четырнадцать».

– Да, конечно, я ей передам.

Потом они просто сидели и ждали. Наконец пришла Эрле. Узнав про мебельный фургон и про аварию, она вздохнула:

– Да. Да. Такой уж выдался особенный день. Всё к тому шло, чтобы нам сегодня остаться ещё и без вещей. Придётся ночевать на полу.

– Вы можете прийти на ночь ко мне, – предложила Тюлинька. – У меня же стоит двуспальный диван-кровать.

– Спасибо тебе, – сказала мама, – но мне не хочется уходить куда-то в первую же ночь после того, как меня взяли дворником. Не знаю только, как мне быть с тобой, Гюро?

– Я тоже должна оставаться здесь в первую ночь, потому что я хочу быть твоей помощницей.

– Мы что-нибудь придумаем.

Эрле сказала так не раздумывая, потому что ничего другого и нельзя было сказать.

Мебельный фургон из Гампетрефа и грузовик из города

Тюлинька не раз оставалась с Гюро в качестве дневной мамы и очень выручала этим Эрле и Гюро. Она оставалась с Гюро, когда Эрле ездила учиться дворницкому делу у Бьёрна, и не собиралась отказываться от этой обязанности после того, как они переехали. Но Тюлинька была дневной мамой не только для Гюро, но и кое для кого ещё, и этот кое-кто звался Индивидом. Индивид – это была собака, большущая, хотя пока ещё она была только щенком. Люди, у которых жил этот щенок, на целый день уходили на работу. Так что Индивиду очень повезло, что Тюлинька каждый день приходила за ним и выводила гулять.

Узнав, что машина с мебелью сегодня не приедет, Тюлинька спросила:

– Можно Гюро пойдёт со мной, когда я поведу гулять Индивида? Ой! Оказывается, уже первый час. Он совсем заждался меня!

– Конечно, можно, – сказала мама. – Может быть, вы купите мне чего-нибудь из еды и заодно ещё шурупов, а то я не могу отлучиться с работы. Меня просили зайти в несколько квартир, так что уже пора бежать. Купите чего-нибудь вкусненького, каких-нибудь бутербродов с огурчиками и помидорками, такого, для чего не нужна плита.

— За шурупами надо идти в торговый центр, — обрадовалась Тюлинька. — Индивиду будет интересно, он там ещё не был. А то мы каждый день всё в лес да в лес! Ну, пошли, Гюро!

Они отправились в корпус «Ю», сели в лифт и поднялись на одиннадцатый этаж. Они пришли очень вовремя, потому что за дверью кто-то уже повизгивал, и скулил, и даже подвывал.

— Бедный малыш! — сказала Тюлинька. — Устал ждать. Всего-то пять минут первого, но Индивид понимает часы, вот и жалуется, что я припозднилась.

Индивид встретил их очень приветливо. Он был не из тех собак, которые долго помнят обиды и потом дуются. Какое там! Он вилял хвостом, притащил любимую тряпку и радостно приветствовал Гюро и Тюлиньку.

Наконец он решил, что достаточно на приветствовался, и всем своим видом показывал, что готов идти на прогулку.

Поняв, что его не хотят вести в лес, он ужасно удивился. Он не только выражал удивление, но и выказывал неудовольствие. Он стал тянуть к лесу, а Тюлинька тянула в другую сторону. Силы у них были приблизительно равные, поэтому они не двигались с места.

— Пройди немножко вперёд, Гюро, по направлению к Центру, — сказала Тюлинька. — Чтобы он понял, куда мы идём.

Гюро пошла, на ходу она то и дело оборачивалась и звала за собой щенка: «Индивид! Индивид!» Но он продолжал упираться. Тогда Гюро легла на тротуаре и замерла. Индивид посмотрел-посмотрел, потом дёрнул поводок и ринулся к Гюро. Наверное, он подумал, что Гюро заболела или с ней что-то случилось. Он так рванул вперёд, что Тюлинька чуть было не упала, кое-как она всё же удержалась на ногах. Она помчалась за ним как хороший бегун, и вот наконец Индивид остановился рядом с Гюро, обнюхал её лицо, помахал хвостом, с нетерпением приглашая её встать и показать, что она жива и здорова. Кажется, это волновало не только Индивида, потому что подоспевшие прохожие обступили Гюро и всё спрашивали: «Ты не ушиблась? У тебя ничего не болит?»

— Ничегошеньки! — сказала Гюро. — Это я только так.

Тут щенку потребовалось непременно поздороваться со всеми вокруг. На это ушло немало времени. И вот наконец они могли двинуться даль-

ше. Главное, что он больше не вспоминал про лес. Ему даже понравилось гулять по тротуару, где со всех сторон неслись интереснейшие запахи, щенков на каждый из них останавливался, и Тюлинька и Гюро тоже поневоле останавливались.

– Ну и хлопотно же быть твоей дневной мамой, – сказала Тюлинька. – Но ничего не поделаешь, Индивид, приходится принимать тебя таким, какой ты есть.

Потратив довольно много времени, они наконец пришли в Центр. Магазинов там была уйма. Тут был и обувной магазин, и скобяные товары, и аптека, и часовой магазин, и парфюмерия, и продовольственные товары, а ещё были почта, и банк, и парикмахерские – женская и мужская, и зубо врачебный кабинет, и всё, что только можно придумать.

Перед магазином стояло много детских колясок и много собак. Повсюду на привязи ждали оставленные собаки, и Индивид очень обрадовался, но вёл себя осторожно. Хотя он ещё и не вырос из щенячьего возраста, но уже понимал, что собаки бывают добрые и терпимые, но бывают и злые, к которым не стоит соваться с разговорами.

– Мы возьмём тебя с собой в магазин, – сказала Тюлинька. – Чтобы ты не грустил тут один, дожидаясь нас в одиночестве.

Они зашли в магазин, взяли тележку для покупок. Индивид, казалось, был в таком приподнятом настроении, как будто хочет скупить всё, что есть в магазине. Кроме того, он явно собрался познакомиться со всеми присутствующими и, уж конечно, обнюхать все удивительные вещи, которые были выставлены на полках.

Но тут подошёл человек в форменном халате и сказал строгим голосом:

– Сюда нельзя входить с собаками, потому что тут торгуют продуктами питания.

– Ой, простите, пожалуйста, – сказала Тюлинька. – Но у меня никогда раньше не было собак, и я не знала про это правило. Мы сейчас же уйдём.

Всё бы обошлось благополучно, если бы Индивид не заметил, что человек в форменном халате говорит строгим голосом. А в таких случаях он всегда чувствовал себя провинившимся и сразу начинал просить извинения. Он хотел лизнуть человеку руку, помахать перед ним хвостом, положить ему лапы на плечи и сказать: «Ты больше на меня не сердись?»

Мгновенно проделав всё это, он хвостом нечаянно смахнул с полки несколько составленных одна на другую коробок, за ними обрушились и остальные. Тут Индивид испугался. Он перепугался так сильно, что дёрнул за поводок, а Тюлинька от неожиданности выпустила его из рук, и пёс отчаянно заметался среди полок.

К счастью, это увидел один покупатель, стоявший у прилавка. Как видно, он умел обращаться с собаками. Поэтому он поймал поводок, погладил Индивида и сказал:

— Тихе, тихе, не бойся, тут ничего страшного!

Он отвел Индивида к Тюлиньке, и та сказала:

— Большое-большое спасибо вам! Придётся нам выйти на улицу, Гюро!

Выйдя из магазина, они увидели поблизости скамейку. Тюлинька привязала к ней щенка и попросила Гюро:

– Если можешь, то посиди с ним, пожалуйста, тут, пока я одна схожу за покупками.

– Хорошо, – сказала Гюро.

Она гладила и гладила Индивида, а он улёгся и только шумно дышал, но вёл себя послушно и спокойно. Тут подошли две женщины и тоже сели на скамейку, где сидела Гюро. Должно быть, они только что побывали в магазине, так как были все увешаны пакетами, а сейчас решили немножко отдохнуть на скамейке. Женщины вели между собой беседу, и одна вдруг сказала:

– Ты её видела?

– Кого? – спросила другая.

– Да эту, которая у нас теперь работает дворником. Знаешь, что сказал мой муж? «Ни за что не стану её вызывать, когда в квартире что-нибудь испортится!» А ты же знаешь, он у меня не очень рукастый и раньше сразу звонил дворнику, когда надо было что-то починить. Но он считает, что теперь, с женщиной-дворником, в этом нет никакого смысла.

– Действительно, странные настали времена! – сказала другая женщина. – Интересно посмотреть, как она будет справляться.

– Она справится, – сказала Гюро. – У Эрле всё получится, она всё умеет. Обе женщины испуганно взглянули на неё и поспешили удалиться.

– Не обращай внимания, Индивид, – сказала ему Гюро. – Они же просто ничего не понимают.

Щенок поднял голову и посмотрел на неё так, как будто он всё понимает. Он положил ей голову на колени, словно хотел утешить.

Наконец Тюлинька вернулась, и они пошли домой. На обратном пути Индивид шёл рядом, как пайныка, словно показывая, что быть у него дневной мамой вовсе не так уж хлопотно.

– Сначала мы забежим к тебе, Гюро, – сказала Тюлинька, – и оставим там покупки, а потом ты, как всегда, пойдёшь ко мне.

– Хорошо, – сказала Гюро, потому что ей совсем не хотелось оставаться дома наедине с телефоном.

— Я немножко скучаю по нашей комнате в пансионате, — сказала она. — Особенно по моему диванчику. Хочешь посмотреть, что я вчера нарисовала?

— Конечно, хочу.

Она долго разглядывала рисунок, как будто о чём-то задумалась над ним, но долго думать ей не дали, потому что Индивиду страшно понравилась эта квартира, такую замечательную он видел впервые в жизни. Тут можно было носиться по комнатам и подбегать ко всем стенам, ни на что не натываясь по пути, только в комнате он уронил папин портрет, а потом так усердно нюхал телефон, что свалил на пол трубку.

— А теперь идём ко мне, — сказала Тюлинька. — Мне хочется немножко отдохнуть, а тут даже лечь не на что.

Гюро довольно долго побыла у Тюлиньки, но тут и у неё зазвонил телефон, на этот раз ей позвонила мама:

— Алло! — сказала мама. — Гюро может идти домой. Огромное спасибо тебе за покупки, Тюлинька. И спасибо, что помогла с Гюро. Просто отправь её домой, она уже знает дорогу.

— Хорошо, — ответила Тюлинька. — Мне как раз надо сегодня съездить в город по делу. А завтра я приду за ней пораньше, чтобы ей не оставаться одной с телефоном.

— Отлично, — сказала мама.

Придя домой, Гюро так и вытаращила глаза от удивления, потому что квартира уже была не пустая. На полу лежало два больших матраса и целая куча одеял и подушек, а в углу появился даже раскладной столик и три складные табуретки.

На одном матрасе, поджав под себя ноги, сидела мама, на другом сидел Нильс, которого раньше звали Сократом.

— Это опять мама Нюсси нас выручила, — сказала Эрле. — Узнав, что нам сегодня не привезут мебель, она прислала с детьми все эти вещи: Нюсси, и Бритт-Карен, и та девочка, которую зовут Аврора, всё притащили. Матрасы, правда, принёс папа Нюсси, потому что они тяжёлые. Но, когда они собрались уходить, один человек не захотел идти домой. Нильс остался у нас, и мы с ним очень славно провели время. От него я очень много узнала о Фабельвике, где они жили, когда были на севере.

Я узнала про Альфреда с набережной, и про женщину, которая работает помощницей судьи, и про Томаса и Юханну, и про вяленую треску, которая там называется Стокфиссо. Я правильно сказала, Нильс?

– Да, – подтвердил Нильс с довольным выражением.

– А ещё я узнала про Чучело, который сто лет проспал в комод.

– А где он сейчас? – спросила Гюро.

– Он стоит на балконе и оттуда, с девятого этажа, озирает окрестности, – сказала мама. – Родители Нильса позвонили и сказали, что он может побыть у нас до шести часов. Я уйду, у меня там ещё остались дела, а рабочий день кончится в пять. А если кто-нибудь позвонит, ты, Гюро, скажи, что я буду после пяти.

Вдвоём с Нильсом Гюро не боялась телефона. Пускай себе там стоит, а если кто-то позвонит, она будет знать, что ответить. Она будет говорить так же вежливо, как Тюлинька: «Квартира дворника. Слушаю вас. Она будет в пять». Ей пришлось повторить эти слова три раза, потому что три раза позвонил телефон. А потом он молчал до маминого возвращения. Мама пришла такая усталая, что так и плюхнулась на матрас, и вид у неё был точно она сейчас заснёт. Гюро и Нильс стали играть тихонько и переговаривались только шёпотом, а то и вовсе молчали. В ванной они поиграли с корабликом, в комнате Гюро повозили по полу трактор, потом пошли на кухню с лошадкой, а с Вальдемаром и Кристиной вообще играли всё время, и всё было так, как будто они знакомы давным-давно. Иногда Нильс взглядывал на неё, улыбался ей от души и говорил: «Гюро! Гюрочка!»

В шесть за ним пришли Нюсси и Аврора, а когда он ушёл, проснулась мама, и Гюро сказала:

– Давай поиграем в «Чёрного Петера»!

– Хорошо, – сказала мама. – Сейчас поедим, а потом поиграем в «Чёрного Петера». Я захватила с собой пробку, так что нам будет чем мазать носы.

Зашёл Бьёрн – проведать, как они поживают. Он немножко удивился, увидев, что мама сидит на матрасе с чёрным носом.

Они рассказали ему всё, что случилось за этот день.

– Ничего не скажешь, трудноватый денёк для вас выдался. Авось завтра будет полегче! – ободрил их Бьёрн.

Так и случилось. Денёк выдался как на заказ: во-первых, светило солнце, а во-вторых, Тюлинька пришла пораньше, и Гюро не пришлось отвечать на звонки. Тюлинька сидела на складном стуле и играла, как будто она, как раньше, работает телефонисткой. И, не дожидаясь вечера, ещё в первую половину дня, приехал фургон и привёз все вещи Гюро и Эрле. Было так здорово снова их увидеть! Как будто встретить старых друзей. Но у комнаты Гюро вид был немного странный, потому что в ней стояла только детская кроватка с решёткой и всё.

— Ничего, — сказала мама. — Понемногу смастерим для тебя что-нибудь.

Но этот день, решивший стать хорошим и солнечным, на этом не успокоился, и, когда большой фургон уехал и все вещи были внесены в квартиру, Гюро выглянула в окно и увидела, что подъехала ещё одна машина. Это был маленький грузовичок. Он был красный, и в кузове стояла только одна вещь. Она была закрыта брезентом, так что нельзя было понять, что под ним спрятано. Из машины вышел водитель, большой и толстый дядечка с усами.

— Я к Гюро Люнгмю из квартиры дворника в корпусе «Ц». Это здесь?

— Здесь, — сказала Гюро. — Только её зовут не Гюро, а Эрле.

— Это ошибка, — сказал дядечка. — Здесь четко написано «Гюро». Я согласился завезти то, что нужно, потому что я живу в лесу и всё равно еду мимо. Есть тут кто-нибудь по имени Гюро?

— Есть. Это я. Но я только маленький дворник. А настоящий дворник Эрле.

— Так, так, — сказал дядечка. — Тогда всё вроде бы сойдётся.

Он залез в кузов и поднял вещь, закрытую брезентом. И тут Гюро увидела, что это было. Это был диванчик-кроватка.

— Тюлинька! — воскликнула Гюро. — Это мой диванчик!

Маленький диван-кровать был поставлен в её комнату, а Тюлинька расписалась, что он правильно доставлен на место, и поблагодарила:

— Большое вам спасибо!

Затем она взяла в руку письмо, а в письме было сказано: «Для Гюро от хозяйки пансионата, Андерсена из номера пятого и Тюлиньки из Тириллтопена».

— Ой! — сказала Гюро. — Вот уж обрадуются Вальдемар и Кристина!

И сама Гюро тоже радовалась, а диванчик стоял с таким видом, как будто всегда жил в этой комнате.

Спустя несколько дней к нему добавились красненькие саночки с надписью «Гюро». Сейчас, правда, Гюро не могла кататься на санках, но сидеть на них было так приятно, что Гюро не захотела, чтобы их на всё лето отнесли в помещение для спортивных принадлежностей. Она захотела оставить их у себя в комнате. Здесь же стоял и трёхколёсный велосипедик. Всю зиму он провёл на складе в Гампетрефе и, наверное, был теперь рад снова оказаться у Гюро. Спустя ещё несколько дней у Гюро

появилась книжная полка. Полку сколотила мама. А ещё на стенах висели теперь картины, нарисованные папой. Висел там и рисунок Гюро, на котором она изобразила пансионат, и ещё одна замечательная вещь висела на стене — это была скрипка. Раньше на ней играл папа Гюро, и мама сказала, пускай эта скрипка теперь висит в её комнате, чтобы Гюро с ней познакомилась. Может быть, когда-нибудь Гюро и сама захочет научиться на ней играть.

Иногда Гюро снимала скрипку со стены, но у неё получались какие-то странные звуки, совсем непохожие на те, что струны издавали у папы, так что Гюро снова убирала её на место. Но ей нравилось смотреть на неё, и она была рада, что скрипка тут рядом. Хорошенький диванчик так и оставался теперь всё время диванчиком. Гюро спала в своей старой кровати. Но если кто-нибудь придёт к ним с Эрле в гости с ночёвкой, то диванчик снова поиграет в старую игру и притворится кроватью.

Летняя мечта

Гюро ждала маму, сидя перед своим корпусом. Когда мама работала на улице, Гюро проводила время рядом с нею, но, когда мама шла к кому-нибудь из жильцов, у которых в квартире требовалось что-то чинить, Гюро оставалась ждать во дворе. Мама сказала, что неизвестно, понравится ли жильцам, если она придёт к ним вдвоём с Гюро.

Гюро была одета в одни только шортики, потому что сейчас было лето, но она не бегала по двору, хотя любила бегать так, чтобы волосы при этом развевались на ветру. Она не бегала, когда оставалась одна. Вот рано утром, это да! Тогда они бегали вместе с мамой. Они вставали в шесть часов, а Эрле нужно было начинать работу только через час. Этот час был самый лучший! Они нарочно вставали так рано, чтобы побыть вместе.

Сначала они умывались, одевались и накрывали стол к завтраку. Мама наливала воду, включала кофейник на единицу, и они выбегали на улицу. Они делали так с самого первого дня, как сюда переехали. В это время вся лужайка, со всеми деревьями и кустами, принадлежала им одним. Несколько раз они бегали до самого леса, а если чувствовали, что запы-

хались, то начинали спокойно прохаживаться и беседовать. Несколько раз они встречали Индивида, которого его родители в это время выводили на утреннюю прогулку. Конечно, они на самом деле не были его родителями, ведь Индивид был собакой, но Тюлинька называла их папочкой и мамочкой. У этих людей не было ребёнка, а им очень хотелось о ком-то заботиться и воспитывать, вот они и взяли в дом щенка.

Индивид каждый раз радовался встрече с Гюро и с восторгом бросался её приветствовать. Но ему мало было поприветствовать её один раз, и Гюро гладила его, приговаривая: «Попозже мы с тобой ещё погуляем, когда придёт Тюлинька». Щенок в ответ вилял ей хвостом, показывая, как он рад.

Домой Гюро и Эрле приходили, нагуляв хороший аппетит, они спокойно успевали позавтракать и даже помыть посуду. Но на этом всё кончалось, потому что маме пора было идти на работу. Если она шла подметать дорожки перед домом и убирать мусор, Гюро шла вместе с ней, и, когда мама подстригала газон, она тоже могла оставаться с мамой. Но в котельную мама не разрешала ей ходить.

Тогда Гюро садилась перед домом и ждала, не выйдет ли кто-нибудь знакомый. Жаль только, что приехали они с мамой в Тириллтопен в самое неудачное время — стояло лето, и все, кто мог, разъехались на каникулы. В доме осталось совсем немного детей. Гюро ещё не успела со всеми перезнакомиться, познакомилась только с маленьким мальчиком, которого звали Нильсом. Гюро очень ждала, когда он выйдет, но после первого дня он ни разу не показывался во дворе. Гюро видела его сестру, которую звали Авророй. Она дружила с Нюсси. И однажды Гюро услышала, как Аврора сказала:

— Как только он поправится, мы поедем к бабушке в Бесбю.

Тогда Гюро догадалась, что Нильс заболел. И вот однажды утром она увидела, как синенькую машинку с красными крыльями завели и она подкатила к подъезду, а потом она увидела, как Нильс, его родители и Аврора вышли с чемоданами и рюкзаками, сели в неё и уехали.

Очень многие поразъехались. Некоторые ужасно долго возились, перетаскивая вещи в машину. Некоторые сердились, как будто были недовольны, что едут на каникулы, но на самом деле они сердились,

наверное, оттого, что волновались, поместятся ли все вещи, которые они взяли с собой, и спорили, как их лучше уложить. Другие вели себя так, словно для них это обычное дело, не сердились, а, нагрузив вещи на крышу машины, спокойно уезжали.

И тут Гюро заскучала по папе. Вот если бы папа был здесь, мама тоже поехала бы в отпуск! Они взяли бы с собой уйму всяких вещей, но они бы не суетились, а аккуратно сложили бы рюкзаки и выехали со двора.

Но папы уже нет. Он никогда больше не придёт, потому что умер. И тут Гюро стало так тоскливо, что она поскорей начала думать о чём-то другом. Вот если бы Бьёрн вдруг пришёл и сказал, что возьмёт их с собой на каникулы! Он же ездит с сыном в хижину в Кюлпене, значит, может, и скажет, что берёт с собой маму и Гюро. Они бы не стали долго копать-ся, но пускай бы Бьёрн подъехал на машине к корпусу «Ц», чтобы все в корпусе видели – Гюро уезжает на каникулы! Мама и Бьёрн привыкли вместе работать, потому что уже работали так до того, как мама стала дворником, они бы не спорили друг с дружкой, как лучше уложить вещи, потому что и так понятно – вещи надо сложить в кузов. Туда же сядет Гюро и, наверное, сын Бьёрна, если он тоже поедет. Гюро не могла решить, хочется ли ей, чтобы он тоже смог поехать. Она же его не знала. И Бьёрн тогда возьмёт на руки не её, а этого мальчика. Так что пускай уж лучше этот мальчик сидит у себя дома.

Однажды подумав так, Гюро стала думать об этом каждый день, когда сидела перед корпусом. Сначала она думала только до того места, как Бьёрн приезжает на машине, а мама выходит из дома с рюкзаками, и они уезжают. Думать каждый раз одно и то же неинтересно, и потому она решила думать, что будет дальше. Ну хотя бы о том, как они потом вернутся. Пускай будет так, как будто вокруг много людей и все это видят. Пускай как будто все дети, которые сейчас разъехались на лето, уже вернулись и все вышли на улицу, когда Гюро возвращается после каникул.

– Ты уезжала на каникулы, Гюро? – спросят дети.

– Да. Я была в Кюлпене, – скажет Гюро. Она не скажет «Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен» так, как будто это слово булькает в горле. Так она говорит, когда балуется, а при всех скажет «Кюлпен» как полагается, правильно. Но сейчас ей захотелось побаловаться.

Гюро взяла Вальдемара и Кристину и отправилась с трёхколёсным велосипедом за дом, чтобы ей никто не мешал думать, а то из корпуса мог кто-нибудь выйти и всё бы нарушил. Вообще-то Гюро побаивалась заходить за дом. Спокойнее всего ей было перед домом возле парадного, оттуда, если надо, всегда можно убежать домой. Мама дала ей ключ, чтобы она могла открыть дверь, когда захочет. Ключа никто не мог увидеть, потому что мама привязала его на ленточку, а ленточку пришила к карману шорт изнутри. Ключ лежал в кармане, там было его потайное место.

Но вот сейчас она решила пойти за дом, и, спрятавшись там, представить, как всё будет, когда она поедет на каникулы.

Вальдемар и Кристина тоже участвовали в приключении. Для Вальдемара и Кристины она сейчас была не Гюро, а Бьёрн, а Вальдемар и Кристина были мамой и Гюро.

– Здесь наш корпус, – сказала Гюро, ткнув пальцем на растущее за домом дерево. – А детская площадка – это как будто дорога. По дороге подъедет Бьёрн, а вы стоите и ждёте, чтобы ехать на машине в Кюлпен. Я сначала отойду с велосипедом, а потом подъеду, и тогда я буду уже Бьёрн. Не забудьте.

Она откатила велосипед подальше на детскую площадку, а затем развернула и сказала:

– Вот я отъезжаю от корпуса «Ю». Вы же помните, я живу там. Тррр. Вот корпус «Ц». Привет, Эрле и Гюро. Вы уже собрались?

– Скажи «да», Вальдемар! Ты сейчас – Эрле.

– Да, конечно, – сказал Вальдемар.

– Ты, Эрле, давай садись вперёд, а я уложу назад рюкзаки. А вот и Гюро! Ну-ка! Насколько тяжелее ты стала сегодня? Ого, ты, должно быть, много чего съела за то время, что мы не виделись. Вот, барышня, ты сядешь тут. Теперь хорошенько закроем дверцы – и поехали! Нам не к спеху, так что ехать будем осторожно. А ты, Гюро, можешь смотреть назад! Слышишь?

– Слышала, Кристина? Скажи «да», ты же сейчас я.

– Да, – сказала Кристина.

– Гюро, Гюро! – раздался громкий голос.

Это звала мама. Она вдруг вернулась в квартиру и в окно увидела Гюро.

– А я-то думала, куда ты подевалась. Ты же обычно играешь перед домом.

– Я уезжала на каникулы, – сказала Гюро.

Всё стало не так, как было у неё понарошку, поэтому она ничего больше не рассказала.

– Сейчас ты можешь побыть со мной, – сказала мама.

– Ты будешь работать на улице?

– Нет, я иду в одну квартиру на девятом этаже. И хозяйева спрашивали, не можешь ли ты тоже прийти. Один маленький мальчик там очень хочет с тобой поиграть. Тот самый мальчик, который приехал сюда в один день с нами. Помнишь Нильса?

– Его нет дома. Он же уехал на каникулы.

– А сейчас вернулся. Он приехал вчера поздно вечером, вот ты и не видала. Две недели он гостил у бабушки в Бесбю, а теперь вернулся домой, он очень звал тебя. Его сестра уезжает завтра с Нюсси, а он остаётся дома один, так что он очень рад, что познакомился с тобой.

– Тогда я возьму с собой Вальдемара и Кристину, – решила Гюро. – У Нильса тоже есть кукла, очень большая, её зовут Чучело. Пускай они поиграют вместе.

– А я возьму с собой ящик с инструментами, – сказала мама. – Там, наверное, много мелкой починки. Они же ещё толком не устроились в квартире, потому что уехали отдыхать, не успев обжиться.

– Сначала Нильс болел, – сказала Гюро. – А когда он поправился, они уехали.

– И всё-то ты знаешь, – улыбнулась мама. – Наверное, потому, что сидишь всё время возле подъезда. По-моему, лучше бы ты шла на детскую площадку и побольше бы бегала. Сегодня я даже обрадовалась.

– Иногда я боюсь туда идти, – сказала Гюро, – а сегодня не побоялась.

Они сели в лифт и поднялись на девятый этаж. Гюро немного смущалась. Хотя они с Нильсом уже познакомились, но с тех пор давно не видались. Что, если она его теперь не узнает? А что, если Нильс расхотел с ней играть? Дверь открыл не Нильс, на пороге их встретила Аврора.

– Здравствуй, Гюро! Как хорошо, что ты пришла, – сказала она.

– А где Нильс? – спросила Гюро.

– Нильс куда-то ушёл, – сказала Аврора. – А дома остался только Сократ. Ты знаешь, что у него два имени, а мама решила, что ему лучше зваться Нильсом. Но Сократ не согласен. Он желает, чтобы его звали только Сократом. Ну вот, теперь он у нас Сократ.

– Ага, – кивнула Гюро. – А кем теперь будет Чучело? Его тоже зовут по-другому?

– Нет, Чучело как был, так и остался Чучелом. Иди сюда, Сократ! Гюро пришла.

Но Сократ не отзывался и на глаза не показывался.

– Меня, наверное, позвали, потому что надо что-то сделать, – напомнила о себе Эрле.

– Сейчас я позову папу, – сказала Аврора. – Он в ванной стирает. Завтра мы с Нюсси уезжаем, так что выстирать всё надо сегодня, а в прачечную папа не попал, потому что сегодня не его очередь.

– Надо же! – покачала головой Эрле.

– Одну минуточку, – послышалось из ванной. – Вот только повешу кое-какое бельишко на балконе.

Из ванной вышел папа с полным тазом мокрого белья. Увидев гостей, он, как был с тазом в руках, поклонился и сказал:

– Я знаю, что сушить бельё на балконе не положено, но сегодня так уж получилось. Аврора завтра уезжает, и к утру непременно нужно всё высушить. Я уж натянул верёвки пониже, чтобы никто не увидел.

– Я никогда не понимала, кому может помешать вид чистого белья, – сказала Эрле. – К тому же большинство жильцов поразъехалось, так что вешайте себе на здоровье.

– А те, кто остались, и сами стирают, – сказал папа. – В прачечной не было свободного места, и все верёвки увешаны бельём. А ну-ка, Сократ и Аврора, помогите мне, тогда дело пойдёт быстрее.

Аврора тотчас же пришла помогать, а Сократ всё ещё не показывался.

Гюро заглянула в ванную, но там мальчика не было. Она заглянула и в гостиную. И тоже никакого мальчика, зато там стоял удивительный диванчик, который на самом деле явно был садовой скамейкой, и стояло пианино, а на полу уйма картин.

– Ты подавай мне вещи по одной, а я буду вешать, – слышалось с балкона. – Тут только один носок. Куда бы это второй мог подеваться?

Гюро ещё раз заглянула в ванную и увидела там на полу насквозь мокрый красненький носочек.

– Вот он, – крикнула Гюро. – Вот второй носок.

– Ты просто молодец, – сказал папа. – Будем надеяться, что погода не испортится, чтобы всё успело высохнуть.

– Ну вот, мастер, я и пришёл, – сказал папа. – Нам надо развесить эти картины. Стена такая крепкая, что без инструментов тут не забьёшь ни одного гвоздя.

– Когда надо вешать большие картины, я пользуюсь дрелью, – сказала Эрле. – Кстати, у меня есть с собой шурупы, так что могу прямо сейчас этим заняться. Скажите только, куда вы хотите повесить картины, и мы тут же всё сделаем.

– Как вы думаете, мастер, хорошо будет, если повесить вот эту большую над садовой скамейкой?

– Маму зовут Эрле, – подсказала Гюро. – Тогда вам не надо будет всё время называть её «мастер».

– Очень приятно, – сказал папа. – А меня, если хотите, зовут Эдвард. Правда, что квартиру к нашему приезду покрасили вы?

– Да, я люблю малярную работу, – сказала мама. – И столярничать тоже.

– Хотел бы я научиться столярничать, – сказал Эдвард. – Ведь часто бывает, что нужно бы смастерить полку или ещё что-нибудь в этом роде, но в школе я не очень-то успевал по труду, а с тех пор как-то не приходилось ничем таким заниматься.

– Я подумывала открыть осенью столярные курсы, – сказала Эрле. – У многих людей бывает желание сделать что-то своими руками.

– Замечательно, – сказал Эдвард. – Записываюсь прямо сейчас! Аврора! А где там Сократ? Он же так хотел, чтобы Гюро пришла, а когда она тут, взял и сбежал.

– Пойдём, Гюро, поищем, – сказала Аврора. – Посмотрим, нет ли его в спальне.

Они заглянули в спальню, но никакого мальчика там не было. Аврора легла плашмя на пол и заглянула под кровать, но и там никого не оказалось. Гюро посмотрела на платяной шкаф, вспомнив, как в первый день своего знакомства они с Нильсом, который теперь звался Сократом, прятались у неё в гардеробе, а первым придумал залезть туда Нильс.

Она показала пальцем на дверцу шкафа, и Аврора осторожно её приоткрыла. В шкафу стояла большая кукла, которую звали Чучело, но мальчика там не было. Странно, Чучело здесь, а Сократа нет!

– Посмотрим-ка в шкафу, который стоит в детской. Возьмём с собой Чучело и будем делать вид, что разговариваем с ним. Сократ, по-моему, застеснялся. Раньше за ним такого не водилось. Это началось, когда мы уехали из Фабельвика. Он там очень привык, а тут для него всё было новое, хотя маленьким он жил здесь, только уже почти ничего про это не помнит. Фабельвик он то и дело вспоминает, а иногда начинает говорить по-тамошнему. Теперь он побывал в Бесбю и познакомился там с местными детьми. Сократ очень легко подхватывает всё, что услышит, и сейчас он чаще всего говорит, как принято здесь у нас. А ты уедешь на каникулы, Гюро?

– Да, – серьёзно кивнула головой Гюро. – Я поеду в Кюлпен.

– Ну вот! Надеюсь, что это будет не прямо сейчас, а чуть погодя, – сказала Аврора.

– Погодя. Ещё не скоро.

– Хорошо, что ты будешь играть с Сократом, – сказала Аврора. – А то он привык, что я за ним смотрю, а тут вдруг возьму и уеду. Ты так хорошо за ним присмотрела в самый первый день.

– Ладно, – сказала Гюро.

Отчего же не присмотреть за Сократом, хотя они с ним и одного возраста! Ведь если он вдруг загрустит, как, например, сейчас, она может его утешить и придумать, как его снова развеселить.

– А теперь мы пошли в детскую, – сказала Аврора.

Но в эту секунду Аврору позвал папа, чтобы вместе с ней решить, куда какую картину повесить.

Гюро и Чучело остались в прихожей одни. Зайти в детскую или не заходить?

Она немного приоткрыла дверь и громко спросила:

– Ты не знаешь, Чучело, куда подевался Сократ?

Ничего не ответив, Чучело продолжал смотреть на неё немигающими глазами.

– А мы зайдём и посмотрим! – сказала Гюро.

В детской было пусто, а дверь платяного шкафа была закрыта, но не совсем плотно.

– Может быть, ты, Чучело, посмотришь, спрятался там Сократ или нет? – сказала Гюро. – А я только постою рядом.

Гюро просунула голову Чучела в шкаф, и как только голова оказалась внутри, из шкафа показались чьи-то обутые в тапочки ножки. Ножки быстро-быстро спрятались, убравшись под полку. Тогда Гюро вынула Чучело из шкафа и сказала:

– Ладно, мы с тобой тут подождём. Можешь пока поиграть с Вальдемаром и Кристиной.

– Чучело не играет в игрушки, – слышалось из шкафа. – Он уже взрослый и только думает, а ещё он любит осматриваться по сторонам. Пускай он идёт ко мне, а ты можешь поиграть в детской.

Гюро снова засунула Чучело в шкаф, а сама принялась играть. В комнате Сократа был большой грузовик, и Гюро усадила Вальдемара и Крестину в машину, легла на пол и стала их возить.

– Пускай это будет как будто мебельный фургон, – сказала она, – а вы едете в нём. Вам ехать далеко-далеко.

Тут Сократ высунул голову из шкафа. Он улыбнулся и долго разглядывал Гюро, а Гюро делала вид, что не замечает его, и только тархтела, как мотор, приговаривая:

– Мы едем через большой лес, а в лесу стоит лось.

Тут Сократ весь вылез из шкафа, а с ним и Чучело.

– Давай играть, как будто мы переезжаем на новое место, – сказал Сократ. – Мы переезжаем в Фабельвик, – объяснил он, показав пальцем в сторону ванной.

Гюро развернула грузовик и направилась, куда он показывал.

Сократ с Чучелом тоже направились туда, а когда все прибыли в ванную, Сократ шёпотом сказал:

– Давай запряжёмся изнутри, тогда будет как будто мы взаправду переехали, а Аврора-та с нами не поехала, она уехала с Нюсси. – Он повернул в замке ключ и сказал: – Ну вот, мы приехали в Фабельвик. Показать тебе ботик?

– Ботик? – спросила Гюро. – А что такое ботик?

– Никак, ты не знаешь, что такое ботик? Это такая лодка, я хожу на ней в море, когда хочу наловить рыбы. Чучело пускай будет Альфредом с набережной, а Кристина-та помощницей судьи, а ты, коли хочешь, будешь моей Стокфиссо. Стокфиссо – это сушёная рыбина, была у меня как-то одна.

– Угу, – согласилась Гюро. Уж лучше быть сушёной рыбиной, чем помощницей судьи, ведь Гюро даже толком не знала, что значит «помощница судьи».

– Ты живёшь в Африке, – сказал Сократ. – А приехала только на побывку.

С этими словами он отвернул кран и пустил воду.

– Ой, не надо! Это же нельзя... – хотела остановить его Гюро.

– Я только холодную, – сказал Сократ. – Холодную можно.

Вода лилась из крана со страшным шумом.

И вскоре в дверь постучали, но Гюро и Сократ не услышали стука. Они продолжали разговаривать шёпотом. Но при таком шуме Сократу приходилось шептать в самое ухо Гюро:

– Видишь над умывальником лампочку, – сказал он. – Это полуночное солнце. Сейчас ночь, а солнце всё равно светит, у нас в Фабельвике всегда так бывает.

– Всё, хватит воды, – сказала Гюро, потому что ванна уже наполнилась до половины.

– Это же Вест-фьорд, – не соглашался Сократ. – Вест-фьорд не такой маленький, а за ним открытое море. А в мойке пускай будет Фабельвикский фьорд, он не очень большой, а вон идёт корабль, он называется «Молодец». Он небольшой, потому что это катер и ходит только по фьорду и причаливает к пристани у Альфреда.

Сократ усадил Вальдемара на край умывальника и пустил по воде мыльницу, она изображала кораблик.

Затем пришёл черед ботика отправиться в плавание по фьорду.

Решив, что во фьорде набралось достаточно воды, Сократ выключил кран, и тут оба ясно услышали стук в дверь.

– Ты там, Сократ? – спрашивала Аврора.

Сократ замотал головой, и Гюро тоже замотала.

– Ты там, Гюро? – спросила Аврора.

Сократ поглядел на неё и снова помотал головой, помотала головой и Гюро, но оба ничего не ответили.

– А знаешь, Сократ, папа-то напёк булочек, они уже готовы, так что выходите к нам пробовать.

– Мы переехали в другое место, – ответил Сократ. – Мы с Гюро переехали в Фабельвик, мы далеко.

– Пошутили – и хватит, – сказала Аврора. – Сократ, сейчас же ототри дверь!

– Я ушёл в море на ботике. Так что не могу. А Стокфиссо уехала в Африку.

– Папа! – позвала Аврора. – Сократ не открывает. Он говорит, что уехал в Фабельвик.

– Вот оно что! Ну, передай ему от меня привет. – Подойдя к двери, папа сказал: – Пожалуйста, оставайся там, Сократ, если тебе так больше нравится. Живи себе в Фабельвике, зато нам с Авророй и Эрле достанется больше булочек. Могу, конечно, прислать вам в северные края несколько штук, чтобы вы тоже угостились. А так, если хотите оставаться в ванной... то есть я хотел сказать, в Фабельвике, то, пожалуйста, никто не возражает.

– Так и быть, – сказал Сократ, – я открою.

Он попробовал повернуть ключ, но тот не слушался.

– Может, надо было повернуть в другую сторону? – сказала Гюро.

Но ключ застрял и вообще не поворачивался.

– Караул! – воскликнул папа Эдвард. – Я совсем забыл. С ключом и раньше было что-то не так. Я только сейчас вспомнил. Эту дверь мы обычно не закрываем на ключ. Попробуй ещё раз, Сократ, осторожно.

Они услышали, как Сократ за дверью возится с ключом, но тот никак не поддавался.

Тут Эрле тоже подошла к двери.

– Послушай, Гюро, – сказала она. – Может быть, вы сумеете вытащить ключ из замка и ты просунешь его мне в щель под дверью. Видишь, там есть щёлка между порогом и дверью.

– Попробую, – сказала Гюро. – Но вообще-то я сушёная рыбина.

Эрле заметно всполошилась, но папа Сократа только рассмеялся:

– А зовут тебя, случайно, не Стокфиссо?

– Ага, – ответила Гюро. – Вот ключ. Я вытащила его, сейчас просуну вам.

Из-под двери показался ключ. Эрле облегчённо вздохнула и сказала:

– Отлично.

Подобрав ключ с полу, она воткнула его в замок со своей стороны, но ключ действительно оказался негодным и замок не работал. С наружной стороны тоже ничего нельзя было сделать.

Из ванной послышался плеск воды, и раздался голос Сократа:

– Эй, люди! Давайте выручайте нас скорее, а то на Вест-фьорде штормит!

– Послушай, Сократ, – сказал папа Эдвард. – Сделай, пожалуйста, так, чтобы вернулась хорошая погода, а то мы не расслышим друг друга.

– Тут такое дело, – начал Сократ. – Ничего наперёд не скажешь.

– Это он говорит, что разыгралась непогода, – шёпотом пояснил Эдвард.

– Придётся повозиться, – сказала Эрле. – Нужно вывинтить замок.

Очень кстати оказалось, что она пришла с инструментами, а Бьёрн уже научил её, что делать, если кто-то нечаянно заперся в ванной и у него заело замок.

Она принялась выкручивать маленькие винтики, которые удерживали замок, но они плохо поддавались, ведь их, наверное, давненько никто не трогал.

И тут вдруг Гюро испугалась. Что, если мама не сумеет вынуть замок? Вдруг им с Сократом суждено навсегда остаться в ванной? Она заколотила в дверь кулаками и заголосила:

— Мама! Выпусти меня!

Как только она подняла крик, закричал и Сократ:

— Папа! Я не хочу больше оставаться в Фабельвике! Я хочу в Тириллтопен, есть булочки! И Чучело тоже!

— Тише! Тише! — успокаивал их папа. — Осталось совсем немножко подождать. Мама у Гюро всё умеет. Правда же, хорошо, что она как раз пришла? Да, Сократ? У неё с собой целый ящик со всякими инструментами. Там и щипцы-кусачки, и молоток, и отвёртки, и чего только нет.

Тут первый винтик вывалился на пол, и железная накладка, за которой был спрятан замок, зашаталась. Но Гюро и Сократ не могли этого видеть.

— Ещё один винтик, и всё — дело в шляпе, — сказала Эрле.

Она сняла железную накладку, заглянула в замок и снова попыталась повернуть ключ. Затем она посветила в замочную скважину фонариком:

— Там что-то мешает, вот ключ и застревает, — сказала Эрле. — А ну-ка, посмотрим. Надо же! Там, кажется, заколка для волос. И как только она туда попала?

— Знаю, знаю! — сказала Аврора. — Однажды мы с Нюсси играли в ванной и понарошку там заперлись. Вместо ключа мы использовали заколку и заперли дверь, наверное, неправильно. Это случилось давно, ещё до того, как мы переехали в Фабельвик.

— Вот оно что выясняется! — сказал папа Эдвард.

Тут Эрле отперла дверь, и папа сказал:

— Добро пожаловать в Тириллтопен, путешественники!

Гюро очень удивилась. Она думала, что папа Сократа будет браниться, а ей попадёт от мамы, но родители только обрадовались, что вызволили детей из ванной. А папа Эдвард сделал совсем неожиданную вещь: он взял и выкинул ключ в мусорный мешок со словами:

— Никогда в жизни не буду держать в квартире такого ключа. Если б не Эрле, не знаю, что бы я делал. А теперь все за стол!

Они ели булочки и запивали молоком, и вдруг неожиданно в дверь позвонили. Эдвард пошёл открывать. На пороге стояла женщина.

— Дворник здесь? — спросила она. — Мне сказали, что она пошла к вам работать. Ах, вот она какая работа! — недовольно протянула посетительница, увидев сидящую за столом Эрле.

— Нет, не такая! — сказал Эдвард. — Если хотите знать, какую работу выполнила мастер Эрле за то недолгое время, что она была здесь, то пожалуйста: она развесила все наши картины, а ещё успела вызволить из ванной двух ребятишек, которые там заперлись и не могли выйти из-за того, что замок заклинило.

— Спасибо за угощение, — сказала Эрле. — Что у вас нужно сделать?

— Я забыла в квартире ключ и захлопнула дверь, теперь я не могу попасть домой. Говорят, что у дворника имеется запасной.

— Так и есть. Сейчас за ним сбегаяю. Какой, вы сказали, номер вашей квартиры? Девятьсот девять? Пойдёшь со мной, Гюро?

– Пускай она ещё побудет у нас, пока мы с папой не поедём в город, – попросила Аврора. – Она даже булочку не успела доесть.

Эрле посмотрела на Гюро. Казалось, ей очень понравилось сидеть за столом и уплетать булочки в обществе Авроры и Сократа.

Поев, они уселись втроём на полу в спальне и покатали мячик. Потом им пришлось уступить место Эдварду, так как он пришёл мыть пол, но в остальное время спальня была предоставлена в их распоряжение, и вся троица наигралась к полному своему удовольствию, только Гюро и Сократ играли уже не в Фабельвике, а в Тириллтопене.

Дворник Сократ

Гюро сидела перед своим корпусом. Она так и проводила время: то покатается, то посидит, то опять покатается. Вальдемара и Кристину она на этот раз с собой не взяла. Они остались с Тюлинькой дежурить на телефоне.

Раньше Гюро приходила к Тюлиньке, и та за ней смотрела в качестве дневной мамы, теперь же стало наоборот: в десять утра Тюлинька сама приходила к Эрле и Гюро и, можно сказать, поселилась у них в квартире. Она сказала, что гораздо интереснее, если ты ходишь на работу, и в этом не было ничего удивительного, ведь Тюлинька привыкла всю жизнь работать телефонисткой, и ей было скучно всё время сидеть дома. К тому же и Индивид уехал на каникулы, так что сейчас ей не нужно было каждый день выводить его в двенадцать часов на прогулку.

Гюро рада была, что Тюлинька к ней приходит и в доме всегда кто-то есть. Гюро могла гулять, сколько захочет, но когда она приходила домой, там её встречала Тюлинька. В квартире у Эрле Тюлинька занималась не только тем, что отвечала на телефонные звонки. Она ещё много писала и вставляла в альбом фотографии. У неё накопилось много фотографий, которые она наснимала фотоаппаратом, подаренным по случаю переезда из пансионата в Тириллтопен, а теперь она о них писала. Тюлинька не просто подписывала фотографии, а про каждую писала несколько страниц, и тогда вокруг каждой фотографии складывалась

история, и в этих историях рассказывалось про Гюро и Индивида, про Эрле и Бьёрна, про маму Нюсси и про всех людей, с которыми Тюлинька познакомилась в Тириллтопене.

Иногда она фотографировала и незнакомых людей и тогда сама сочиняла о них маленькие истории. Тюлинька была довольна, и, когда звонил телефон, она отвечала спокойно и уверенно: «Это квартира дворника. Я принимаю заявки». Для заявок у неё был маленький блокнотик, в него она записывала, из какой квартиры звонили и что там нужно сделать. Если дело оказывалось срочное, она звала из окна Гюро и посыла-ла её за мамой. Таким образом, они все втроём работали дворником. Но сейчас Гюро не была занята и каталась на велосипеде. Вслух она ничего не говорила, но про себя вела долгий рассказ. Так она играла в свою любимую игру – в то, как за ними в один прекрасный день приедет Бьёрн и всех отвезёт в Кюлпен. Мама ничего не знала про эту игру, не знала и Тюлинька. Знали только Вальдемар и Кристина, но они никому про неё не рассказывали. Но вот вчера, когда Гюро была в гостях у Авроры и Сократа, случилось так, что Аврора спросила, поедет ли Гюро на каникулы, а Гюро, не успев подумать, проговори-лась: «Я поеду на каникулы в Кюлпен». Она так сказала просто потому, что ей очень этого хотелось, и потому, что приятно же, когда ты можешь ответить человеку на заданный вопрос.

Сейчас Гюро играла. Подъехав к парадному, она слезла с велосипеда, повернулась к окошку, за которым жила семья дворника, и помахала рукой. Затем она направилась к входной двери и сделала рукой так, как будто поднимала какую-то тяжесть. Наверное, это был рюкзак Эрле. Подняв его, она сказала:

– Садитесь, пожалуйста, в кабину!

Затем она нагнулась к маленькой девочке, и эта девочка была сама Гюро, но сейчас-то она была Бьёрном, поэтому она подняла девочку и посадила её в заднюю дверцу машины. Закрыв дверцу, она снова села на велосипед и сказала:

– Ну, поехали!

Однажды начав играть в эту игру, она повторяла её несколько раз. А теперь стала играть в то, что было дальше. Отставив в сторону велоси-

пед, она отправилась гулять по лужайке среди кустов и деревьев. Сейчас это было место, где стояла хижина Бьёрна. Погуляв немного, она вернулась к велосипеду: теперь они ехали обратно в Тириллтопен. Гюро очень хотелось, чтобы побольше народу видело, как она возвращается после каникул у Бьёрна.

Подъехав к подъезду, она увидела, что там происходит что-то интересное. Перед подъездом стоял автомобиль, а к автомобилю был прицеплен жилой фургончик, и тут из подъезда вышли Нюсси и её родители. Было даже непохоже, что они собрались ехать на каникулы, потому что в руках они ничего не несли, зато с вещами был Эдвард, папа Авроры и Сократа. Он нёс рюкзак и непромокаемую одежду с парой резиновых сапог, которые не поместились в рюкзаке. Поверх рюкзака лежал недосохший красненький носочек. Последними вышли Аврора и Сократ. Сократ крепко вцепился в руку Авроры и ни за что не хотел её отпускать.

– А где же ваш багаж? – спросил Эдвард.

– Мы всё сложили ещё вчера, – ответила мама Нюсси. – Всё там, в фургончике. Мы так привыкли собираться, что и не заметили, как собрались.

– Ну, Аврора, желаю тебе хорошего отдыха, – сказал Эдвард. – Будь умницей и береги себя.

– Хорошо, папа. А ты береги Сократа и передай привет маме. Ты же знаешь, я скоро вернусь.

Сократ не хотел её отпускать. Наверное, он был недоволен, что Аврора куда-то уезжает.

– Гляди, вон Гюро! – сказала Аврора. – Ты же рад, что можешь с ней поиграть.

Но Сократ не поддавался на уговоры и никак не отпускал её руку. Тогда Эдвард подкинул его высоко, и Гюро услышала, как он говорит:

– погоди, мы с тобой тоже придумаем себе каникулы. Ты же знаешь, что маме нужно ходить на работу, а мы с тобой возьмём и съездим к дяде Бранде, и там ты будешь за старшего у его близнецов.

– Сегодня поедem? – спросил Сократ.

– Нет. Это через недельку, – сказал Эдвард. – Сначала мне нужно закончить то, что я пишу.

Между тем Аврора и Нюсси забрались в машину, папа Нюсси сел за руль, а её мама обернулась и вежливо попрощалась с Сократом и его папой и тут, увидев Гюро, сказала ей:

– Как славно, что ты тоже поедешь на каникулы! Аврора говорила, что ты едешь в Кюлпен. Кланяйся от меня маме!

– Хорошо, – сказала Гюро и отъехала в сторону.

Машина с прицепом тронулась, Сократ немножко помахал, Эдвард махал долго и усердно, и Гюро тогда развернулась и подъехала к ним.

– Здравствуй, Гюро! – сказал Эдвард. – Не зайдёшь к нам поиграть с Сократом? Он говорит, что не хочет гулять во дворе.

– Мне некогда, – сказала Гюро. – Мне надо идти помогать дневной маме делать дворницкую работу.

– Ну раз так, ничего не поделаешь. А можно мне зайти к тебе и оставить заявку. Мне опять требуется помощь твоей мамы.

– Конечно, можно. Тюлинька записывает заявки, чтобы ничего не забыть.

– Ну так пойдём к Тюлиньке, – сказал Эдвард.

И они все втроём пошли в квартиру.

– Алло, – сказала Тюлинька так, как всегда начинала разговор по телефону, хотя они не позвонили, а пришли сами.

– Это Сократ, – сказала Гюро. – Раньше его звали Нильс, а теперь он опять Сократ.

– Не так, – сказал Сократ. – Сначала меня звали Сократ, потом Нильс, но это недолго, а теперь я снова Сократ, потому что меня так зовут.

– Правильно, всё так и было, – подтвердила Гюро.

– Как я рада наконец повидаться с тобой, – сказала Тюлинька. – Мне даже кажется, что я давно тебя знаю, Эрле и Гюро часто вспоминают тебя.

– Пошли в мою комнату, – сказала Гюро. – Я покажу тебе свой диванчик и скрипку.

Тюлинька и Эдвард остались разговаривать в гостиной. Эдвард спросил:

– Не могла бы Эрле помочь мне с занавеской для душа? Я уже купил всё, что требуется, но не очень разбираюсь в том, как её можно повесить.

– Я запишу и передам ей.

— Я слышал, что вы работаете дневной мамой у Гюро, — сказал Эдвард.

— Да, это так удачно получилось, — сказала Тюлинька. — Зимой я ушла с работы на телеграфе, а ведь я так привыкла каждый день ходить на работу и совсем растерялась, как я буду жить дальше — целый день одна наедине со своими мыслями. И тут как раз у нас в пансионате появились Гюро и Эрле. Они помогли мне с переездом, когда я переселялась сюда, и я так рада, что Эрле поступила сюда в дворники и мне не пришлось с ними расставаться.

— Повезло Гюро! — сказал Эдвард. — Всюду столько детей, которые сидят одни. Я вот тоже не знаю, как мне осенью быть с Сократом. У меня начнётся работа в школе, я буду преподавать в старших классах. Жена тоже работает, и Аврора будет ходить в школу. Когда мы приехали, Сократ в первый день очень напугался. Здешние ребяташки, кажется, его обидели, так что мне нужно найти кого-то, кто бы за ним присматривал. В детском саду мест нет. Все заняты.

— Я с удовольствием стала бы дневной мамой и для Сократа, — сказала Тюлинька. — И для Гюро так было бы лучше. Разве годится, что она всё время проводит только с Эрле да со мной, ей бы с детьми поиграть. Кроме неё я ещё работаю дневной мамой для одной собаки, но этот пёс сейчас уехал на каникулы. Про лето я ещё не знаю, как дальше сложится, потому что пока не решила, поеду я куда-нибудь или нет.

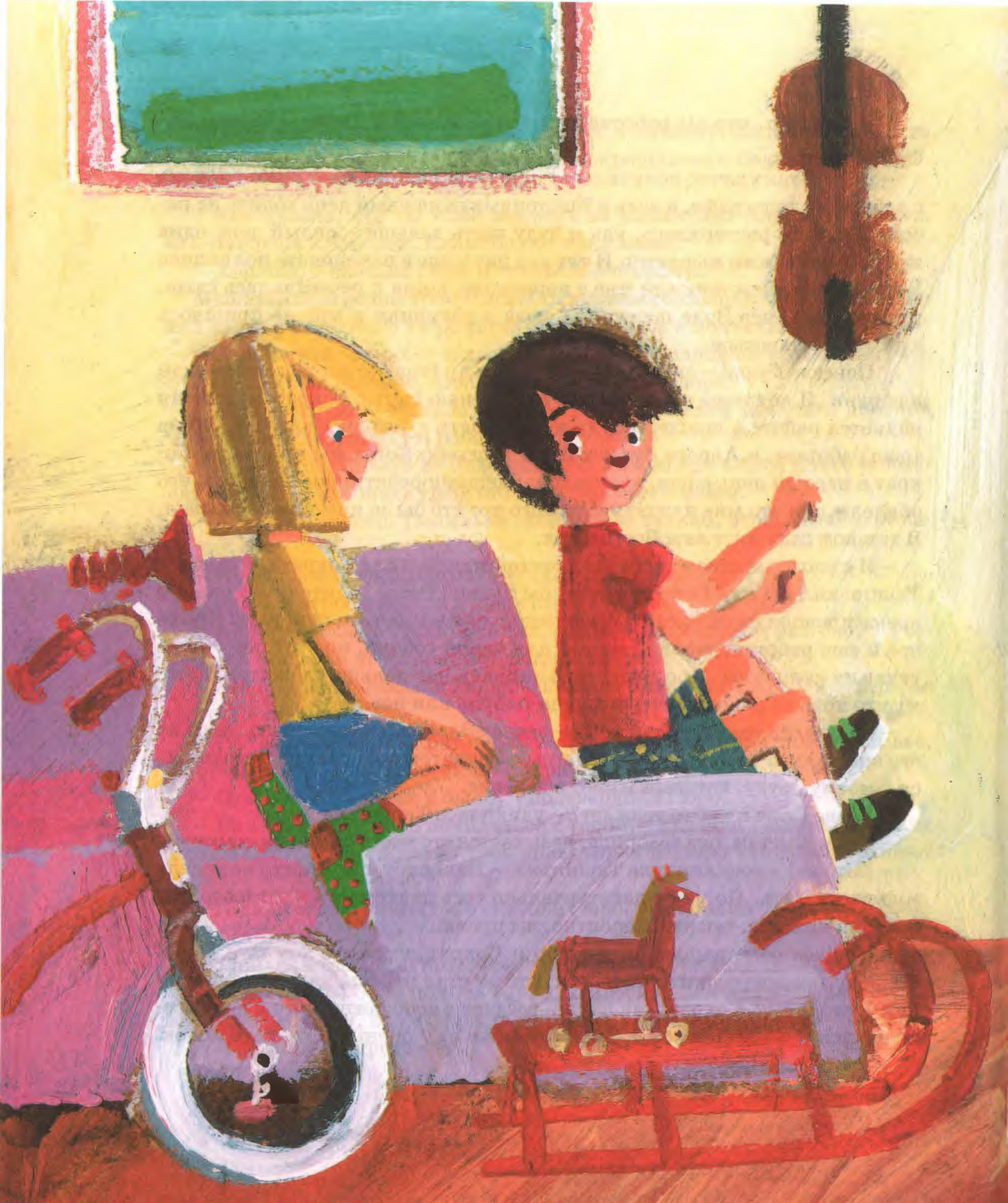
— Гюро ведь уезжает отдыхать, — сказал Эдвард. — Может быть, и вы на это время куда-нибудь съездите, а мы с Сократом собираемся отправиться к моему другу, который живёт в деревне.

— Разве Гюро куда-то уезжает? — удивилась Тюлинька.

— Н-да. Как там, она говорила, называется это место? Кюлпен, кажется.

— Вот как! — воскликнула Тюлинька. — Наверное, она просто не успела мне рассказать. Но у нас действительно есть знакомый, у которого там имеется хижина, так что, вероятно, вы правы.

Взрослые разговаривали, а Гюро и Сократ играли в комнате Гюро. Сократу так понравился диванчик, что он стал играть, как будто диванчик — это ботик. Сократ, как видно, всё ещё в воображении то и дело возвращался в Фабельвик, а в Тириллтопене ему очень не хватало лодок.

Поэтому и диванчик стал у него понарошку ботиком, и они с Гюро отправились в плавание. Но, поиграв в эту игру, Гюро решила, что теперь её черед выбирать, во что играть дальше.

– Всё, диванчик теперь не ботик, – объявила она. – Теперь он автомобиль Бьёрна.

Так она начала играть по-своему, и Сократ узнал про её игру.

– Давай как будто мы приехали за мной и ты скажешь: «Сколько весу в тебе сегодня прибавилось?» Потом ты нагнёшься и поднимешь меня высоко-высоко и посадишь сзади в машину, а сам сядешь за руль.

– Ладно, – сказал Сократ.

С первой попытки ему не удалось поднять Гюро, ведь они были оба одного роста, но потом, поднатужась, он всё-таки оторвал её от пола и посадил в угол дивана. Сам Сократ сел впереди и повёл машину.

– Теперь ты должен спросить, не вывалилась ли я по дороге.

– Ты не вывалилась, Гюро? – спросил Сократ.

– Нет, не вывалилась, я просто играла, – сказала Гюро.

– Трр-трр-трр, – сделал Сократ. – Мы едем. Мы едем в Фабельвик к помощнице судьи и Альфреду с набережной.

– Нет, – поправила его Гюро, – мы едем в Кюлпен. Знаешь, как сказал мальчик из поезда? Он вот так, по-особенному сказал: «Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен».

– Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен, – повторил Сократ и захохотал.

Он стал повторять эти слова ещё и ещё. И Гюро тоже громко их повторила. Оба очень хохотали, и тут вдруг в дверях появился Эдвард.

– Привет, дружная компания! – сказал он. – Тюлинька разрешила вам тут поиграть. Она говорит, что раз уж стала дневной мамой для Гюро, то может заодно с ней взять и тебя.

– Ой, – ответил Сократ. – Не мешай нам, пожалуйста! Мы с Гюро едем в Кюлпен. Кюлпен, Кюлпен!

– Ладно, ладно! – сказал папа Эдвард. – У Тюлиньки записан мой телефон, и, если я тебе понадобится, она даст тебе поговорить. Пока, не скучай! Сократ немного задумался:

– Не уходи! – попросил он. – Если ты пойдёшь, я с тобой.

Но Гюро сказала:

– Если хочешь, Сократ, то мы можем опять поиграть, как будто диванчик – это ботик.

– Хорошо, – согласился Сократ. – Тогда мы сперва съездим в Фабельвик, а потом в Кюлпен.

Эдвард попрощался с Тюлинькой, но, уходя, неожиданно заглянул в ванную и проверил, есть ли там ключ. Ключ торчал в замке. Папа Эдвард вынул его и отдал Тюлиньке.

– На всякий случай! – сказал Эдвард. – Вчера они закрылись у нас в ванной, и тогда стало не до смеха.

– Я спрячу ключ подальше, – сказала Тюлинька. – Для надежности.

Когда папа Сократа ушёл, она снова принялась писать. Время от времени звонил телефон, Тюлинька брала трубку и записывала, что передать Эрле. Но через некоторое время она насторожилась, потому что в комнате Гюро стало что-то уж больно тихо, до того тихо, что Тюлинька испугалась. Там же играли двое ребятшек, и вдруг оттуда ни звука.

Она на цыпочках подошла к двери и прислушалась. Так и есть – не слышно ни звука!

– Гюро! – позвала Тюлинька. – Ты там?

Никто не ответил. Тогда она открыла дверь.

– Гюро, Сократ! – позвала она снова.

И опять никто не откликнулся. Но тут Тюлинька увидела обоих. Дети лежали рядышком на полу около свободной стены. Они лежали так тихо, что у Тюлиньки перехватило дыхание.

– Вы что, заснули или, может быть, заболели? – спросила она и осторожно потрогала пальцем девочку. Гюро не отозвалась. Тогда она потрогала Сократа и, наверное, попала ему пальцем по животу. Сократу стало щекотно, он не удержался и начал смеяться, а Гюро закричала:

– И меня пощекочи!

– Во что это вы играете, дети? – спросила Тюлинька.

– Мы играем, как будто мы сушёные рыбины, – сказала Гюро. – Мы уже давно лежим на полке. Ну, Сократ, теперь, чур, я говорю, во что играть. Мы будем жеребятами, поэтому нам надо на улицу!

Они выскочили за дверь и начали носиться среди кустов и деревьев, которые росли перед домом. Гюро бегала так быстро, что её волосы раз-

вевались сзади флажком, а Сократ скакал вприпрыжку, а потом вдруг встал на четвереньки и опустил голову в траву, как будто он её ест.

В двенадцать часов пришла Эрле перекусить, и тут влетели Гюро с Сократом. Они ужасно проголодались, пока были сушёными рыбами и жеребьями.

Потом Эрле взяла их с собой, потому что ей надо было поработать во дворе, и они стали играть в дворников и тоже убирали двор.

Оба взяли по пластиковому мешку и стали собирать мусор, а когда замечали, что кто-то бросает на землю какую-нибудь бумажку, то делали строгое лицо и сразу подбирали за неряхой.

– Вы что-то выронили, – сказал Сократ дяденьке, который бросил в траву пустую пачку от сигарет.

– Что я выронил? – спросил дяденька.

– Вот это, – сказал Сократ, показывая ему смятую пачку.

– Так она же пустая, – удивился дяденька.

– Но мы уж так и быть за вами уберём, ведь мы дворники.

У дяденьки на лице появилось странное выражение. Казалось, он уже готов рассердиться, но Сократ так добродушно на него посмотрел, что дяденька пожал плечами и пошёл своей дорогой.

– Может быть, в другой раз он больше так не сделает, – сказала Гюро.

Потом пришла мама Сократа и увела его обедать.

– Папа позвонил мне на работу и сказал, где тебя искать, – сказала мама. – И я тоже хочу познакомиться с твоими новыми друзьями.

– Их зовут Гюро, Эрле и Тюлинька, – с гордостью сообщил Сократ. Ведь он мог назвать все имена, а мама, бедняжка, ни одного.

– Мы тут собрались три девушки, и все помогаем друг другу, – сказала Тюлинька. – Но нам очень приятно, что рядом есть теперь ещё и мальчик. Придешь завтра снова, Сократ?

– Да. Приду и буду дворником.

– Отлично, – сказала мама. – Только захвати с собой бутерброды и ещё, пожалуй, бутылочку молока.

– Да, – кивнул Сократ. – А ещё мешок для мусора. Пока, Гюро. – И затем добавил шёпотом: – Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен.

Гюро кивнула, сделав таинственное лицо.

Лилле-Бьёрн

Гюро и Сократу очень повезло, что Тюлинька взялась приглядывать за ними. С бутербродами и бутылочкой молока Сократ каждый день приходил в нижнюю квартиру, и они играли во дворе вдвоём с Гюро, а когда им хотелось побыть в доме, там их всегда встречала Тюлинька, и когда они завтракали, Тюлинька читала им что-нибудь вслух. Она обнаружила, где в Тириллтопене есть библиотека, и теперь ходила туда брать книжки. Когда наступало время обеда, Сократа забирали домой, а Гюро оставалась во дворе и каталась перед домом на велосипеде, немножко побыть одной было не страшно.

Как-то однажды, пока Гюро гуляла, Тюлинька, перед тем как уйти домой, задержалась, чтобы поболтать с Эрле.

– Ты давно не виделась с Бьёрном? – спросила Тюлинька.

– Довольно давно, кажется, – сказала Эрле. – Он так много помогал нам на первых порах и научил меня всему, чему надо, и я подумала, что нужно ему от нас отдохнуть.

– Ну да, ну да, – кивнула Тюлинька.

Возвращаясь к себе в корпус «Ю», она встретила Бьёрна. Он пропалывал морковную грядку, которую устроил на краю лужайки.

– Здравствуй, Бьёрн, – сказала Тюлинька.

– А, это вы! Я вас не сразу увидел, – сказал Бьёрн. – Ну, как там поживают Эрле и Гюро?

– Ничего, – сказала Тюлинька. – А что же вы их не навещаете?

– Не хочу быть навязчивым. Но как-нибудь на днях, думаю, загляну. Мне надо кое о чём спросить Эрле.

– Ну ладно. А мне надо бежать домой и приготовить себе что-нибудь на обед, – сказала Тюлинька.

А потом настала суббота, и этот день оказался не таким, как все прежнее, потому что мама и папа Сократа взяли палатку и уехали втроём на два дня. Они сказали, что вернутся только вечером в воскресенье. К Тюлиньке приехал в гости Андерсен из пансионата, и она поэтому была занята. Мама сказала, что раз в неделю нужно давать Тюлиньке свободный день, и, понятно, таким днём стало воскресенье.

Немногие ещё оставшиеся в доме жильцы, казалось, тоже решили все разъехаться, но кто-то всё-таки был дома, потому что в некоторых квартирах балконные двери стояли открытые, и Гюро слышала оттуда голоса. Значит, корпус не весь опустел.

Дело было в первом часу. Мама только что приняла душ и сказала:

– Ну вот, на сегодня мой рабочий день закончен. Может быть, мы с тобой придумаем, чем бы нам таким интересным заняться. Сперва пообещаем, я немножечко отдохну, и тогда мы посмотрим, что это будет.

Только они сели обедать, как Гюро услышала, что к дому подъезжает автомобиль. Звук мотора отличался от всех остальных, и Гюро не могла удержаться, она подбежала и выглянула в окошко.

– Это Бьёрн, – сказала она. – Это Бьёрн на своей машине.

Гюро и Эрле вместе вышли из подъезда, в кабине сидел Бьёрн. Увидев их, он вылез из машины.

– Давно же мы не виделись! – сказала Эрле. – Как хорошо, что ты надумал заехать.

– Ну, не хотел вам мешать, – сказал Бьёрн. – А сегодня я вообще-то заехал, чтобы попросить тебя об одной услуге. Мы с сыном собираемся съездить в Кюлпен. Так вот я хотел спросить, не могла бы ты пригласить без меня за морковной грядкой перед корпусом «Ю», а ещё нельзя ли мне оставить у себя на двери записку, чтобы жильцы в случае чего обращались к тебе? Может быть, это нахальство – обращаться с такими просьбами, но между нами уже был как-то разговор о том, что мы будем друг друга подменять. Пока меня не будет, ты присмотришь за моим корпусом, а в следующие выходные вы куда-нибудь съездите, а я подежурю за тебя.

– Разумеется, – сказала Эрле. – Так и сделаем.

Гюро стояла сзади автомобиля и не слышала, о чём говорят взрослые. Она же была так уверена, что Бьёрн приехал за ней, что они поедут в Кюлпен и сейчас Бьёрн посадит её в машину!

Она заглянула в заднюю дверцу и увидела там мальчика. Он был не такой уж и маленький. Совсем большой мальчик. По виду ему было лет восемь или девять. Мальчик выглянул в окошечко, которое было в задней дверце, и тут Гюро его узнала.

– Так это же... Это же... Мама, это же Лилле-Бьёрн! Лилле-Бьёрн, который жил у тётушки Заботы!

Мальчик тоже посмотрел на неё и, кажется, тоже узнал. Потому что он начал стучать в окошко, чтобы его выпустили.

Бьёрн подошёл к задней дверце и сказал:

– Чего тебе, Лилле-Бьёрн?

– Это Лилле-Бьёрн! – сказала Гюро маме.

– Гюро! – удивился мальчик. – Как ты выросла! Надо же!

Гюро тоже удивилась, что он так сказал, ведь это же, наоборот, он сам очень вырос.

– Ага, вы уже знакомы! – сказал Бьёрн. – Я так и подумал, когда услышал, что вы жили в Гампетрефе, только не стал говорить, потому что не мог знать наверняка.

– Вот чудак! – сказала Эрле. – Ведь это Лилле-Бьёрн, и с Гюро они знакомы.

– Это он научил меня играть в самолётики, – сказала Гюро. – Ну, прыгать самолётиком.

– Как жаль, что вы сегодня уезжаете, – сказала Эрле. – А то зашли бы к нам. Но если не сейчас, то, может быть, в другой раз.

– Я еду с папой в хижину, – сказал Лилле-Бьёрн.

– Верно, мы туда, – кивнул Бьёрн. – Но в другой раз мы непременно придём вас навестить, тем более раз вы уже знакомы. Вот ключ тебе от моей квартиры, Эрле, на всякий случай, там ты найдёшь список жильцов и их ключи. Так, значит, я повешу на двери записку, если ты не против.

– Конечно нет, – сказала Эрле. – Счастливого вам пути.

– Спасибо и до скорого!

Гюро замерла на месте. Она всё ещё ждала позади автомобиля. Может, Бьёрн вспомнит про неё, но он только сказал:

– Залезай, Лилле-Бьёрн. Пора ехать. В другой раз мы зайдём в гости к Гюро, пока ты здесь.

Лилле-Бьёрн уселся на место, и дверь за ним захлопнулась. Затем Бьёрн подошёл к кабине, сел на водительское сиденье и они уехали. А Гюро так и осталась стоять. Эрле тоже осталась и помахала вслед машине, а затем сказала:

— Пойдём домой, Гюро. Теперь на мне два корпуса, так что сегодня мне нельзя никуда уходить. Придётся нам посидеть дома. Тюлинька сходила в библиотеку, принесла нам хорошую книжку, вечером я тебе прочитаю.

— Я только покатаюсь на велосипеде, — сказала Гюро.

— Послушай, ты же ещё обед не доела, — напомнила мама.

— Да ладно, — сказала Гюро. — Я и так уж сыта.

Последние слова она произнесла так быстро, как только могла, вывела велосипед на дорожку, села и поехала прочь. Надо было как можно скорей отъехать подальше от мамы, потому что глаза у неё все наполнились слезами и она не хотела, чтобы мама это заметила. Мама же ничего не знала! Она не знала, как уверена была Гюро, что Бьерн возьмёт её с собой, не знала, что она всё время, каждый день в это играла! А теперь в это уже нельзя играть. Теперь ей только и осталось просто кататься на велосипеде.

Но сегодня она не стала кататься перед домом. Она завернула за дом, поставила там велосипед, нашла себе укромное местечко за кустиком и заплакала, и от этого ей стало немножко получше, потому что со слезами часть обиды ушла и тяжесть в груди стала легче.

Гюро плакала, пока не выплакала все слёзы.

Потом она пошла в песочницу. Там было много других детей. Сначала Гюро ничего не делала, а просто сидела в песочнице, пересыпала из горсти песок, шмыгала носом и вытирала лицо. Руки у неё были в песке, поэтому он размазался по лицу, песок смешивался со слезами, и щёки у неё покрылись коричневыми полосками. Но, посидев так немножко, она сама не заметила, как начала что-то делать. Она построила

из песка корпус «Ц», потом корпус «Ю». Теперь Эрле работает дворником на два корпуса, раз Бьёрн уехал. Значит, и Гюро тоже немножко дворник в корпусе «Ю». Сперва она на это сердилась и наводила красоту только перед корпусом «Ц». Двор вокруг него она украсила веточками, которые изображали деревья, и листочками, которые изображали кусты. Но двор перед корпусом «Ю» стал выглядеть рядом с ним так уныло, что она начала и там наводить красоту. А ведь перед корпусом «Ю» есть ещё и морковная грядка. Вдруг, пока Бьёрн уехал, кто-нибудь придёт и всё разорит! Тогда Бьёрн огорчится и подумает, что Эрле плохо за ней присматривала.

Наверное, надо пойти и проверить, как там дела. Гюро взяла с собой велосипед, потому что между обоими корпусами была удобная дорожка, по которой не ездили автомобили, и можно было спокойно доехать туда на велосипеде.

Перед корпусом «Ю» тоже было пусто и до странности тихо, но, когда Гюро подъехала к подъезду, из него вышло несколько человек – взрослые и с ними маленький мальчик и большая девочка. Девочка была совсем большая, почти взрослая, а мальчика она вела за руку, и тут одна из взрослых женщин сказала:

– Ну вот, всё в порядке, и вы можете не скучать! Очень удачно вышло, что у тебя, Грю, нашлась возможность посидеть с малышом. Дома для вас оставлено много всяких вкусностей. Ты только последи, чтобы Ларс вовремя лёг спать, а если будешь вечером кипятить чайник, то не забудь потом выключить конфорку.

– Да, конечно, – сказала девочка, которую звали Грю. – Ну что, Ларс, помашем ручкой?

У мальчика, которого звали Ларс, лицо было недовольное, но он помаhal рукой, и взрослые уехали.

– Хочу гулять, – сказал Ларс.

– Давай посидим на травке, – сказала девочка и уселась, а потом легла и стала загорать.

Мальчик побежал по лужайке и сразу направился к морковной грядке.

Гюро на всякий случай побежала следом за ним, но мальчик, кажется, не собирался делать ничего плохого, он только подошёл посмотреть, а когда к нему приблизилась Гюро, он сказал:

– Это моя морковка тут растёт. Бьёрн сказал, что она ещё не выросла. Когда она ещё подрастёт, мы её выдернем, и я свою съем.

– Угу, – согласилась Гюро.

И тут громкий голос позвал:

– Ларс! Нам пора домой, там будет весело. Вон ещё двое идут.

Подошли мальчик и девочка, и Грю сказала:

– Видишь, у нас гости. Давай, пошли!

Ларс побежал к ним, Гюро проводила глазами большую девочку, которая увела всех троих в дом, и на дворе больше никого не осталось.

Следить стало не за чем, и Гюро не спеша поехала домой.

Мама немного удивилась, увидев дочку. Она заметила бурые полосы у неё на щеках, но не стала ни о чём спрашивать, а только сказала:

– Сегодня суббота, Гюро, пошли мыться в ванне! Хочешь взять с собой кораблик?

– Да, – сказала Гюро.

– Я испекла торт, – сказала мама. – Так что будем праздновать.

Они поели торта, а потом мама целый час читала Гюро вслух, потом они слушали радио, а потом у Гюро стали слипаться глаза, и она без лишних разговоров пошла спать, а мама сказала, что ей ещё рано ложиться – вдруг кому-нибудь понадобится её помощь!

Поздно вечером позвонила Тюлинька:

– Я только хотела пожелать спокойной ночи. Сейчас проводила до метро Андерсена и потом возвращалась домой одна. По дороге я встретила довольно – как бы сказать – довольно шумную компанию молодежи, так что рада была, когда закрыла за собой дверь.

– Я же теперь и ваш дворник, – сказала Эрле. – Так что, если что, жалуйтесь мне.

– А что Бьёрн – уехал в Кюлпен?

– Да. Ты уже это знаешь, Тюлинька? – удивилась Эрле. – Он поехал с сынишкой, и оказалось, что мы с Гюро уже знаем этого мальчика, на этот раз мы не успели с ним поговорить, но ничего – как-нибудь в следующий раз!

– Гюро, наверное, очень огорчилась, – сказала Тюлинька.

– Да. А откуда ты знаешь? – спросила Эрле.

— Да так просто, догадываюсь, — ответила Тюлинька. — Малыши, бывает, напридумывают себе всякое разное. И мне кажется, Гюро мечтала о поездке, хотела, чтобы Бьёрн взял её в Кюлпен. Она же видит, как все куда-то едут, вот и придумала, как она тоже поедет путешествовать.

— Вот оно что! — сказала Эрле. — Теперь понятно, в чём дело. Но сейчас она спит и, по-моему, не переживает. Мы с ней читали книжку, которую ты нам принесла. Нам очень понравилось. Я буду читать ей вслух как можно чаще.

— Ну и хорошо. А теперь пора, наверное, прощаться и отправляться ко сну. Мы поговорим с тобой в понедельник, когда я к вам приду.

Эрле ещё повозилась по хозяйству и легла спать. Но не успела она заснуть, как в дверь позвонили. Она накинула халат и подошла к двери.

За дверью она увидела незнакомую женщину.

— У нашего дворника на двери висела записка, чтобы мы в случае чего обращались сюда, — сказала незнакомка. — Вот я и пришла. В нашем корпусе какие-то дети так расшумелись, что я пришла к вам просить, чтобы вы позвонили в полицию или, может быть, зашли бы сначала посмотреть, что там происходит.

— И где это происходит?

— Рядом со мной, в соседней квартире, на четвёртом этаже. Там собрались подростки, и сначала всё было тихо и мирно, но потом, как мне показалось, туда стали приходить всё новые и новые ребята, и сейчас у них там, знаете ли, такое пошло бурное веселье! Я несколько раз стучала в стенку, но в ответ они только кричали, а потом несколько человек пришли ко мне под дверь, так что я даже испугалась. Дождавшись, когда они уберутся с площадки, я тихонечко вышла, чтобы позвать дворника. А его не оказалось дома.

— Всё в порядке, — сказала Эрле. — Я только позвоню в одно место и сейчас же приду.

Эрле позвонила Тюлиньке. Тюлинька уже засыпала, но ответила своим всегдашним спокойным голосом. Ей не раз приходилось дежурить на телефоне ночью.

— Можно я принесу к тебе Гюро? Меня сегодня вызвали среди ночи улаживать какой-то беспорядок в корпусе «Ю», и мне не хочется бросать

её тут одну. Вдруг кто-нибудь позвонит, звонок разбудит её, и она испугается, что меня нет.

– Я постелю ей на диване-кровати, – сказала Тюлинька. – Он у меня двуспальный, так что ей будет на нём просторно.

– Если можешь, поставь, пожалуйста, кипятить самый большой кофейник, – попросила её Эрле, – и зажги конфорку на самую большую мощность. Я тогда захвачу с собой кофе.

Вряд ли Тюлинька очень обрадовалась такой просьбе, но она не возражала:

– Я сделаю всё, как ты сказала.

Мама завернула Гюро в одеяло, и Гюро даже не проснулась. Уж коли Гюро заснёт, то крепко спит до утра, тем более что сегодня у неё был не весёлый, полный событий день, так что теперь она хотела только спать и спать и ещё, может быть, посмотреть хороший сон.

С Гюро на руках мама пришла в корпус «Ю» и поднялась в лифте на одиннадцатый этаж, где жила Тюлинька. Женщина, приходившая жаловаться, шла за ней следом, она боялась одна возвращаться в свою квартиру.

К приходу Эрле Тюлинька уже разложила и застелила диван. Постель выглядела очень заманчиво. Даже жаль, что Гюро спала и не могла полюбоваться на такую красоту. Тюлинька приготовила постель на двоих. Она решила, что если Эрле потом вернётся, пускай тоже остаётся у неё спать. Эрле уложила сонную Гюро в постель, и Гюро не проснулась.

Мама пошла на кухню, насыпала в кофейник большую порцию молотого кофе и сказала:

– Ну вот, Тюлинька, я беру кофейник и иду в ту квартиру, где безобразничают подростки. И если что-то пойдёт там не так, то я уже не смогу тебе позвонить. В таком случае придётся тебе вызывать полицию. Давай договоримся так: если я не дам о себе знать через полчаса, ты им позвонишь. Это квартира номер четыреста пятьдесят.

– Хорошо, – сказала Тюлинька. – Может быть, лучше я пойду с тобой?

– Нет. Я должна быть уверена, что ты здесь, – сказала Эрле. – Заметь сейчас время по часам и жди, когда пройдёт тридцать минут. Может

быть, я сама приду раньше. Думаю, я как-нибудь обойдусь без полиции. Это всего лишь вечеринка, которую устроили подростки.

— Так-то так, — сказала женщина, которая вызвала Эрле. — Но ещё неизвестно, какая там вечеринка! — Она спустилась вместе с мамой на четвёртый этаж и, услышав шум, сказала: — Дальше я уже боюсь идти. Пойду закроюсь у себя. Лучше, если эти подростки меня не увидят, а то они сразу поймут, что это я на них пожаловалась, и станут мне мстить.

— Хорошо, идите к себе, — сказала Эрле.

Подождав, пока женщина закроет за собой дверь, она позвонила в шумную квартиру.

Оттуда неслись громкие голоса и гремела музыка.

«Ну, чего тут бояться, — сказала себе Эрле, — авось уж как-нибудь управимся без полиции».

Русалочьи розы

Эрле ещё раз позвонила в дверь скандальной квартиры, наконец кто-то вышел на звонок и открыл дверь.

— Ещё кто-то пришёл, — слышался радостный крик. — Вот это да! Вечеринка что надо!

— Я дворник, — сказала Эрле. — На вас поступила жалоба, что вы очень уж расшумелись.

— Ты дворник, — сказал большой парень. — В первый раз в жизни вижу дворника женщину! Чего тебе, красавица?

— А ну-ка, послушайте хорошенько, что я скажу, — обратилась к ним Эрле. — Да приглушите немного музыку, а то вы ничего не поймёте. Меня попросили позвать полицию, но, честно говоря, мне бы не хотелось. Если это возможно, я бы лучше договорилась с вами по-хорошему. У меня с собой горячий чёрный кофе. Будьте добры, попейте все.

— Это же надо! Вы что, прямо с кофейником? — воскликнул кто-то.

— Эй, слышите, что говорит девушка! Вы тоже к нам на вечеринку?

— Кто живёт в этой квартире? — спросила Эрле.

— Из нас — никто, — сказала одна из девочек. — Вот Грю, она сидит тут за няню.

— Да, — подтвердила Грю. — Я пригласила только троих. Это не считая меня. А их пришло десять, и я никак их не выгоню.

— О'кей, — кивнула Эрле. — А теперь, если хотите по-хорошему, каждый выпивает по чашке кофе и все, кто пришёл незванный, расходятся по домам. Тебя, кажется, зовут Грю? — повернулась она к девочке.

— Да.

— Значит, тебя оставили смотреть за ребёнком. Где ребёнок?

— Он в кровати, в той комнате, — ответила Грю. — И кажется, он недоволен.

Эрле зашла в спальню, там сидел в кровати маленький мальчик. Он не спал и испуганно таращился на дверь.

— Не бойся, — сказала Эрле. — Я пришла тебе на помощь.

— Пьяные дядьки! — сказал мальчик, не сводя глаз с двери.

— Сейчас они уйдут, — сказала Эрле. — А тебя я возьму с собой и уложу рядом с моей дочуркой. Тебе будет хорошо и спокойно.

— Я забираю его, — сказала она девочке-няньке. — А вам даю пятнадцать минут, чтобы вы отсюда убрались.

— А мы тебя закроем в спальне, — сказал один из мальчишек, самый горластый из всех.

— Пожалуйста, запирайте, — сказала Эрле. — Я договорилась с человеком, который следит по часам. И если я в самом скором времени с ней не свяжусь, она вызовет полицию. Надеюсь, что у вас хватит ума не доводить дело до этого. А теперь я пошла.

Она завернула малыша в одеяло и уже во второй раз за эту ночь понесла на руках ребёнка. Сначала она уносила так Гюро, а теперь мальчика.

Малыш прижался к ней и сказал:

— Мама и папа ушли.

— Ничего, скоро вернутся, ты же знаешь, — сказала Эрле.

— Они вернутся только завтра вечером, — сказал мальчик.

— Не беда, — утешила его Эрле. — Всё будет хорошо.

Она поднялась на лифте к Тюлиньке. Та сидела перед часами и следила за стрелками:

— Осталось десять минут, — сказала она. — Я ещё не звонила.

— И не надо, — сказала Эрле. — Я только уложу у тебя мальчика. Успокой его, пожалуйста, а я снова пойду в ту квартиру. Думаю, всё уладится. Подождём ещё минут пятнадцать. Если я не позвоню, вызывай.

Заскочив в квартиру Бьерна, она на всякий случай взяла там ключ от скандальной квартиры. Но, когда вернулась на четвёртый этаж, там уже было тихо. Все ребята разошлись по домам. Ушла даже няня. В квартире не было ни души. Однако было очень даже заметно, что тут побывали гости, так как всё было перевёрнуто вверх тормашками. Пол был весь испачкан, повсюду стояли брошенные рюмки, некоторые валялись разбитые. На столе стоял кофейник, который принесла Эрле, но теперь он был совершенно пустой.

«Ну вот и всё, — сказала себе Эрле. — Хорошо, что мне не пришлось вызывать полицию, в этом нет ничего приятного. А молодежь поступила так просто по недомыслию. Завтра с утра я зайду сюда и по возможности приберу беспорядок».

Проснувшись утром, Гюро сначала ничего не могла понять. Во-первых, она почему-то оказалась в квартире Тюлиньки, в большой двуспальной кровати, а рядом лежал маленький мальчик — тот самый, которого она вчера видела перед корпусом «Ю».

— Ларс! — сказала Гюро.

— Хорошо, что ты знаешь, как его зовут, — сказала Тюлинька. — Сейчас я вам дам завтрак в постель, а затем прочитаю сказку.

— Не про пьяных дядек! — попросил Ларс.

— Ну что ты! Про больших толстых троллей, — весело пообещала Тюлинька.

Дети, сидя в постели, уплетали бутерброды, а Тюлинька читала им сказку.

Вскоре пришла Эрле.

— Подумать только! — сказала она. — Прихожу я сегодня утром в квартиру, чтобы убрать беспорядок, а там всё уже прибрано и вычищено, словно там вчера никого и не было. Должно быть, это та девочка, Грю, так хорошо навела порядок, а мне она оставила записку, где она извиняется за вчерашнее. Так что об этом можно забыть. Но, мне кажется, она ещё не доросла до того, чтобы доверять ей на субботний вечер ребёнку.

— Зато я доросла, — с гордостью сказала Тюлинька. — Хочешь завтракать?

— У меня уже слюнки текут. Я так устала и проголодалась.

Все уселись на диване, и получилось, как будто они выехали куда-то из города. По крайней мере, так показалось Гюро. Она словно бы отправилась в летнее путешествие — ведь она не сидела дома!

Потом они ходили гулять, а к вечеру Эрле и Гюро отвели Ларса домой. Там их уже дожидалась Грю. Эрле сказала:

— Хорошо, что ты уже здесь и будешь на месте к приходу родителей Ларса.

— Я так жутко боюсь! — сказала Грю.

— Главное, расскажи всё, как было, — посоветовала Эрле. — Всегда самое лучшее — сказать правду. Если хочешь, я могу с ними поговорить. Я же вижу, что с Ларсом вы друзья, значит, ты хорошо с ним общаешься. А вчерашний случай — это же было ненарочно, и, по-моему, ты очень хорошо всё прибрала.

— Грю хорошая, — сказал Ларс, — а те — дураки.

— Ну, а теперь давай по домам, — сказала Эрле. — Заходи к нам в гости, Грю, если захочешь!

В воскресенье вечером вернулся Бьёрн, и Эрле разрешила Гюро лечь спать попозже. Тюлинька тоже пришла, и все вместе сели ужинать с Бьёрном и Лилле-Бьёрном. Потом Тюлинька, и Эрле, и Гюро рассказали Бьёрну, что тут было без него, а Гюро закончила свой рассказ такими словами:

— Хорошо, что я не уезжала с вами, а то я не встретила бы Ларса перед вашим корпусом и мы бы не знали, как его зовут.

Эрле рассказала всю историю, Тюлинька пересказала её ещё раз, и Бьёрн под конец сказал:

— Хорошо, что вы все тут живёте. Подумать только — сразу три дворника вместо одного!

— Понимаешь, мы — три подружки и помогаем друг другу, — сказала Тюлинька, — и, по-моему, это было очень интересно.

— Я рад, что вам не пришлось звонить в полицию, — сказал Бьёрн. — Для них это кончилось бы большими неприятностями. Я знаю Грю и не-

которых из тех ребят. Вообще-то они неплохие, всё случилось только из-за того, что другие ребята прослышали о том, что Грю остаётся одна в квартире. Я с ними поговорю. Хорошо, что Тюлинька приютила малыша Ларса. Знаете, что я подумал? Я подумал, что неплохо бы вам, трём подружкам, которые помогают друг другу, съездить на каникулы. После того как вы переехали в Тириллтопен, на вас обрушилось сразу столько дел и забот. Вы можете отдохнуть в моей хижине. Лилле-Бьёрн уезжает на каникулы к маме на три недели, а я остаюсь на работе. Сейчас лето, дел немного, так что я управлюсь с работой на два корпуса. Поэтому давайте-ка я вас в субботу отвезу туда на недельку, а в следующее воскресенье заберу домой. Вот только не знаю, как вы втроём разместитесь в моей машине. Для взрослого человека багажное отделение не очень подходящее место.

— Я знаю, что мы сделаем, — сказала Тюлинька. — Кажется, Кюлпен — это станция, которая находится, не доезжая одной остановки до Беккефарет?

— Да, — подтвердил Бьёрн.

— Я поеду на поезде, — решила Тюлинька. — Андерсен как раз собирается в Беккефарет навестить старого друга, у которого там есть хижина. Вот я и поеду с ним за компанию, сойду в Кюлпене и там встречу с вами.

— Мне казалось, что я слишком мало ещё проработала, чтобы уже просить об отпуске, — начала было Эрле, но, взглянув на Гюро, поспешила принять приглашение. — Жаль, что Лилле-Бьёрна с нами не будет, — добавила она.

— Это можно будет исправить как-нибудь осенью, — сказал Бьёрн.

— Не знаю, как вас и благодарить, — сказала Эрле. — По крайней мере, в субботу мы сами можем подойти к вашему дому с вещами, чтобы вам не ехать за нами.

— Нет! — воскликнула Гюро. — Пожалуйста, приезжайте за нами к подъезду, потому что, потому что...

Гюро не хотелось говорить, почему она об этом просит, но Бьёрн и так понял, что для неё это важно, и он сказал:

— Конечно, приеду.

Удивительно, какие разные могут быть два дня! Вчера, в субботу, Гюро была в плохом настроении, и ей и маме обоим пришлось нелегко, и вот после такой субботы, когда всё шло не так, воскресенье вдруг выдалось такое радостное и последовавшие за ним дни тоже. Эрле и Гюро познакомились с новыми людьми. Приходил поиграть маленький Ларс, и Сократ приходил, и два раза по вечерам приходила в гости большая девочка Грю. Она пришла поговорить и с Гюро разговаривала по-настоящему, как с большой девочкой, и с Эрле. Один раз она помыла у них посуду и сказала, что для неё это одно удовольствие.

Родители Ларса прислали им три корзинки земляники, так что ягод хватило поест на сладкое и ещё осталось, так что они с мамой наварили варенья.

Дни бежали так быстро, и вот уже опять наступила суббота, но на этот раз Гюро не пришлось прятаться за домом, чтобы поплакать за кустиком. Мама и Гюро принялись укладывать вещи, а в корпусе «Ю» на одиннадцатом этаже укладывала чемодан Тюлинька. Она не привыкла ездить за город, и ей пришлось вызвать такси, чтобы её довезли до станции.

Когда Гюро уезжала, народу перед домом было немного, все разъехались, но несколько человек всё же вышли, там были дети, которых Гюро немножко уже знала, и Сократ, и его папа. Сократ с папой тоже уезжали. Когда подъехал Бьёрн, они как раз укладывали вещи в машину. И Грю тут была, и другие большие дети, с которыми она дружила, и все они увидели, как Бьёрн сказал, обращаясь к Эрле:

— Садитесь, пожалуйста, в кабину. А вот и Гюро! Рюкзаки на месте? А ну-ка посмотрим, сколько ты весишь перед поездкой на каникулы!

Он высоко поднял Гюро и сказал:

— А теперь помаши всем знакомым!

Гюро помахала, и Бьёрн посадил её сзади в машину. Оттуда она могла смотреть в окошко на дверце и видела, как скачет и машет рукой Сократ.

И вот они тронулись и поехали из Тириллтопена. Бьёрн и мама в кабинке разговаривали, а Бьёрн вдруг спросил:

— Ну как ты там, Гюро? Не вывалилась из машины?

И тут Гюро сказала:

– Нет. Только кое-что я хочу сказать.

– И что же это?

– Всё так здорово! – сказала Гюро. – Вальдемар и Кристина тоже не вывалились, но они играют, что едут в Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен, – добавила она шёпотом.

– Молодец, – сказал Бьёрн.

Он вёл машину так ровно и осторожно, а Гюро смотрела в оконце на задней дверце. На этот раз она не боялась, что машины сзади догонят и наедут на неё, потому что если им надо ехать быстрее, чем Бьёрн, пожалуйста, обгоняйте, Бьёрна можно объехать.

А Тюлинька ехала в поезде с Андерсеном, и скоро они встретятся на станции в Кюлпене и вместе пойдут к хижине, которая стоит возле небольшого озера.

Хорошо, что рядом был Бьёрн, иначе Тюлиньке нелегко было бы дотащить тяжёлый чемодан, потому что дорожка, которая вела к хижине, поднималась в гору. Бьёрн нёс чемодан, закинув его себе на плечо.

Они всё шли и шли и несколько раз останавливались, чтобы отдохнуть. Они подымались всё выше и выше, и, куда ни глянь, всюду был лес. И так странно – рядом он был зелёный, а вдалеке казался синим, потому что там были горы. Наверное, от синего неба и воздуха лес там был такой синий.

– Так что хижина у меня небольшая, – сказал Бьёрн на ходу.

– Для нас вполне хватит, – сказала Эрле.

– И электричества там нет, – добавил Бьёрн. – И я варю еду на старинной дровяной плите.

– Надо же как здорово! – обрадовалась Тюлинька. – Я буду пилить дрова, это очень интересное занятие.

– Там две спальни, – продолжил Бьёрн, – но койки расположены одна над другой, и кому-то одному придётся спать наверху.

– Я буду наверху, – сказала Гюро. – Это же очень весело залезать наверх.

– Спокойно можешь там спать, – сказал Бьёрн. – Я сделал у верхней полки бортик, чтобы никто не скатился во сне.

Наконец они пришли к хижине, она стояла прямо над маленьким озером с водяными лилиями и гляделась в него точно в зеркало. Бьёрн разжёл огонь в плите и зажарил яичницу с беконом, а потом они поели, сидя возле окошка и любуясь на блиставшее внизу озеро.

— У меня тут есть две удочки, — сказал Бьёрн. — Можете ими пользоваться, Эрле и Тюлинька. А мы с Гюро пока займёмся другим интересным делом.

Он взял Гюро за руку и спустился с ней к озеру. На озере стояла лодка, и Бьёрн сказал:

— А теперь, Гюро, мы с тобой покатаемся на лодке по озеру. Устраивайся на корме, сиди тихо и не шали, а я буду грести.

Гюро сидела тихо как мышка и смотрела, как Бьёрн гребёт. Он грёб так осторожно, что почти не плескал вёслами. В озере отражались деревья, а на берегу стояли с удочками Эрле и Тюлинька. Должно быть, они ничего не поймают, потому что они ничего не делали, а просто стояли и любовались озером.

— Видишь цветы на воде? — спросил Бьёрн. — Вообще они называются водяными лилиями, но некоторые люди называют их русалочьими розами. По-моему, это красиво. Обещаешь мне одну вещь, Гюро? Обещай, что ты никогда не будешь спускаться к озеру одна. Когда я вернусь в Тириллтопен, мне не хотелось бы всё время тревожиться, что вдруг ты упадёшь в воду и тебя больше не будет.

— Обещаю, — сказала Гюро.

— Ну тогда я буду совершенно спокоен. — Они долго катались на лодке, но потом Бьёрн повернул к берегу и сказал: — А теперь заберём-ка с собой обеих рыбачек, вернёмся с ними в хижину и затопим печку.

Гюро разрешили ещё посидеть со всеми, пока она не почувствовала, что устала, и сама с удовольствием пошла спать. Надев ночную сорочку, она вскарабкалась на верхнюю койку. И мама, и Тюлинька, и Бьёрн пришли пожелать ей спокойной ночи. Гюро легла и лежала тихо-тихо, повторяя про себя «Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен», пока не заснула.

Поздно вечером Бьёрн уехал домой в Тириллтопен, и, когда они наутро проснулись, Тюлинька сказала:

— Самое замечательное в каникулах — это то, что ты можешь заняться совсем другими делами, чем обычно. Так что теперь я буду дворником и примусь пилить дрова.

— А я буду готовить еду, — сказала Эрле. — Обыкновенно на готовку у меня не остаётся времени.

— А я буду вашей дневной мамой, — заявила Гюро, — потому что раньше я никогда этого не делала.

И вот три подружки зажили душа в душу, для них было привычно работать вместе, а в эти каникулы они устроили всё так, что все работали понемножку и у всех было много свободного времени. Когда у Гюро было свободное время, она играла в игрушки Лилле-Бьёрна, потому что ей разрешили их брать, кроме того, она познакомилась со всеми деревьями вокруг хижины, но никогда не ходила к озеру одна, только вместе с мамой или Тюлинькой. Каждый вечер они спускались на берег.

— Какая прелесть — отражения деревьев в воде! — сказала Тюлинька. — И эти цветы. Как они называются?

— По-моему, водяные лилии, — сказала Эрле.

— Нет, — сказала Гюро. — Для Бьёрна они русалочьи розы.

СОДЕРЖАНИЕ

Гюро

Маленький мальчик	7
Тюлинька	17
Недоразумение	26
Мама на стремянке	35
Мама малярничает	47
В школе дворников	53
На телеграфе	61
Ещё одно существо, которому нужна Тюлинька	70
Слишком много событий для одного дня	80
Мама и Гюро	89

Гюро и русалочки розы

Вы бывали когда-нибудь в большом городе?	101
День переезда	112
Дзинь-дзинь-дзинь	122
Большой мебельный фургон и маленький мальчик	130
Мебельный фургон из Гампетрефа и грузовик из города	140
Летняя мечта	149
Дворник Сократ	163
Лилле-Бьерн	172
Русалочки розы	180

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

ВЕСТЛИ Анне-Катрине

Знакомьтесь, Гюро!

Повести

Перевод с норвежского *Л.Г. Горлиной и И.П. Стребловой*
Художник *Н.В. Бугославская*

Ответственный редактор *С.В. Рахманова*
Художественный редактор *Е.Р. Соколов*
Технический редактор *С.А. Грачёва*
Корректор *Т.С. Дмитриева*
Компьютерная верстка *О.В. Краюшкина*

Подписано в печать 25.03.2016. Формат 84×100^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72.

Тираж 8000 экз. D-VES-16789-01-R. Заказ № 4063.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

Есть книги, которые каждому необходимо прочитать в детстве.

Среди них – книги известной норвежской писательницы

Анне-Катрине Вестли (1920–2008).

На родине её имя известно каждому, а её популярность в Европе

можно сравнить только с популярностью Астрид Линдгрен.

Более чем за полвека литературного творчества Вестли написала 56 книг

и получила почётное звание Бабушки Всей Норвегии.

Книги Вестли переведены на многие языки

и пользуются огромной популярностью во всём мире.

Вы наверняка помните истории про папу, маму, бабушку,

восемь детей и грузовик. В этой книге вы познакомитесь

с героями нового цикла Анне-Катрине Вестли: маленькой девочкой Гюро,

её мамой Эрле, которая стала дворником, бывшей телефонисткой

Тюдинькой, которая теперь стала дневной мамой для Гюро,

Индивиды (очень весёлого щенка) и друга Гюро Сократа

(его ещё зовут Нильсом), и многими другими.

В этот сборник входят две повести: «Гюро»

и «Гюро и Водяные лилии».

Machan

ЕАС